

Д. ШЕПЕЛЕВИЧЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭТЮДЫ.

СЕРІЯ I.

I. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКАГО. — II. „ВНЕШАНСКІЙ
КУЩЕЦЪ“ ШЕКСПИРА — III. БОККАЧЬО ВЪ ИССЛѢДОВАНІИ А. Н. ВЕСЕ-
ЛОВСКАГО. — IV. ДРАМАТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО КАЛЬДЕРОНА. —
V. БИТЬ И НЕАВЫ ГЕРМАНИИ XII—XIII ст. по
ЦЕЗАРІЮ ГЕЙСТЕРВАХСКОМУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28

1904

ОТЪ АВТОРА.

Появленіе въ печати сборника предлагаемыхъ вниманию читателя этюдовъ вызвано желаніемъ автора облегчить изученіе мало и вовсе незатронутыхъ нашими изслѣдователями вопросовъ тѣмъ любителямъ исторіи литературы, которые мишенъ возможности уделять много времени историко-литературнымъ изысканіямъ, но не дозволяются общими курсами и поверхностными очерками. Кому извѣстны условія распространенія подобныхъ изданій, тотъ не заподозритъ автора въ расчетахъ на матеріальный или нравственный успѣхъ. Паденіе интереса къ исторіи литературы поражаетъ не въ одномъ русскомъ обществѣ. Трудъ историка литературы проходитъ незамѣченнымъ и не окупается, но онъ необходимъ, какъ несеніе извѣстнаго дома передъ обществомъ за тотъ небольшой досугъ, который оно предоставляетъ специалистамъ.

Статьи, вошедшія въ настоящій сборникъ, представляютъ собою рядъ работъ, возникшихъ и напечатанныхъ въ разное время *).

*) Кроме значительной части статьи объ Эразмѣ Роттердамскомъ и этюда о Цезаріи Гейстербахскомъ.

ситетскаго курса, и юбилейныя чтенія и даже одна студенческая работа. Автору кажется, что онъ касался темъ необсѣдованныхъ въ русской литературѣ, а иногда мало обработанныхъ и въ западной. Такъ, культурно-историческое значеніе сборника Цезарія Гейстербахскаго выяснилось сравнительно недавно; литературная дѣятельность Эразма Роттердамскаго известна у насъ, главнымъ образомъ, по одному сатирическому произведенію «Похвала Глупости», содержаніе труда А-ра Веселовскаго о Боккаччо почти неизвѣстно и значеніе драмъ Кольдерона почти не выяснено.

15 августа 1904 г.

I.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКАГО.

Педагогическія идеи Эразма.

Весь интерес, возбуждаемый знаменитым гуманистом Эразмом Роттердамским, собственно сосредоточивается не в его биографии, бѣдной, какъ и у многихъ ученыхъ, вѣшними происшествіями, а въ его литературной, ученой и, выражаясь современнымъ терминомъ, публицистической дѣятельности. Независимо отъ своего желанія, Эразмъ принялъ участіе въ движеніи, подготовившемъ реформу, и оказалъ большую услугу Лютеру и его послѣдователямъ. Онъ имѣлъ полное основаніе утверждать, что „снесъ куриное яйцо, изъ котораго Лютеръ высидѣлъ птенца совершенно иного рода“. Дѣятельность Эразма въ совокупности принадлежитъ новому времени и не имѣетъ ничего общаго съ отживающимъ средневѣковымъ строемъ. Нерѣдко гуманистъ этотъ высказываетъ смѣлыя и оригинальныя сужденія и взгляды и ратовалъ за истинные интересы прогресса съ изумительнымъ постоянствомъ.

Знакомство съ разносторонней и разнообразной дѣятельностью нашего гуманиста позволитъ намъ судить о многихъ сторонахъ культурной жизни его времени. Необыкновенно впечатлительный, весьма словоохотливый Эразмъ охотно дѣлится съ читателями своими наблюденіями и доставляетъ цѣнный и содержательный матеріалъ для знакомства съ различными сто-

ронами жизни XVI в. Не присоединяясь къ какой-либо пар-
тии, Эразмъ, въ качествѣ посторонняго наблюдателя, умѣлъ
отмѣчать заблужденія и увлеченія другихъ.

Можно сказать, что Эразмъ былъ первымъ публицистомъ
Европы. Его письма, расходившіяся въ громадномъ количе-
ствѣ экземпляровъ, касаются разнообразныхъ общественныхъ
вопросовъ. Онъ предлагалъ вниманію публики то, что считалъ
наиболѣе важнымъ. Рядомъ съ теологическими и догматическими
разсужденіями онъ издавалъ прекрасно написанные трактаты,
касающіеся реформы той или другой стороны общественной
жизни.

Особенно страстно и со вниманіемъ дѣла высказывался нашъ
гуманистъ о воспитаніи и образованіи юношества.

Воспитаніе дѣтей, обученіе юношей велось во время Эразма
по крайне варварской системѣ. Впечатлительный гуманистъ
зналъ это по собственному опыту. Особенно страдалъ онъ,
какъ извѣстно въ коллегіи Монтею, яркими красками рисуя
положеніе свое и сотоварищей.

„Назадъ тому 30 лѣтъ, говорить онъ въ трактатѣ „Рыбо-
яденіе“, я жилъ въ Парижѣ въ коллегіи, названіе которой
займствовано отъ уксуса“. „Ну, теперь я не удивляюсь, го-
ворить собесѣдникъ діалога, что теологическіе диспуты
были тамъ такъ кислы; тамъ самыя стѣны, говорятъ, вы-
дыхали теологическіе туманы“. Эр. „Ваша правда. Зато я
относился къ этой коллегіи не иначе, какъ къ учрежденію,
наполненному нездоровыми жидкостями и множествомъ чер-
вей. Этою коллегіей управлялъ извѣстный Іоаннъ Стоденъ,
человѣкъ не злой, но вовсе лишенный разсудка. Еслибъ онъ,
самъ испытавшій въ юности крайнюю бѣдность, обращалъ
хоть какое-либо вниманіе на бѣдняковъ, — это было бы еще
хорошо. Еслибъ онъ хоть на столько заботился о нуждахъ
молодыхъ людей, чтобы доставлять имъ помощь кредита для
ихъ занятій, на удовлетворяя, положимъ, всѣхъ ихъ потреб-

ностей, — и это было бы достойно похвалы. Но у насъ были
только жесткія постели, да постоянно голодный столъ; мы
должны были выносить тяжкія бѣднѣя и утомительныя работы.
Въ первомъ же году моихъ испытаній сколько видѣлъ я мо-
лодыхъ людей, которые одарены были прекрасными способ-
ностями, подавали богатя надежды, но либо похищены прежде-
временною смертію, либо же поражены слѣпотою, сумасше-
ствіемъ, проказою! Не верхъ ли это жестокости?. И притомъ
не одни бѣдные школьники подвергались этой дисциплинѣ.
Къ Стодену, въ его заведеніе поступало множество молодыхъ
людей, принадлежавшихъ къ богатымъ фамиліямъ; онъ и въ
нихъ гасилъ благородный пламень. Разумно обуздывать увле-
ченія юности, конечно, обязанность отца, но среди суровой
зимы давать голоднымъ молодымъ желудкамъ только кусокъ
черстватаго хлѣба и посылать ихъ искать воды въ сосѣднемъ
каналѣ, — и притомъ воды зловонной, нездоровой или замерзшей!
Я лично зналъ многихъ молодыхъ людей, наживавшихъ
въ коллегіи такія болѣзни, отъ которыхъ не могли потомъ
освободиться всю жизнь. Наши спальни были въ нижнемъ
этажѣ, и глиняныя стѣны спаленъ сплошь покрыты были
плѣсенью“.

Ужасы этой коллегіи не представляли ничего поразитель-
наго въ сравненіи съ тѣмъ, что творилось въ начальныхъ
школахъ. „Четырехъ лѣтъ отъ роду, пишетъ Эразмъ, дѣти
посылаются въ школу, гдѣ сидитъ безвѣстный, грубый, не-
пристойнаго поведенія учитель, иногда даже страдающій ум-
ственнымъ разстройствомъ, часто лунатикъ или съ падучей,
или съ еще болѣе ужасною болѣзнію. Думая, что нашли
нѣчто въ родѣ царства, эти люди позволяютъ себѣ необыкно-
венныя насилія, хотя они господствуютъ не надъ дикими
звѣрами, какъ говоритъ комическій поэтъ, а надъ возрастомъ,
съ которымъ надо обращаться мягко и ласково. Можно сказать,
что это не школа, а мѣсто пытки. Тамъ только и слышны удары

линейкой, свистъ розогъ, жалобы и ужасныя угрозы. Что же получается? Именно то, что дѣти начинаютъ ненавидѣть учене. Стоитъ этой ненависти разъ овладѣть ихъ душами, даже въ возрастѣ они питаютъ отвращеніе къ наукамъ“.

Еще хуже, по заявленію Эразма, обращаются съ дѣтми невѣжественныя гувернантки, когда имъ поручаютъ воспитаніе мальчиковъ. Онѣ легко раздражаются и вымещаютъ свой гнѣвъ на дѣтяхъ.

Эразмъ былъ знакомъ съ однимъ теологомъ, рекомендовавшимъ и примѣнявшимъ къ дѣтямъ на практикѣ самыя невѣрныя строгости. Такъ, почти ежедневно послѣ обѣда онъ заставлялъ сѣчь одного или двухъ мальчиковъ, чтобы смирить, по его выраженію, гордыню. Другой теологъ, избывъ до полусмерти десятилѣтняго мальчика, ограничился заявленіемъ: „онъ ничего дурного не сдѣлалъ, но было необходимо его унижить“.

Розги, впрочемъ, сравнительно съ другими мѣрами, были слабымъ наказаніемъ. Нерѣдко учителя колотили провинившихся чѣмъ попало. Повѣсивъ подъ мышки, били линейками или розгами. Нерѣдко поили укусомъ, растворомъ соли и даже нечистотами; били спиной объ стѣну до полусмерти по самому ничтожному поводу или безъ всякаго. Таковы были физическіе приемы, которыми внушалась любовь къ наукѣ; тѣ пытки, которымъ подвергали умы дѣтей, вполне были достойны физическихъ истязаній.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣтей мучили тонкостями опредѣленной частей рѣчи, анализомъ составныхъ частей предложенія, причемъ учителя старались уммышленно затѣмнять возбуждаемые вопросы, переплетая грамматику съ діалектикой. Еще въ нѣжномъ возрастѣ дѣти должны были взыряться въ діалектическихъ упражненіяхъ, весьма часто не понимая смысла произносимыхъ словъ.

Мѣсто классиковъ занимали въ то время неизвѣстные въ

наше время схоластическіе писатели: Эбрардъ, Герландъ и др. Это были учебники, по которымъ велось преподаваніе въ школахъ, между прочимъ въ Девентрѣ, гдѣ воспитывался Эразмъ. Въ Парижѣ лучшими учебниками считался *Доктриналь* Александра de Ville Dioz (въ стихахъ) и Католиконъ доминиканца Бальба. Эразмъ жалуется, что учителя изъ мелочнаго желанія похвастать своими познаніями начинали съ труднѣйшихъ вопросовъ, ставившихъ въ тупикъ способнѣйшихъ дѣтей.

Эразмъ касается и администраціи школъ. Высшія училища—родъ лицеевъ—въ матеріальномъ отношеніи были хорошо обставлены, но они находились подъ наблюденіемъ съ одной стороны властей, съ другой—священниковъ, что вело къ постоянному столкновенію интересовъ и частнымъ пререканіямъ. Во главѣ такихъ училищъ стоялъ *Scolaster*, который долженъ былъ заведывать хозяйственною частью и наблюдать за правильнымъ ходомъ преподаванія, но который въ сущности гораздо болѣе заботился о своихъ собственныхъ интересахъ, нежели о вѣренномъ его попеченію заведеніи.

Монастырскія школы далеко не удовлетворили нашего гуманиста. Ему не нравился ихъ режимъ, не нравился и характеръ наставниковъ—монаховъ. „У этихъ полуобразованныхъ учителей, говоритъ гуманистъ о монахахъ, рабскія настроенныхъ, лишенныхъ здраваго смысла, природная сила ума поплочена и замѣнена особеннаго рода фарисействомъ, которое портитъ благородныя инстинкты и вводитъ въ нѣжныя души что-то раболѣзное и низкое“.

Но Эразмъ не только указывалъ на слабыя стороны существовавашаго порядка вещей и бичевалъ ихъ ѣдкой сатирой,—онъ выработалъ свою положительную, довольно послѣдовательную систему воспитанія и образованія. По его мнѣнію, руководители ребенка должны прежде всего позаботиться о насажденіи въ немъ сѣмянъ искренняго благочестія: затѣмъ, вну-

шить ему любовь къ наукамъ, сообщить основныя свѣдѣнія и позаботиться объ умѣнн соблюдать необходимыя правила приличія.

Первоначальное обученіе должно, по мнѣнію Эразма, начаться съ ранняго дѣтства. Учитель долженъ обладать мягкостью въ обращеніи, кротостью и педагогическимъ тактомъ. „Надо учить ребенка, говорить Эразмъ, исподволь и выбирая образцовыя произведенія, и примѣняться къ возрасту, который болѣе любить удовольствія, чѣмъ тонкости. Надо искусно стараться сдѣлать изъ обученія игру, а не утомленіе“.

Учителя должны быть любимы учениками. Это первый шагъ къ успѣшному обученію. Любя учителя, ученики полюбятъ и предметъ.

Чтобы усиѣнно вліять на дѣтей, Эразмъ рекомендуетъ ровное и ласковое обращеніе, поощреніе самолюбія, развитіе чувства стыда и категорически отрицаетъ тѣлесныя наказанія. Если ребенка можно заставить учиться лишь съ помощью розогъ, то лучше отправить его въ мельницу или обучать ремеслу.

Свои взгляды на обученіе наукамъ Эразмъ попытался систематически изложить въ руководствѣ для учителей „О способахъ преподаванія“.

Обученіе, по Эразму, слѣдуетъ начинать съ языковъ, къ которымъ у дѣтей особенныя способности. Затѣмъ читать съ ними басни и сказочныя разказы, отличающіеся образцовымъ слогомъ; потомъ перейти къ музыкѣ, ариметикѣ и географіи. Свѣдѣнія по зоологіи и ботаникѣ должны быть сообщаемы при помощи рисунковъ.

Въ урокахъ грамматики слѣдуетъ начинать съ общихъ и точныхъ свѣдѣній и постепенно переходить къ болѣе труднымъ. Эразмъ входитъ въ разсмотрѣніе второстепенныхъ на первый взглядъ вопросовъ, имѣющихъ, однако, въ дѣлѣ обученія ребенка существенную важность. Такъ, онъ рекомендуетъ легчайшіе способы для обученія письму и рисованію.

Грамматика, по Эразму, должна занимать первое мѣсто среди преподаваемыхъ наукъ. Латинскую и греческую слѣдуетъ преподавать параллельно, такъ какъ онѣ дополняютъ и объясняютъ другъ друга. Для греческаго рекомендовалось руководство Газы, для латинскаго Діомеда (изъ древнихъ) и Перетти (изъ новыхъ). Эразмъ рекомендовалъ сообщать ученикамъ немногочисленныя, но точно сформулированныя грамматическія правила, и особенное вниманіе обращать на усвоеніе легкихъ литературныхъ оборотовъ и яснаго слова. Чтеніе греческихъ прозаиковъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, начинать съ Лукіана, потомъ перейти къ Демосвеноу и Геродоту. Изъ поэтовъ первое мѣсто онъ отводилъ Аристофану, второе Гомеру, третье Еврипиду.

Изъ латинскихъ авторовъ Эразмъ пальму первенства отдавалъ Теренцію. Плавта онъ допускалъ въ избранныхъ отрывкахъ, равно какъ и Катулла, Тибулла и Марціала. Второе мѣсто послѣ Плавта Эразмъ отводитъ Вергилію, третье Горацию, четвертое—Цицерону, пятое Цезарю.

Въ распредѣленіи порядка латинскихъ классиковъ соблюдается принципъ большаго или меньшаго эстетическаго удовольствія; чтеніе прозаиковъ и поэтовъ должно чередоваться. Для греческихъ писателей послѣднее необходимо, такъ какъ языкъ греческихъ стиховъ значительно отличается отъ прозы. Для теоріи и исторіи литературы Эразмъ рекомендуетъ трактаты Лаврентія Валлы, указывая на необходимость заучиванія назвустъ грамматическихъ фигуръ по Діомеду и Донату, правилъ метрики, и примѣровъ разнообразныхъ размѣровъ, а также основныхъ правилъ риторики. Противъ діалектики онъ не протестуетъ, но и не настаиваетъ на ея изученіи.

Вторую роль въ системѣ Эразма играли письменныя работы. Ученики должны были писать сочиненія прозой и стихами на самыя разнообразныя темы; упражненіе памяти считается необходимымъ, но при этомъ Эразмъ рекомендуетъ

изображать на видном мѣстѣ въ назиданіе молодежи главныя историческія событія, извѣстныя изреченія, поговорки.

Выборъ темъ требуетъ, по мнѣнію Эразма, много педагогическаго такта. Можно, напр., предложить ученику для перевода съ латинскаго на греческій хорошо написанное письмо; затѣмъ басню, апологъ, хорошей разсказъ и уже позже дать тему для развитія: описаніе, біографію и пр. Отъ времени до времени необходимо заставлятъ передѣлывать прозу въ стихи и наоборотъ.

Важное значеніе придавалъ Эразмъ переводамъ съ греческаго и требовалъ, чтобы при этомъ указывались какъ особенности характера греческаго языка, такъ и того, на который дѣлался переводъ.

Толкованія автора, кромѣ грамматической части, должны были заключать характеристистики тѣхъ или другихъ историческихъ лицъ; ученики могли высказывать и собственные взгляды и проводить ихъ въ письменныхъ работахъ. Взять, напр., комедію Теренція, слѣдуетъ начать съ біографическихъ данныхъ и характеристическихъ особенностей таланта автора; далѣе объяснить значеніе слова „комедія“ и ея законы; изложить вѣрактѣ содержаніе, метрику и приступить къ комментаріямъ. Послѣднія должны состоять изъ указаній на особенности языка, на заимствованія изъ другихъ авторовъ; въ заключеніе учителю рекомендовалось сообщать философско-нравственныя мысли и замѣчанія по поводу того или другого эпизода.

Въ классѣ учитель долженъ заставлятъ повторять его объясненія, исправлять понятое ими неточно или неясно, и ученики должны вести краткіе конспекты.

Въ 17 или 18 лѣтъ юноша долженъ окончить общее образованіе и остановиться на какой-либо спеціальности. Эразмъ — врагъ узкой спеціализаціи. По его мнѣнію, разностороннія точныя свѣдѣнія должны предшествовать спеціальнымъ. Особенно необходимо это для учителей. По Эразму,

только образованные и гуманные учителя могутъ быть хорошими руководителями юношества — этого залога будущаго. „Дѣти, говорить нашъ гуманистъ это — храмъ Духа Св. Въ этихъ нѣжныхъ растеніяхъ скрыты сенаторы, доктора, аббаты, епископы, императоры. Необходимо крайне нѣжная заботливость о молодомъ поколѣніи, которое, однако, нерѣдко поручается самымъ невѣжественнымъ, презрѣннымъ и деспотическимъ учителямъ“.

Эразмъ неоднократно протестуетъ противъ высокобранаго отношенія къ званію учителя. „Большинство, говоритъ онъ, считаетъ постыднымъ пройти всю жизнь, работая лишь надъ грамматикой, какъ будто живописцы не занимаются всю жизнь исключительно живописью. Природа распредѣлила для общаго блага разнообразныя способности. Нѣтъ презрѣнной части тѣла, нѣтъ презрѣннаго члена. Всякая часть имѣетъ равную другой цѣну для украшенія и сохраненія цѣлаго“.

Эразмъ не былъ сторонникомъ рѣзкихъ переворотовъ и былъ того мнѣнія, что и въ реформѣ воспитанія и обученія слѣдуетъ дѣйствовать исподоволь, осторожно, на многія явленія закрывать глаза, стараться ослабить зло, если нельзя его уничтожить и вообще, имѣя въ виду слабость человѣческой природы, стремиться не къ безусловно хорошему, а къ *лучшему* положенію дѣла. Такой характеръ его взглядовъ находился въ связи со всей его тонкой, благородной, но нерѣшительной организаціей.

II.

Эразмъ, какъ гуманистъ.

Изъ изложенныхъ выше взглядовъ Эразма на воспитаніе и обученіе видно, насколько онъ опередилъ современниковъ въ рациональномъ пониманіи основныхъ задачъ педагогіи. Если оставить въ сторонѣ научную подготовку нашего гуманиста, то и въ основныхъ приемахъ, въ постановкѣ вопросовъ слѣдуетъ за нимъ признать полную оригинальность, полное несходство съ господствующими въ его время направленьями.

Въ литературномъ движеніи Германіи XVI в. Эразмъ сыгралъ первую роль. Онъ не только сравнялся съ лучшими дѣятелями итальянскаго Возрожденія, но и значительно превзошелъ многихъ изъ нихъ. Италия какъ извѣстно, раньше другихъ странъ Европы пробудилась отъ средневѣкового летарга. Усилиями Данте, Петрарки, Боккаччо и многочисленнаго сонма второстепенныхъ писателей была создана дѣлая литература. Любовь къ изученію греческихъ и римскихъ классиковъ поддерживалась просвѣщенными меценатами и, въ особенности, образованными византійскими греками, приносившими съ собою не только практическое знаніе языка и знакомство съ родной литературой, но и дѣлѣя коллекціи книгъ и драгоценныхъ рукописей. Но въ то время, когда умственное движеніе достигло въ Италиіи высшаго расцвѣта, наибольшаго оживленія, Германія не разставалась съ средневѣковымъ строемъ и находилась въ состояніи полного споконья, не нарушаемаго никакими умственными интересами и вопросами почти до конца XV ст.

Во второй половинѣ этого столѣтія жилъ извѣстный нѣмецкій гуманистъ Рудольфъ Агрикола, который своею непродолжительною, но весьма плодотворною дѣятельностью, воз-

будилъ у своихъ соотечественниковъ интересъ къ классическимъ писателямъ и греческому языку. Но дѣятельность Агриколы рано, за смертью, прекратилась, не успѣвъ дать того, чего отъ нея могли ожидать.

Кромѣ Агриколы, были въ Германіи и другіе гуманисты, не лишенные дарованій и усердія, но они не могли оказать особеннаго вліянія на совершенно неподготовленное общество, такъ какъ сами получили далеко не совершенное образованіе и не имѣли необходимой для успѣха дѣла организаціи.

Не будетъ слишкомъ смѣлымъ утверждать, что Эразмъ первый познакомилъ нѣмецкую публику съ неизвѣстными ей классическими писателями, благодаря своимъ многочисленнымъ и хорошимъ для того времени изданіямъ; познакомилъ съ греческимъ языкомъ и старался заинтересовать нѣкоторыми спеціальными вопросами (напр., о произношеніи); онъ пользовался европейской извѣстностью, имѣлъ въ средѣ ученыхъ громаднѣйшій нравственный авторитетъ, — и это не могло не вліять на молодое поколѣніе ученыхъ, успѣвшихъ познакомиться съ плодами его разносторонней умственной дѣятельности. Необыкновенная гибкость этого свѣтлаго ума, отзывчивость на запросы публики дѣлали для него возможнымъ популяризацію идей Возрожденія и результатовъ, добытыхъ учеными изслѣдованіями. Эразмъ умѣлъ приспособиться къ вкусамъ и требованіямъ публики. Первый большой трудъ его „Адагіи“ былъ написанъ исключительно для большой публики. Въ средніе вѣка любилъ сборники поучительныхъ изреченій, пословицъ, короткихъ рассказовъ съ дидактическимъ характеромъ и видѣли въ таковыхъ книгахъ полезное и пріятное чтеніе для всѣхъ возрастовъ. Но такіе сборники требовали и основательныхъ объясненій, комментарий, разъясняющихъ смыслъ, значеніе и примѣненіе всякаго изреченія. Такого рода сборникъ издалъ и Эразмъ: это — знаменитыя „Адагіи“, выдержавшія множество изданій и увлекавшія образованную публику

богатством матеріала и изяществом языка. Въ первомъ изданіи число изреченій было 800, въ послѣднихъ оно дошло до 4151.

Въ „Адагіяхъ“ находятя не только извѣстныя изреченія или пословицы, но и примѣненіе ихъ въ извѣстныхъ тогда сочиненіяхъ, объясненія грамматическія и историко-литературныя рядомъ съ разсужденіями о вопросахъ, возбуждаемыхъ этими изреченіями. Далѣе, приводились цѣлыя отрывки изъ различныхъ писателей, при чемъ греческіе тексты въ переводахъ. Все это было изложено прекрасной латынью, яснымъ и чистымъ языкомъ, понятнымъ даже людямъ, не получившимъ особенно высокаго образованія. Въ Адагіяхъ всякій могъ найти полезное и занимательное чтеніе. Эта книга могла замѣнить много разнообразныхъ сочиненій, что, при дороговизнѣ печатныхъ изданій, конечно, способствовало ихъ распространенію. „Адагіи“ были превосходной хрестоматіей, гдѣ читатель могъ найти отрывки любого автора греческаго и латинскаго рядомъ съ разсужденіями составителя въ формѣ простой и изящной. Неудивительно, что современники Эразма ставили весьма высоко эту книгу.

Много пользы принесъ намъ гуманистъ своими переводами съ греческаго. До Эразма въ Германіи почти не знали греческихъ авторовъ. Даже въ Парижѣ въ концѣ XV ст. почти никто не зналъ этого языка. Трудно было доставать книги, не только учителей. Эразмъ принужденъ былъ полагаться на собственные силы. Онъ издалъ цѣлый рядъ переводовъ, первоначально составленныхъ лишь съ цѣлью познакомиться съ интереснымъ содержаніемъ подлинника. За первыми опытами послѣдовали болѣе смѣлыя и широкія литературныя предпріятія.

Такъ Эразмъ перевелъ латинскими стихами „Гекубу“ Еврипида довольно близко къ оригиналу и болѣе свободно „Ифигенію“. Большою извѣстностью пользовался переводъ

діалога Лукіана „Сонъ“ и нѣкоторые другіе трагаты этого остроумнаго писателя.

Отъ Лукіана Эразмъ обратился къ Плутарху. Онъ не безъ робости приступилъ къ этому автору. Слогъ Плутарха, по его мнѣнію, отличается многими трудными для переводчика особенностями.

Кромѣ переводовъ, Эразмъ занимался весьма усердно изданіемъ греческихъ и римскихъ авторовъ, комментированіемъ ихъ, разыскивалъ многочисленныя рукописи, свѣрялъ ихъ, — словомъ, продѣлывалъ трудную и неблагодарную работу, необходимую для болѣе или менѣе критическаго изданія. Нѣсколько типографій, главнымъ образомъ Фробена, много лѣтъ работали, выпуская въ свѣтъ многочисленныя изданія греческихъ и римскихъ писателей. Конечно, первое мѣсто было отведено Цицерону. Трагаты его стали появляться, начиная съ 1501 г. Въ 1508 г. были напечатаны нѣкоторыя комедіи Теренція и Плавта съ комментаріями Эразма-редактора.

При изданіи нашему гуманисту приходилось сталкиваться съ затрудненіями всякаго рода. Рукописи часто изобиловали многочисленными искаженіями труднѣйшихъ переписчиковъ; приходилось сравнивать ихъ и пробѣрять, нерѣдко рискуя быть введеннымъ въ заблужденіе тѣмъ или другимъ архаичнымъ оборотомъ рѣчи. Изданіе, напр., Сенеки стоило Эразму много времени и труда. Писатель этотъ пользовался въ средніе вѣка большою популярностью и многими даже былъ причисляемъ къ лику святыхъ. Естественно, его переписывали, передѣлывали тысячу разъ, — и нашему гуманисту приходилось ориентироваться въ безчисленныхъ болѣе или менѣе плохихъ спискахъ. Кромѣ того, въ предисловіи и объяснительныхъ примѣчаніяхъ онъ поштался установить болѣе правильный взглядъ на этого писателя, указать ему подобающее (нѣсколько не по заслугамъ) мѣсто въ римской литературѣ и

полемизировать съ господствующимъ на Сенеку, какъ на христіанскаго и благочестиваго автора, взглядомъ. Изданіе Плинія Старшаго было большою заслугою Эразма; онъ сознавалъ, что этимъ не только способствуетъ распространенію полезныхъ свѣдѣній, но и даетъ толчокъ новымъ открытіямъ и изысканіямъ.

Аристотель пользовался большимъ вниманіемъ Эразма, помогавшаго издателямъ этого философа совѣтами и указа-ніями. Большую цѣну имѣли его критическія замѣчанія по поводу того или другаго трактата и особенностей текста.

Въ 1531 г. подъ редакціей Эразма вышла исторія Тита Ливія съ его предисловіемъ; издатель пытается установить подлинность той или другой декады.

Въ 1533 г. Эразмъ издалъ сочиненія Птоломея съ введеніемъ, въ которомъ указывалъ мѣсто, принадлежащее этому географу древности.

По просьбѣ Фробена Эразмъ редактировалъ Тускуланскія бесѣды Цицерона. Ему удалось довольно хорошо очистить текстъ отъ ненужныхъ прибавленій, остановиться на болѣе правильномъ чтеніи, расположить въ надлежащимъ порядкѣ цитаты. Эта работа дала ему поводъ высказать восторжен- ный взглядъ на этого любимаго автора Возрожденія; Эразмъ указываетъ не только на богатство и красоту языка, изяще- ство стиля, но и на религіозныя и нравственныя идеи этого писателя. Онъ находитъ нѣчто „божественное“ въ духѣ римскаго оратора, проводитъ параллель между его мыслями и нѣкоторыхъ христіанскихъ авторовъ и высказываетъ убѣ- жденіе, что многое было понято и прочувствовано Цице- ромъ прежде чѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ христіанской об- щинѣ.

Рядомъ съ изданіями упомянутыхъ сочиненій классиче- скихъ писателей и многихъ другихъ (напр. Теренція, Демос- тена, Плавта) Эразмъ считалъ нужнымъ заботиться о попу-

ляризаціи полезныхъ свѣдѣній. Въ виду этого онъ печаталъ словари (греческо-латинскій словарь) медицинскіе трактаты (Галена), педагогическіе, учебники и даже издалъ трактатъ объ одеждѣ нѣкоего Бакафа.

Не довольствуясь авторскою и издательскою дѣятель- ностью, Эразмъ много способствовалъ распространенію полез- ныхъ гуманистическихъ знаний, основывая ученое учрежде- ніе, которое послужило молодому поколѣнію большую службу. Это такъ называемая *Трехязычная Коллегія* въ Лувенѣ. Мно- гочисленные завистники и недоброжелатели употребляли все усилія, чтобы помѣшать Эразму привести въ исполненіе это полезное дѣло. Но неутомимый гуманистъ успѣлъ добиться своего. Коллегія была основана и организована. Подъ его наблюденіемъ выбирались и назначались профессора, онъ за- ботился объ увеличеніи денежныхъ средствъ школы, ходатайствуя предъ высокопоставленными лицами о привилегіяхъ и подаркахъ. Главнымъ фондомъ учрежденія былъ капиталъ, завѣщанный другомъ Эразма Бусмедіусомъ.

Характеръ этого учебнаго заведенія, гдѣ была полная свобода преподаванія и отсутствіе всякихъ обязательныхъ программъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовать настроенію общества. По примѣру Лувенской коллегіи были основаны въ нѣсколькихъ европейскихъ центрахъ учебныя заведенія аналогичнаго характера, которыя болѣе всякихъ многомот- ныхъ сочиненій способствовали распространенію гуманисти- ческихъ знаний и вкуса къ классической литературѣ. Увле- ченіе послѣдними съ теченіемъ времени не замедлило при- вести къ нѣкоторымъ крайностямъ, выражавшимся нерѣдко въ комическихъ формахъ. Извѣстно, что молодые общества склонны воспринимать элементы цивилизаціи иногда совер- шенно внѣшнимъ образомъ, увлекаться несущественными ея особенностями, игнорируя болѣе важное. Это мы видимъ, между прочимъ, во время Эразма въ примѣненіи къ увлече-

нію класиками, особливо Цицерономъ. Общество, лѣтъ 25 тому назадъ незнавшее порядочно по-латыни, въ самый короткій промежутокъ времени познакомилось съ лучшими произведеніями греческой и римской литературы. Лихорадочно быстрое усвоеніе продуктовъ весьма сложной старой культуры обществомъ совершенно молодымъ не замедлило проявиться въ характерѣ самаго усвоенія. Такъ какъ главное вниманіе было обращено на форму, то эта сторона получила преобладающее значеніе и заслонила собою содержаніе. Цицеронъ былъ любимымъ писателемъ Возрожденія. Слогъ Цицерона совершенно справедливо считался образцовымъ. Поклонникамъ римскаго оратора не было счета. Но большинство ихъ увлеклось формальной стороной; въ Цицеронѣ видѣли только стилиста. Крайность этого взгляда ни замедлила дать неутѣшительные результаты: болѣе ограниченные гуманисты ударились въ буквѣдство. Для фразы забывали о смыслѣ, буква поглощала содержаніе. Зло принимало опасные размѣры и грозило серьезными послѣдствіями; рациональное изученіе классиковъ могло быть отодвинуто на второй планъ. Эразмъ съ свойственною ему проницательностью понималъ, насколько вредны увлеченія крайнихъ гуманистовъ; онъ задался цѣлью доказать это наглядно, ввести изученіе классиковъ, преимущественно Цицерона, въ настоящіе предѣлы. Онъ обратился къ сатиры и достигъ своей цѣли.

Поклонники Цицерона воображали, что необходимо и думать, и говорить его языкомъ, что современныя понятія и представленія, не находившія параллелей у Римлянъ, можно и слѣдуетъ переводить цицероновскою латынью. Конечно, слогъ такихъ писателей отличался полною условностью; всякій болѣе или менѣе свободный оборотъ рѣчи преслѣдовался, какъ ересь. Эразмъ понималъ, что говорить языкомъ Цицерона о томъ, что не могло быть извѣстно римскому оратору,

нѣтъ ни малѣйшей возможности, что отношеніе подобнаго рода стѣсняетъ личную свободу, что это своего рода тиранія надъ свободнымъ и правильнымъ ходомъ мыслей.

Противъ этихъ слѣпыхъ подражателей Цицерона, этихъ своеобразныхъ пуристовъ языка направлена ѣдкая сатира „Цицеронианецъ“.

Это весьма остроумный діалогъ, ведущійся отъ имени трехъ лицъ. Одно изъ нихъ Нозопонъ¹⁾—когда-то жизнерадостный и полный бодрости человекъ, теперь мрачный и исхудалый, мечтающій лишь о латинскихъ фразахъ, достойныхъ Цицерона, и предпочитающій мѣсто въ рядахъ цицеронианцевъ званію святаго угодника. Нозопонъ работаетъ въ комнатѣ, не имѣющей никакого сообщенія съ вѣншимъ міромъ съ заколоченными на глухо дверьми и окнами, и въ продолженіе семи лѣтъ читаетъ одного лишь Цицерона.

Портреты римскаго оратора развѣшены по всѣмъ угламъ; даже во снѣ Нозопонъ видитъ только Цицерона. Все честолюбіе этого страдальца, терзающаго себя постомъ и лишениями всякаго рода, сводится лишь къ тому, чтобы 70-ти лѣтъ отъ роду удостоиться названія цицеронианца. Онъ окруженъ словарями всякаго формата собственнаго сочиненія. Въ одномъ словарѣ помѣщены всѣ слова, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ Цицерона, въ другомъ всѣ риторическія фигуры, въ слѣдующемъ—начала и конецъ періодовъ Цицерона, средина ихъ и т. д. Кромѣ Цицерона, Нозопонъ не признаетъ никакого писателя. Онъ, вмѣстѣ съ своими единомышленниками, уподобляется Эразму тому живописцу, который, не будучи въ состояніи хорошо написать портретъ, старается превосходно отдѣлать мельчайшія подробности одежды своего оригинала, и въ этомъ видитъ задачу самого искусства. Эразмъ замѣчаетъ, что христіанскіи идеи и предста-

¹⁾ Греческая этимологія: носос—болѣзнь и понос—трудъ.

вленія не могутъ быть выражены тѣми оборотами рѣчи, которые выработались у римскаго писателя подѣ влияніемъ иного міросозерцанія. Онѣ указывалъ даже въ церковной проповѣди влияніе новой моды и, какъ увидимъ ниже, успѣшно боролся съ этими злоупотребленіями слова.

Трактатъ „Цицероніанецъ“ вызвалъ дѣлюю бурю негодованія среди ярыхъ гуманистовъ особенно во Франціи и Италіи. Появился дѣлный рядъ памфлетовъ, направленныхъ противъ личности и сочиненій Эразма. Больно задѣлъ за живое многочисленныхъ слѣпыхъ поклонниковъ Цицерона талантливый гуманистъ. Но когда прошелъ первый взрывъ негодованія, болѣе трезвые и разсудительные гуманисты приняли сторону Эразма, и изученіе классиковъ стало принимать болѣе раціональный характеръ. Такимъ образомъ, усиліями нашего гуманиста не только бы вызванъ интересъ въ классической литературѣ, но и занятія ею направлены на настоящую дорогу.

III.

Эразмъ какъ теологъ.

Многосторонняя дѣятельность Эразма коснулась изученія Священнаго Писанія и поставила его на научную почву. Особенно замѣчательны его методологическія нововведенія. Эразмъ протестуетъ противъ схоластическихъ приѣмовъ толкованія, состоящихъ въ логическихъ тонкостяхъ, доведенныхъ до крайнихъ предѣловъ, въ исключительномъ преобладаніи діалектики, игнорирующей факты изъ-за логическихъ хитросплетеній. Послѣдователи Дунса Скотта и Томы Аквинскаго болѣе вѣрили въ авторитетъ своихъ наставниковъ, чѣмъ отцевъ церкви. Эразмъ рекомендовалъ идти инымъ путемъ. На первомъ планѣ онѣ ставилъ Новый Заветъ и требовалъ

изучать его сознательно, отличалъ переносные обороты отъ буквальныхъ. Только послѣ изученія Священнаго Писанія слѣдуетъ, по Эразму, перейти къ Отцамъ Церкви, начиная при этомъ съ древнѣйшихъ.

Не довольствуясь теоретическими наставленіями, Эразмъ много потрудился надѣ изученіемъ и комментированіемъ Св. Писанія и многочисленныхъ церковныхъ писателей. Его заслуги въ этомъ отношеніи весьма велики. Онѣ напоминаютъ извѣстнаго своею смѣлостью и остроуміемъ гуманиста Лаврентія Валлу.

Особенно много сдѣлалъ Эразмъ для Новаго Завета. Латинскій переводъ, извѣстный подѣ названіемъ Вулгаты, заключаетъ много неточностей и еще болѣе неясностей. Эразмъ доказывалъ, что для восстановленія текста, очищеннаго отъ всякаго рода наслоеній, слѣдуетъ знать греческій и еврейскій языки. Послѣ критики текста, тщательно провѣреннаго на основаніи многочисленныхъ рукописей и сличенія съ греческими и еврейскими подлинниками, слѣдуетъ не менѣе трудная задача, — опредѣлять достовѣрность того или другого эпизода, появившагося сравнительно поздно, благодаря легкомыслію или излишнему усердію переписчиковъ.

Комментаріи и изданія Эразма имѣютъ, конечно, много недостатковъ, но не слѣдуетъ забывать, что ему приходилось работать послѣ весьма немногихъ предшественниковъ и часто даже прокладывать новую дорогу. Кромѣ Новаго Завета, Эразмъ много потрудился надѣ изданіемъ трактатовъ нѣкоторыхъ церковныхъ писателей. Лучшимъ латинскимъ теологомъ, „почти единственнымъ достойнымъ этого имени“, считаетъ онѣ св. Геремію. Впослѣдствіи, познакомившись съ св. Киприаномъ, Эразмъ измѣнилъ свое мнѣніе. Изъ другихъ церковныхъ писателей, привлекавшихъ въ болѣе или меньшей степени вниманіе нашего гуманиста, слѣдуетъ упомянуть о Гиліриі, Амвросіи и въ особенности Іоаннѣ Златоустѣ, со-

чяненія котораго онъ перевелъ на латинскій. Вообще греческихъ писателей Эразмъ ставитъ гораздо выше латинскихъ.

Не ограничиваясь теоретическою дѣятельностью, Эразмъ обратилъ свое пытливое вниманіе на тѣ стороны церковной жизни, которыя касаются непосредственно мірянъ. Идетъ рѣчь о проповѣди и ея вліяніи на общество того времени.

Проповѣдникъ не ограничивался поученіями въ сферѣ религіозно-правственной; онъ училъ слушателей и сообщалъ имъ полезныя свѣдѣнія. Но большинство священниковъ, выступавшихъ на кафедрѣ, были далеко ниже своего назначенія. Къ діалектическимъ тонкостямъ богословскаго характера они примѣшивали не критическія извѣстія изъ исторіи и литературы древнихъ а также элементъ анекдотическій, часто неприличный до цинизма, составляющій особенность проповѣди въ средніе вѣка. Противъ такого рода манеры изложенія и вооружился Эразмъ, указывая на неприличіе театральныхъ эффектовъ, выразившихся въ костюмѣ, манерѣ и рѣчи проповѣдника, напоминающаго собою площаднаго потѣшника, ищущаго поддержки и одобренія у толпы зѣвакъ.

Отъ проповѣдника Эразмъ требуетъ хорошаго знакомства съ ораторами древнихъ и проповѣдями лучшихъ церковныхъ писателей, хотя эти требованія онъ считаетъ второстепенными; главными условіями хорошей проповѣди должны быть: основательное знаніе Священнаго Писанія, высокій нравственный уровень характера, а также примѣръ достойнаго поведенія, безъ чего никакія знанія не поведутъ къ прямой непосредственной цѣли: поученія и наставленія слушателей.

IV.

Отношеніе Эразма къ церковной реформѣ.

На одной старинной гравюрѣ Лютеръ и Гутенъ изображены несущими ковчегъ, а Эразмъ является въ роли Давида, т. е. играетъ и пляшетъ передъ ковчегомъ. Эта картинка можетъ служить наглядной иллюстраціей мнѣнію, какія установились въ литературѣ объ отношеніи знаменитаго гуманиста къ нѣмецкому реформатору. Самъ Эразмъ въ извѣстномъ изреченіи о спесенномъ яйцѣ и высиженномъ Лютеромъ птенцѣ способствовалъ распространенію этого господствующаго убѣжденія. Внимательное разсмотрѣніе литературной дѣятельности Эразма можетъ установить правильный взглядъ на этотъ сложный вопросъ.

Эразмъ вообще чуждался всякой практической дѣятельности, имѣющей мало общаго съ наукой. Это былъ ученый и ученый по преимуществу. Одаренный значительной наблюдательностью, умомъ критическимъ, склоннымъ къ сатирѣ, Эразмъ видѣлъ слабыя стороны церковнаго и общественнаго строя и рѣзко осмѣивалъ то, что казалось ему достойнымъ насмѣшки. Но дальше отрицанія частностей онъ не шелъ. Ему казались возможными мирныя, послѣдовательныя реформы, постепенное измѣненіе къ лучшему при содѣйствіи и взаимномъ соглашеніи передовыхъ людей. Основные догматы католической церкви были для него неприкосновенными, и съ этой стороны онъ не желалъ никакихъ перемѣнъ. Улучшеніе нравовъ, распространеніе знаній, искорененіе суевѣрій, — вотъ чего главнымъ образомъ желалъ просвѣщенный гуманистъ. Онъ былъ по преимуществу глава литературнаго движенія эпохи Возрожденія, глава гуманистовъ и въ реформѣ принялъ лишь косвенное, независящее отъ него участіе. По тонкому и крайне скептическому уму, это былъ неудобный

для какой-либо партии человек: крайности, узость интересов не находили в нем сочувствия и лишь вызвали резкие протесты и осуждения. Вот почему об партии с течением времени его возненавидели и считали врагом.

Что же касается до личности реформатора, то, в историческом освещении, она представляется весьма рельефно. Лютер был натура богатая, страстная, человек партии, беззаветно увлекающийся, неспособный на какие-либо компромиссы и соглашения. Искренно, до фанатизма вбурющийся Лютер не мог переносить правоучений и критических замечаний гуманиста. Религиозные вопросы были ему необыкновенно дороги, и он досадует, вида резонирующего скептика, рекомендующего полумеры.

Полная противоположность характеров Эразма и Лютера отразилась в их отношениях друг к другу. Замечательно, что хотя они во многих случаях приходили к одинаковым выводам—иногда даже гуманист заходил дальше самого реформатора—тѣм не менее в развитии основных положений проявилась полная противоположность их натур. Лютер ставил теорию на практическую почву, все дѣлалъ вопросовъ партии, орудіемъ для борьбы съ папистами,—Эразмъ ограничивался теоретическими положеніями и страшился участія толпы въ рѣшеніи вопросовъ первостепенной важности.

Эразмъ и по характеру и по убѣжденіямъ былъ теоретикомъ и не могъ принимать непосредственнаго участія въ дѣлѣ Лютера; съ этой стороны вопросъ о вліяніи его на реформу является совершенно неумѣстнымъ. Иное дѣло, если мы обратимся къ сходству взглядовъ и убѣжденій гуманиста и реформатора: здѣсь мы найдемъ достаточно точекъ соприкосновенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и существенныя различія.

Эразмъ рекомендовалъ исать наставленія и вдохновенія преимущественно въ Священномъ Писаніи, при этомъ Новый

Завѣтъ ставилъ выше Ветхаго; онъ много потрудился надъ критикой текста священныхъ книгъ, которую теологи ради второстепенныхъ трактатовъ отодвигали на задній планъ. Въ оцѣнѣ Св. Писанія Эразмъ вполне сходится съ реформаторами. Но онъ не былъ способенъ вдохновляться, подобно Лютеру, Св. Писаніемъ, онъ не былъ способенъ увлечься имъ до экстаза. Его вниманіе не могло быть исключительно имъ занято. На одинъ и тотъ же предметъ Лютеръ смотрѣлъ глазами пророка, Эразмъ—ученаго и критика.

При всемъ различіи исходныхъ точекъ можно указать весьма много аналогичнаго во взглядахъ Эразма и Лютера особенно тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о второстепенныхъ вопросахъ. Таковы, напр., взгляды этихъ дѣятелей на обрядность, иконопочитаніе и пр.

Говоря объ обрядахъ, Эразмъ замѣчаетъ, что вѣншее благолѣпіе дѣйствуетъ благотворно на посѣтителей церкви, но при этомъ прибавляетъ, что весьма часто вѣншей обстановкѣ придается излишнее значеніе и вмѣсто необходимаго для искренней молитвы подъема духа получается лишь развлеченіе. Чествовать Христа исключительно вѣншими формами значить, по Эразму, впадать въ иудейство: „Прочтите весь новый Завѣтъ, говоритъ онъ, и вы нигдѣ не найдете узаконеній, относящихся къ церемоніямъ“.

Еще болѣе приближается Эразмъ къ Лютеру въ своихъ воззрѣніяхъ на культъ святыхъ. Въ одномъ изъ своихъ небольшихъ разсужденій (*Modus orandi*) онъ замѣчаетъ: „Тѣ, которые имѣютъ духъ Христа, должны славословить лишь Отца, Сына и Св. Духа, которымъ только принадлежать истинная хвала на небѣ и землѣ“. Въ своемъ „Руководствѣ христіанскому воину“ Эразмъ называетъ суевѣрное почитаніе святыхъ „чумой всего христіанства“ и подтверждаетъ свое положеніе многочисленными примѣрами поклоненія сому непризнанныхъ церковью угодниковъ, видя въ этомъ умаленіе

истиннаго благочестія, которое должно направляться исключительно къ Богу: „пока мы живемъ—будемъ жить для Господа: когда придется умереть, умремъ для Него“.

Отъ молитвъ, обращаемыхъ къ святымъ, одинъ лишь шагъ къ культу реликвій, культу, часто эксплуатируемому ловкими людьми. Эразмъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ дурно направленаго благочестія, говоря, напр., о томъ, какъ въ одномъ мѣстѣ пилигримствуютъ къ башмаку святого, въ другомъ—къ его носовому платку. Въмѣсто того, чтобы радоваться прикосновенію къ реликвіямъ, подлинность которыхъ, по мнѣнію гуманиста, весьма часто внушаетъ сомнѣнія, Эразмъ рекомендуетъ воспринимать и хранить въ сердцѣ то, что святые оставили въ назидательномъ примѣрѣ и наставленіяхъ. Этой мысли посвящена довольно большая глава „Руководство христіанскому воину“. „Растроганный ты смотришь на платье и платокъ, происходящіе, по преданію, отъ Христа и небрежно оставляешь безъ вниманія Его откровеніе. Если бы такія вещи (реликвіи) составляли религію, то кто былъ бы религіознѣе Иудеевъ, большинство которыхъ были безбожны, и между тѣмъ они своими глазами видѣли Иисуса, пока Онъ былъ въ тѣлѣ, слышали Его собственными ушами и прикасались (къ Нему) руками?“

Еще больше негодованія возбуждали въ нашемъ гуманистѣ языческія стороны культа, воспринятая падкой до зрѣлицъ толпой. Безчисленныя процессіи украшались многочисленными символическими атрибутами, часто напоминавшими ту или другую сторону римскаго ритуала. Иногда не могло быть сомнѣнія въ зависимости извѣстнаго католическаго обряда отъ языческихъ. Равнымъ образомъ Эразмъ возстаетъ противъ церковной живописи, принимающей свѣтскій характеръ и лишенной идеальныхъ чертъ. Происходитъ это, по его мнѣнію, оттого, что живописцы не обладаютъ ни талантомъ, ни умѣньемъ придать высокому сюжету соответствующее

выраженіе и притомъ пишутъ съ натурщицъ и натурщиковъ подозрительнаго поведенія. Эразмъ требуетъ контроля надъ церковной живописью, удерживая ее въ предѣлахъ сюжетовъ, освященныхъ каноническими постановленіями.

Въ связи съ поклоненіемъ святымъ и ихъ реликвіямъ находилась культъ Богородицы, въ которомъ Эразмъ также отмѣчаетъ цѣлый рядъ заблужденій и даже суетвѣрій. По его мнѣнію, многіе обращаются къ Богородицѣ тогда, когда слѣдовало бы обращаться къ Христу. Особенно возстаетъ онъ противъ назойливыхъ, часто неприличныхъ просьбъ, направляемыхъ Богородицѣ. Въ одномъ мѣстѣ своихъ „Разговоровъ“ (Colloquia) гуманистъ заставляетъ обратиться Мать Христа къ одному изъ вѣрующихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Марія, мать Иисуса, привѣтствуетъ Глаукофора: Благодарю тебя за то, что ты, слѣдуя Лютеру, ревностно говоришь людямъ, что не слѣдуетъ призывать святыхъ. Раньше я сама была почти подавлена безстыдными воззваніями смертныхъ. Отъ меня одной всего требовали, какъ будто бы мой Сынъ вѣчно оставался ребенкомъ... Купецъ, отправляющийся ради наживы въ Испанію, вѣряетъ мнѣ невинность своей паломницы. Распутный солдатъ, созданный для грабежа, взываетъ ко мнѣ во всю глотку: „Пресвятая Дѣва, доставь мнѣ жирную добычу!“ Игрокъ восклицаетъ: „Помоги мнѣ, святая, часть добычи достанется тебѣ...“ Если я откажу въ чемъ либо, опять начинаютъ кричать: „Ты не Мать милосердія!“ Желанія другихъ не столько безбожны, сколько глупы. Незамужнія кричатъ: „Марія, дай мнѣ красиваго и богатаго жениха.“ Замужнія: „Дай мнѣ красивыхъ дѣтей!“ Беременные: „Дай мнѣ легкіе роды!“ Старуха кричитъ: „Дозволь мнѣ долго жить безъ кашля и нужды.“ Сумасшедшій старикъ восклицаетъ: „Позволь мнѣ опять сдѣлаться молодымъ!“ Священникъ: „Дай мнѣ лучший приходъ!“ Мореплаватель проситъ: „Доставь мнѣ счастливое путешествіе.“ Крестьянинъ взываетъ: „Пошли

во время дождь! Крестьянка: „Сохрани въ цѣлости мой скотъ!“ Въ случаѣ отказа, жалуется Богородица, просители позволяютъ себѣ упреки и даже выговоры.

Въ трактатѣ „Рыбодѣніе“ мы находимъ подобныя изложеннымъ указанія на проникнутое суетвѣріемъ поклоненіе Богородицѣ. Эразмъ доказываетъ, что только духовное общеніе, духовныя приношенія позволительны; они только и пріятны Богородицѣ. Мы должны стараться подражать Ей и не обращаться какъ съ равною себѣ.

Къ поклоненію ангеламъ Эразмъ относится совершенно отрицательно. Мы должны ихъ любить, но не *молиться* имъ.

Всѣ отмѣченныя мнѣнія Эразма высказываются въ довольно умѣренномъ тонѣ, но когда заходитъ рѣчь о посѣщеніи св. мѣстъ, о распространенномъ обычаѣ паломничества, гуманистъ теряетъ спокойствіе и выражается съ полнымъ отрицаніемъ. „Поступаютъ благоразумнѣе, замѣчаетъ онъ, остающіеся дома и заботящіеся о женѣ и дѣтяхъ, чѣмъ тѣ, которые pilgrimage ствуютъ въ Римъ, Іерусалимъ или Кампостеллу. Лучше употребить деньги, расходуемыя на отдаленныя путешествія на святую цѣль, именно: помощь добрымъ и нуждающимся людямъ“.

Весьма любопытную бесѣду по этому вопросу мы находимъ въ извѣстномъ уже читателямъ трактатѣ „Colloquia“. Два пріятели при встрѣчѣ заводятъ разговоръ. Одинъ изъ нихъ — Арнольдъ, другой — Корнелій. Арн. „Изъ какихъ странъ?“ К. „Иду изъ Іерусалима“. А. „Какой богъ или какой вѣтеръ занесъ тебя туда?“ К. „Одна глупость, если не ошибаюсь“. А. „Это ты могъ бы найти и ближе, дома! Есть ли тамъ что-либо достойное вниманія?“ К. „Сказать правду — почти ничего! Показываютъ нѣкоторые памятники древности, которые всѣ въ совокупности и каждый въ отдѣльности, повидимому, выдуманы, чтобы привлечь простаковъ и легковѣрныхъ. Я увѣренъ, что подлинно неизвѣстно, гдѣ

когда-то находился древній Іерусалимъ“. А. „Что же ты, однако, видѣлъ?“ К. „Почти всюду большое варварство“. А. „Итакъ, ты возвратился назадъ далеко не болѣе святымъ?“ К. „Наоборотъ! Во многихъ отношеніяхъ худшимъ“. А. „Богаче?“ К. „Нѣтъ! Обѣднѣ церковной крѣсы!“ А. „Не расквашаешься ли ты въ томъ, что понапрасну предпринялъ такое далекое путешествіе?“ К. „Нѣтъ. Я даже не стыжусь, что у меня было много товарищей по глупости“. А. „Ты не приносишь съ собою никакихъ плодовъ такого тягостнаго путешествія?“ К. „О, много!“ А. „Какіе же?“ К. „Сколько разъ представится возможность, я буду забавлять себя и другихъ ложью, которую буду подносить въ обществѣ, рассказывая о своихъ походахъ. Потому, не менѣе этого я буду забавляться ложью другихъ, когда они сообщаютъ о томъ, чего они никогда не видѣли и не слышали. И они (эти собесѣдники) это дѣлаютъ съ такою увѣренностью, что, рассказывая самыя наглѣя шутки, сами убѣждены, что говорятъ правду. Кромѣ того, я имѣю въ виду и другого рода пользу, именно, могу убѣдить хорошихъ друзей, желающихъ сдѣлать подобную же глупость, оставаться спокойно дома, подобно тому, какъ потерпѣвшіе крушеніе предостерегаютъ отъ опасности тѣхъ, кто желаетъ отправиться въ морское странствованіе“.

Тотъ, кто на основаніи выпесказаннаго пришелъ бы къ заключенію, что Эразмъ систематически проводилъ подобныя мысли, приписалъ бы слишкомъ много осторожному гуманисту. Наряду съ протестами противъ злоупотребленія, допускаемаго въ поклоненіи святымъ, мы находимъ сужденія въ пользу этого поклоненія, во они не могутъ ослабить впечатлѣнія, производимаго сужденіями перваго рода, воплѣ совпадающими съ тѣмъ, что такъ страстно проповѣдывалъ виттембергскій реформаторъ. Взгляды Эразма на праздники и посты опять представляютъ полную аналогію съ Лютеровыми.

Эразмъ видитъ вредъ многочисленныхъ праздникоу въ томъ, что большинство проводитъ ихъ въ развлеченіяхъ, часто предосудительнаго характера, не думая о молитвѣ и богоугодныхъ дѣлахъ. Иногда, впрочемъ, онъ ищетъ подтвержденія своихъ мыслей у такихъ авторитетовъ, какъ св. Павелъ, доказывая, что этотъ апостолъ не дѣлалъ различія между праздничными и будними днями. „Хорошо бы сдѣлали, говоритъ Эразмъ, если бы уничтожилъ значительное количество праздниковъ, а въ тѣ, которые остались, позволяли народу работать послѣ подобающей церковной службы, если семья нуждается въ этомъ, или, если это дѣлается, чтобы заработокъ отдать какъ милостыню“.

Въ своихъ *Adagiaх* по поводу пословицы: „ignavis semper feriae sunt“ (у лѣнливыхъ всегда праздникъ) Эразмъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній. Онъ говоритъ, что увеличеніе числа праздникоу вовсе не ведетъ къ подъему благочестія, что время, проведенное въ далеко не назидательныхъ развлеченіяхъ, является не пользою, а вредомъ для религіи. „Для истинныхъ христіанъ, заключаетъ Эразмъ, всякій день — праздникоу, для дурныхъ же — а таковыхъ вѣдь большинство — праздничные дни менѣе буднихъ достойны празднованія“.

О постахъ и постныхъ купаньяхъ Эразмъ выражается совершенно въ духѣ лютеранства. Въ Священномъ Писаніи и завѣтахъ апостоловъ онъ не видитъ указаній на качество пищи, тѣмъ не менѣе признаетъ постъ полезнымъ, если онъ достигнетъ прямой цѣли: служить умерщвленію плоти и способствовать добрымъ дѣламъ. Но онъ находитъ страннымъ, когда священникъ считаетъ себя въ правѣ грозить адоу несоблюдающимъ посты. Далѣе, ссылаясь на климатическія и мѣстныя условія жизни, гуманистъ находитъ, что о какомъ-либо, общемъ для всѣхъ правилѣ, не можетъ быть и рѣчи. Онъ полагаетъ, что всякій священникъ долженъ имѣть право разрѣшать прихожанамъ мясную пищу, и считаетъ постъ прямо

невозможнымъ тамъ, гдѣ нѣтъ рыбы или она по цѣнѣ недоступна; сверхъ того онъ не считаетъ постными изысканныя, хотя не мясныя, блюда.

Въ возрѣніяхъ на монашество, безбрачіе священниковъ Эразмъ проявляетъ значительныя колебанія. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что, послѣ осужденія Лютера папой, нашему гуманисту необходимо было освободить себя отъ всякихъ подозрѣній въ сочувствіи еретическому учению: къ этому въ большинствѣ случаевъ періоду относятся сужденія Эразма о монашествѣ и безбрачій въ духѣ католической церкви. Пока Лютеръ не дошелъ до разрыва, Эразмъ держался убѣжденій весьма сходныхъ съ лютеровыми, выработавшихся, конечно, вполне самостоятельно, на основаніи впечатлѣній личнаго опыта и продолжительнаго наблюденія надъ сферой, ему хорошо знакомой.

Особенно пылко возстаетъ Эразмъ противъ принудительныхъ мѣръ, къ какой бы благой цѣли онѣ ни были направлены. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Къ какому классу должны мы отнести тѣхъ, которыхъ хитростью или угрозой заставили избрать безбрачіе? Имъ позволяютъ держать наложницъ, но запрещаютъ вступать въ бракъ. Если они открыто держатъ любовницу, на нихъ смотрятъ, какъ на католическихъ священниковъ, но если они женятся — ихъ сжигаютъ“. Въ другомъ мѣстѣ Эразмъ рекомендуетъ не провиниться никакихъ обѣтовъ раньше тридцатилѣтняго возраста, такъ какъ до этого періода сознательное отношеніе къ вѣрнѣйшимъ жизненнымъ вопросамъ мало вѣроятно.

Въ одной главѣ своихъ „Разговоровъ“ Эразмъ выводитъ на сцену двухъ собесѣдниковъ: дѣвушку, не знающую свѣта, и опытнаго совѣтника, которому известно прекрасно, что можетъ ожидать въ монастырѣ юное и наивное созданіе. Дѣвушка высказываетъ о своемъ намѣреніи сдѣлаться монашкой, чтобы посвятить Богу свою невинность и проводить

время въ молитвахъ; совѣтники ея возражаютъ, что, кромѣ одежды, можно и дома найти все, чего она ожидаетъ отъ монашья: скромный образъ жизни, молитву, постъ, безбрачїе; онъ замѣчаетъ, что гораздо болѣе искушенїи, гораздо болѣе посягательства на личность ожидаетъ двѣтушку въ монастырѣ со стороны монаховъ далеко не безупречной правденности и всякаго рода начальства.

О бракѣ Эразмъ имѣлъ возможность высказаться въ спеціальномъ трактатѣ ¹⁾. Онъ ставитъ бракъ очень высоко, считалъ безбрачїе „безполезнымъ и безчеловѣчнымъ учрежденїемъ“. По его мнѣнїю, супружескій союзъ установленъ Самимъ Христомъ, уклоненїе отъ него—дѣло недостойное. „У кого нѣтъ чувства любви къ браку, тотъ не человѣкъ, а камень; это врагъ природы, бунтовщикъ противъ Бога, идущїй къ гибели по причинѣ своей же грубости“. Эразмъ такъ увлекается своимъ сочувствїемъ браку, что рѣшается высказать осужденїе мнѣнїи тѣхъ Отцевъ Церкви, которые превозносятъ достоинство безбрачїа, и предлагаетъ разрѣшить священникамъ супружество. „Хорошо бы было, если бы священникамъ дозволили имѣть женъ“. „Я боюсь только гнѣва официаловъ (высшее монастырское начальство), которые имѣютъ большую прибыль отъ штрафовъ за содержанїе священниками наложницъ“. О монастырской жизни своего времени Эразмъ былъ весьма невысокаго мнѣнїя. Большинство монаховъ онъ сравнивалъ съ тѣми фарисеями, которые, несмотря на день субботнїй, спасаютъ рабочую скотину, но дозволяютъ гибнуть человѣку.

Въ монастырѣ, говоритъ гуманистъ, можно слышать „ходьбы, далека отъ всякаго духа христіанства рѣчи, можно быть участникомъ совершенно свѣтскихъ пиршествъ“ и вообще они отличаются отъ свѣтской жизни лишь извѣстными обря-

¹⁾ Christiani matrimonii institutio.

дами. „Было бы лучше, заключаетъ Эразмъ, и согласїе съ ученїемъ Исуса, если бы на всю христіанскую общину смотрѣли, какъ на одинъ домъ и одинъ монастырь, и если бы не беспокоились о томъ, *идѣ* жить, но *какъ* живутъ люди, именно о праведной жизни“.

Какъ замѣчено выше, Эразмъ не всегда высказывалъ взгляды, подобныя вышеизложеннымъ: послѣ разрыва съ Лютеромъ онъ часто говоритъ въ духѣ официально господствующихъ положенїи. Но до столкновенїа съ главой реформаторовъ гуманистъ охотно присоединяется къ его воззрѣнїямъ.

Въ сужденїяхъ Эразма объ исповѣди, причастїи и бракѣ мы найдемъ меньше сходства съ ученїемъ лютеранской церкви, чѣмъ въ предыдущихъ пунктахъ. Гуманистъ высказывается за исповѣдь священнику, такъ какъ сами мы не можемъ ни быть своими судьями, ни правильно отнестись къ своимъ проступкамъ. Это мнѣнїе является преобладающимъ, хотя рядомъ съ нимъ гуманистъ говоритъ о двойной исповѣди и даже объ исповѣди Христу, нашему единственному духовному Исповѣднику, т.-е., въ послѣднемъ случаѣ совершенно въ духѣ лютеранства. Прощенїе грѣховъ, по Эразму, достигается исповѣдью лишь тогда, когда она сопровождается искреннимъ раскаянїемъ.

О таинствѣ причастїа, по Эразму, мы не считаемъ возможнымъ распространяться въ этомъ бѣгломъ очеркѣ, въ виду спеціальнаго характера вопроса. Замѣтимъ только, что и здѣсь можно указать много услопенїи отъ господствующихъ въ католической церкви воззрѣнїи.

Выше мы касались отношенїа нашего гуманиста къ безбрачїю священниковъ. Здѣсь скажемъ нѣсколько словъ о его мнѣнїяхъ о бракѣ вообще.

Эразмъ считаетъ бракъ таинствомъ и даже ставитъ его выше другихъ. Онъ указываетъ, что бракъ былъ установленъ самимъ Господомъ. Тѣмъ не менѣе Эразмъ считаетъ возможнымъ расторженїе брака, т.-е. разводъ, и доказываетъ, что

во многихъ случаяхъ супруги имѣютъ право послѣ расторженія брака вступать въ новый союзъ, особенно сторона, оказавшаяся невиновной. Разводъ можетъ быть достигнутъ посредствомъ рѣшенія церковныхъ судей, обязанныхъ вѣдать такого рода дѣла. Въ виду несчастія многихъ при несогласіи въ семейной жизни гуманистъ горячо отстаиваетъ эту мѣру. Онъ не ограничивается теоретическими разсужденіями, а иллюстрируетъ свои положенія убѣдительными примѣрами. Вотъ одинъ изъ нихъ, заимствованный изъ трактата Эразма „Разговоры“.

Одна замужня женщина Ксантиппа рассказываетъ своей подругѣ Евлаліи, что ея мужъ является по ночамъ пьяный, наноситъ ей оскорбленія и даже побои. Евлалія замѣчаетъ, что съ этимъ надо мириться, что нѣтъ другого исхода, какъ терпѣливо, до конца дней своихъ, переносить подобныя выходы, такъ какъ по церковнымъ законамъ развода не существуетъ. „Пусть Небо, восклицаетъ Ксантиппа, нагажетъ тѣхъ, кто лишилъ насъ этого права (развода)!“ Ев. „Замолчи: Христосъ такъ постановилъ“. Кс. „Сильно сомнѣваюсь“.

За такого рода сужденія доставалось Эразму отъ теологовъ, особенно отъ доминиканцевъ. Оправдываясь, гуманистъ старается смягчить рѣзости, замѣчая, впрочемъ, что, нерасторжимость брака въ христіанствѣ объясняется противорѣсью необыкновенной доступности развода у евреевъ.

Но, сходясь съ ученіемъ лютеранской церкви въ нѣсколькихъ, весьма существенныхъ пунктахъ, Эразмъ разошелся съ ея главою въ самомъ важномъ: вопросѣ о свободѣ воли и оправданіи благодатью, сдѣлавшемся предметомъ страстной полемики и послужившемъ причиною разрыва.

Еще будучи монахомъ, смущаемый боязнью и опасеніемъ наказаній за грѣхи, Лютеръ успокоивалъ себя словами: *Възгую въ отлученіе грѣховъ* и, развивая все далѣе и далѣе

это положеніе, съ свойственной ему рѣзкой послѣдовательностью дошелъ до полного отрицанія участія человѣка въ дѣлѣ своего спасенія. Онъ брать исходной точкой первородный грѣхъ и искупленіе Спасителя. Первородный грѣхъ испортилъ человѣческую природу: человѣкъ рождается *рабомъ*. Въ виду этого утверждать, что человѣкъ можетъ дѣлать добро собственными силами — непростительный грѣхъ: это ересь, почерпнутая Пелагіемъ у Аристотеля. Мы можемъ участвовать въ оправданіи лишь вѣрой. Но человѣкъ по своему произволу не можетъ ея имѣть: „Духъ дуетъ, куда хочетъ“. „Богъ дѣлаетъ въ насъ какъ добро, такъ и зло“. Прощеніе, по Лютеру, независимо отъ покаянія. Принципъ свободнаго толкованія Св. Писанія долженъ былъ придать большую вѣсность утвержденіямъ Лютера.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе этого положенія, замѣтимъ только, что оно было осуждено буллою папы Льва X и сдѣлалось предметомъ жестокой полемики католиковъ и реформаторовъ. Эразмъ еще до осужденія папой Лютерова ученія держался совершенно противоположныхъ взглядовъ. Онъ слѣдовалъ Оригену и Иерониму и одинаково осуждалъ и безусловную вѣру въ достаточность собственныхъ заслугъ для спасенія, какъ легкомысленную, и излишнее упованіе на милость и благодѣ Господни. Онъ старается указать средній путь, доказывая необходимость добрыхъ дѣлъ и Божіей благодати, которой, впрочемъ, придаетъ большее значеніе.

Положеніе основателя лютеранства объ оправданіи вѣрой казалось Эразму наиболѣе подходящимъ для того, чтобы высказать общее сужденіе о Лютерѣ и его ученіи и тѣмъ оправдать себя въ глазахъ папы и своей церкви. Онъ постарался это сдѣлать въ трактатѣ „О свободѣ воли“ (*De libero arbitrio*).

„Подъ свободой воли, говоритъ Эразмъ, мы понимаемъ силу человѣческой воли, посредствомъ которой мы можемъ

обратиться къ тому, что ведетъ насъ къ вѣчному спасенію или уклониться отъ того же". „Способность имѣть и высказывать сужденія, назовемъ ли мы ее разумомъ или разсудкомъ, не уничтожена (первороднымъ) грѣхомъ, а лишь помрачена". Человѣкъ сталъ гораздо болѣе расположеннымъ къ дурному, чѣмъ къ хорошему, и его воля дѣйствуетъ чаще въ этомъ направленіи, но, по милости Господней, она получила возможность вести человѣка къ спасенію.

Въ своемъ изложеніи Эразмъ старается стоять на почвѣ Лютера, т.-е. исключительно опираясь на сочиненія каноническихкихъ писателей. Среди нихъ онъ находитъ цѣлый рядъ поборниковъ свободы воли. Далѣе онъ ссылается на свидѣтельство Св. Писанія, особенно Новаго Завѣта, протестуя противъ свободнаго толкованія его текста.

Не ограничиваясь этимъ, Эразмъ подвергаетъ тщательному анализу и тѣ мѣста Св. Писанія, которыя Лютеръ приводитъ въ подтвержденіе своихъ положеній, доказывая, что во всѣхъ случаяхъ возможно по меньшей мѣрѣ еще толкованіе въ пользу свободы воли. Онъ приводитъ теоретическія доказательства и рядъ убѣдительныхъ, по его мнѣнію, примѣровъ.

Стараясь смягчить свои замѣчанія, Эразмъ заявляетъ, что далека отъ мысли брать на себя роль судьи: его дѣло — сообщая обсудить эти важные вопросы. Онъ нѣсколько разъ замѣчаетъ, что, если даже и возможно толкованіе въ пользу положеній Лютера, то крайне опасно дѣлать его достояніемъ публики. Невѣжественная чернь, говоритъ онъ, можетъ изъ этого сдѣлать своеобразное примѣненіе.

Трактатъ Эразма заслужилъ одобреніе въ средѣ самыхъ ревностныхъ католиковъ. Признавалъ убѣдительность его аргументацію, они упрекали автора лишь въ томъ, что по ихъ мнѣнію, онъ не воспользовался своими преимуществами для униженія Лютера и слишкомъ щадилъ его. Иначе посмотрѣли на дѣло Лютеръ и его послѣдователи.

Въ лагерѣ реформаторовъ трактатъ Эразма вызвалъ цѣлую бурю. Всюду, гдѣ только могъ, Лютеръ осыпалъ своего соперника оскорбленіями. Въ свою очередь, на этотъ разъ и Эразмъ не остался въ долгу. Онъ остроумно мѣтитъ въ слабые стороны лютеранъ.

Онъ говоритъ, напр., что лютеране вступаютъ въ бракъ съ женщинами, имѣющими большое приданое, и заботятся, по примѣру своего начальства, объ удобствахъ жизни. „Дурные монахи — они дѣлаются гораздо худшими мірянами". Особенно рѣзко критикуетъ Эразмъ въ письмѣ къ Меланхтону слабые стороны реформы. Онъ упрекаетъ реформаторовъ въ наклонности къ деспотизму и насилію, а Лютера — въ страстности и неуступчивости. Эразмъ убѣжденъ, что реформа приближается къ анархіи и ведетъ за собою полное разложеніе общества.

Лютеръ не замедлилъ отвѣтомъ. „Истина, говоритъ онъ, какъ бы сознавая превосходство гуманиста, сильнѣе краснорѣчія. Побѣда за тѣмъ, кто лепечетъ правду, а не за тѣмъ, кто краснорѣчиво отстаиваетъ ложь". Далѣе, онъ упрекаетъ Эразма въ защитѣ недостойнаго дѣла и переходитъ къ вопросу о свободѣ воли.

„Называть нашу волю свободной, говоритъ Лютеръ, значитъ, поступать такъ, какъ поступаютъ князья, присвоивающіе себѣ длинныя титулы и называющіеся владѣтелями такихъ-то царствъ, такихъ-то княжествъ и отдаленныхъ острововъ, тогда какъ они не пользуются ни малѣйшей властью". Реформаторъ замѣчаетъ, что въ вопросахъ, касающихся спасенія, человѣкъ не можетъ считать себя свободнымъ, что, допустивъ свободу воли, необходимо ограничить роль Христа и Св. Духа, что Св. Писаніе доказываетъ, что всѣ дѣйствія человѣка, направленные къ спасенію, происходятъ подъ вліяніемъ благодати. Не довольствуясь аргументаціей по существу, Лютеръ направляетъ по адресу гуманиста цѣлый рядъ

дѣвшихъ замѣчаній. Онъ называетъ его ученымъ, умнымъ, краснорѣчивымъ, а себя лишь христіаниномъ.

Полемика приняла такой тонъ, что даже друзья реформатора остались имъ недовольны и старались сдерживать его; болѣе умѣренные были недовольны ходомъ дѣла.

Эразмъ снова взялся за перо и написалъ „Защиту“, ничего не прибавляющую къ прежнимъ доказательствамъ. Залуживаетъ вниманія только та часть разсужденія, въ которой говорится объ отношеніи Лютера къ св. Августину и указывается на противорѣчія въ самомъ ученіи реформатора.

Въ этомъ спорѣ, подробностей котораго мы не могли касаться, выясняется не только личный характеръ Эразма, но и основныя идеи, которыхъ онъ былъ носителемъ и поборникомъ. Гуманистъ всюду стоитъ за индивидуальную свободу личности, за предоставленіе ей возможности дѣйствовать и развиваться согласно ея наклонностямъ, насколько это не противорѣчитъ интересамъ другихъ. Онъ врагъ всякаго насилія, въ какой бы области оно не проявлялось, и защитникъ гуманнаго и терпимаго отношенія къ личности. Въ періодъ рѣзкаго столкновенія партійныхъ интересовъ такая проповѣдь не могла имѣть успѣха, и человѣколюбивый гуманистъ очутился на распутьи, лишенный поддержки католиковъ и реформаторовъ, которыхъ онъ старался примирить и убѣдить дѣйствовать съ большимъ достоинствомъ и уваженіемъ обоюдныхъ интересовъ.

Такимъ образомъ, связь Эразма съ реформой сводится къ совпаденію многихъ его взглядовъ съ положеніями Лютера и въ коренномъ разногласіи въ основномъ догматѣ лютеранства — вопросѣ о свободѣ воли. Обстоятельства поставили этого ученаго гуманиста въ самое неблагоприятное положеніе между двумя враждующими партіями, которыя пользовались результатами, добытыми его глубокимъ и свѣтлымъ умомъ.

„Похвала Глупости“.

Разсмотрѣнныя до сихъ поръ стороны ученой и литературной дѣятельности нашего гуманиста не могутъ быть поставлены въ непосредственную связь ни съ лютеранствомъ, ни съ господствующей католической церковью. Сходясь во многомъ съ Лютеромъ, гуманистъ ни на минуту не думалъ записываться въ ряды его послѣдователей и имѣлъ основаніе, въ виду весьма существенныхъ соображеній, считать себя хорошимъ католикомъ. Но есть въ дѣятельности нашего гуманиста одна сторона, несомнѣнно сближающая его съ реформацией, — его отрицательное отношеніе къ правамъ духовенства, къ темнымъ схоластическимъ теологамъ, къ нравственному и умственному упадку общества, въ значительной части обусловленному вліяніемъ и примѣромъ духовныхъ наставниковъ той эпохи.

Здѣсь, на почвѣ сатиры, гуманистъ вполне сходится съ Ульрикомъ ф. Гутеномъ, однимъ изъ авторовъ знаменитой сатиры того же времени „Письма темныхъ людей“¹⁾. Эту „тьму“ средневѣковую раскрываетъ талантливое перо Эразма во всей наготѣ, тѣмъ самымъ призываетъ къ борьбѣ съ косностью и испорченностью общества.

Конечно, Лютеру и его послѣдователямъ сатира Эразма, какъ и „Письма темныхъ людей“, сослужила службу и дала весьма полезное оружіе для полемики. Гуманистъ и реформаторъ сходились въ оцѣнкѣ общественныхъ недуговъ, въ особенности неустройствъ и неурядицъ церковной жизни.

Почва для самой злой сатиры была весьма удобна. Германія представляла во многихъ отношеніяхъ полную ана-

¹⁾ Главнымъ сочинителемъ считаютъ Крота Рубана.

логию Италии, уступая ей, конечно, в области искусства и науки. Здесь было то же, что и на Аппенинском полуострове: непонимание общих интересов, та же разрозненность партий и в особенности такой же упадок нравов. Идет речь, конечно, не об единичных случаях, а о мирозерцании, лишенном какой-либо прочной нравственной опоры. Самые высокие идеи попораны и утилизируются для низменных, своекорыстных целей. Об уважении прав личности нет и речи в обществе, где каждый гнался лишь за наживой, а понятие об отечестве, об общественном благе, сделалось туманным миеом.

Неудивительно, что здравомыслящие элементы общества могли отнестись к своей среде или с грустью или с насмешкой.

Последнее отношение является преобладающим. Сатира проникает всюду и направлена главным образом против того сословия, которое должно было быть носителем высоких принципов религии, нравственности и гуманности. Надь слабостями духовенства, больше чем непростительными, издеваются всюду: даже под сенью амвона ютится насмешка, хлесткая и безопасная, вдохновлявшая художника-скульптора. Реформаторы видя в сатире могущественную общину и подтапывались под невѣжественных и тиранствующих членов католического клира.

Элементов для сатиры было много. Поэтому мы не станем удивляться, что знаменитая „Похвала Глупости“ нашего гуманиста могла быть написана в 17 дней и притом во время путешествия в Англию. В ее основу легли и остроумные наблюдения остроумного автора, и его литературные воспоминания, и личное озлобление на людей, во многом ему повредивших. Эразм не был новичком в сатире: он испытывал свои силы и раньше в других трактатах, иногда весьма остроумных. Но все эпизоды в „Ада-

гиях“, „Цицеронианце“ и др. блѣдны в сравнении с теми, что дает читателям „Похвала Глупости“.

Считать сатиру документом для изучения общества весьма опасно: мы всегда можем прийти к односторонним выводам. Но некоторые сатирические произведения могут являться исключением и доставлять ценный материал для знакомства с обществом. С этой точки зрения „Похвала Глупости“ достойна всякого внимания. Здесь мы находим вѣрную передачу того, что было в действительном положении вещей: полное отсутствие каких-либо высших руководящих идей, изображение порчи всего общественного организма, покрытого, с головы до ног, язвами. Представляя многое в карикатурном виде, Эразм, тем не менее, сумел уловить тот дух, который является господствующим среди большинства — ту своеобразную порчу, которая являлась не следствием каких-либо тлетворных идей, а лишь живых наклонностей, лишенных какого-либо контроля ума и совести. Преувеличивая многое, „Похвала Глупости“ вѣрно воспроизводит состояние мысли значительной — притом по положению самой влиятельной — части общества.

Почти половина „Похвалы Глупости“ посвящена характеристике сословий, стоявших во главе общественной жизни того времени.

„Не будем, говорить Глупость, перечислять всех видов жизни человеческой — это было бы слишком долго — мы остановимся только на людях высокопоставленных, так как грубая толпа уже без всякого сомнения принадлежит мне во всей целостности: она так богата формами глупости, столько каждый день выдумывает нового в этом роде, что не хватит тысячи Демокритов, чтобы осмеять ее“¹⁾.

¹⁾ Дрюжину цитаты по переводу проф. Кириичникова. Новый критический перевод „Похвалы глупости“ принадлежит проф. Ардашеву.

Глупость не щадитъ малѣйшей человѣческой слабости, но съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на тѣхъ, кто, по ея выраженію, „составляетъ цвѣтъ человѣческаго общества“.

„Начинаю съ грамматиковъ, говоритъ она, участь которыхъ, еслибъ ее не смягчала я особымъ видомъ безумія, была бы поистинѣ самая плачевная: они подвержены не пяти проклятіямъ, о которыхъ говоритъ греческая эпиграмма, но нѣсколькимъ сотнямъ. Вѣчно впроголодь, въ обѣдномъ рубищѣ, сидятъ они въ своей школѣ, составляющей нѣчто среднее между толчей и застѣнкомъ. Они быстро старятся отъ трудовъ, гложутъ отъ крика мальчишекъ, задыхаются отъ вони; но моею милостью они кажутся себѣ первыми изъ смертныхъ и съ необыкновеннымъ самодовольствомъ истязаютъ несчастныхъ дѣтей линейками, розгами, ремнями, неистовствуютъ по своему произволу, уподобляясь куменскимъ осламъ“.

Мелочность въ научныхъ разсканіяхъ отличаетъ этихъ ярыхъ педагоговъ, которые приходятъ въ неописанную радость, когда сдѣлаютъ какое-либо микроскопическое, притомъ еще сомнительнаго достоинства, открытіе.

„Въ какомъ океанѣ блаженства плаваютъ тотъ изъ нихъ, кому случилось отыскать имя матери Анхиза, или найти въ какой-нибудь старой рукописи неупотребительное и неизвѣстное до сихъ поръ слово, или открыть кусокъ стараго камня съ неразборчивой надписью“... „Но всего пріятнѣе смотрѣть, какъ они другъ друга хвалить, другъ другу удивляются, другъ другу чешутъ за ушами. А если кто-нибудь ошибся въ одномъ словечкѣ, а другой, болѣе глазастый, поймалъ его, какіе споры, упреки, словесныя битвы происходятъ между ними!“

Таковы качества педагоговъ и второстепенныхъ ученыхъ. Переходя къ тѣмъ, которые составляли первые ряды этого сословія, Эразмъ жестоко издѣвается надъ ихъ схоластическими тонкостями. Число этихъ мужей непомѣрно велико,

что само собою свидѣтельствуетъ объ ихъ достоинствахъ. Все это схоластики самыхъ разнообразныхъ направленій и самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ.

Со смущеніемъ думаетъ Эразмъ о нападкахъ, которыми обрушатся на него обиженные сатирой теологи и, можетъ быть, говоритъ Глупость лучше было бы пройти молчаніемъ нашихъ теологовъ, не трогать этого зловреднаго болота и не прикасаться къ этой вонищей травѣ, тѣмъ болѣе, что это люди крайне подозрительные и раздражительные: пожалуй они нападутъ на меня съ сотнями своихъ заключеній и принудятъ меня отречься отъ моихъ словъ, угрожая въ противномъ случаѣ обвинить меня въ ереси—это ихъ обыкновенный способъ устрашать тѣхъ, кто имъ не нравится“. „Окруженные войсками своихъ опредѣленій, заключеній, всякаго рода силлогизмовъ и т. д., они въ своей самонадѣянности считаютъ себя обитателями третьяго неба и смотрятъ съ жалостью на всѣхъ прочихъ смертныхъ, какъ на пресмыкающихся скотовъ; они устроили себѣ столько выходовъ, что ихъ нельзя поймать и сътыю Вулкана; вновь выдуманнами чудными словечками они разрубятъ ее, какъ сѣкирою. Всѣ тайны тайныхъ они объясняютъ силою своего ума“... „А развѣ это вы считаете малымъ счастьемъ, что они по своему произволу слагаютъ и разлагаютъ священныя слова, какъ будто бы они были изъ воску, и свои заключенія, подписанныя нѣсколькими педантами, считаютъ важнѣе законовъ Солона или папскихъ декретовъ; и если кто-нибудь хоть на одинъ вершокъ не сходитса съ ними, эти всесвѣтные цензоры требуютъ отреченія и изрекаютъ свои ученые оракулы: это предложеніе преступно, это не довольно почтительно, это отбывается ересью; такъ что ни крещеніе, ни евангеліе, ни Павелъ съ Петромъ, ни св. Іеронимъ съ Августинномъ, ни самъ Тома Аквинскій, прочитавшій всего Аристотеля, не могутъ сдѣлать человѣка христіаномъ, если не дадутъ своей

подписи наши бакалавры! А это развѣ не малое для нихъ счастье, что они могутъ съ такою точностью изображать муки ада, какъ будто цѣлые годы прожили въ немъ? Что они по своей волѣ создаютъ новыя міры, чтобы душамъ блаженныхъ было мѣсто прогуливаться?“

„Я сама, продолжаетъ Глупость, не въ силахъ удержаться отъ смѣха, вида, что они считаютъ себя тѣмъ священнѣйшими богословами, чѣмъ нелѣпѣе и хуже изъясняются, до того картавить, что ихъ только картавый и понимать можетъ, называютъ верхомъ глубокомыслия все то, чего не могутъ понять обыкновенные люди. По ихъ мнѣнію, уважать законы грамматики значить унижать достоинство Св. Писанія. А ихъ все преимущество въ томъ, что они могутъ лгать, сколько Богъ на душу положитъ, каковымъ правомъ, впрочемъ, пользуются многіе сапожники. Когда ихъ съ благоговѣніемъ называютъ „учители наши“ (Magistri Nostri), они считаютъ себя равными богамъ и полагаютъ, что въ этомъ названіи есть нѣчто, равняющееся по силѣ іудейской тетраграммѣ“.

Его характеристика ученыхъ теологовъ можетъ соперничать съ любой страницей „Писемъ темныхъ людей“, съ тою лишь разницею, что у Эразма обобщено то, что тамъ является въ отдѣльныхъ, разрозненныхъ чертахъ. Не уступаютъ ей, по остроумію и мѣткости, отзывы о монахахъ и монашествѣ и съ ними (теологами) по блаженствупочти равняться могутъ тѣ, кого называютъ *чернымъ духовенствомъ* или *монахами*, хотя и то и другое названіе для нихъ совсѣмъ не подходящее: съ духомъ они не имѣютъ ничего общаго. и нѣтъ людей, которые бы такъ часто попадались на всѣхъ перекресткахъ ¹⁾. Вышшимъ проявленіемъ благочестія они считаютъ полное удаленіе отъ науки, такъ что и грамотѣ не учатся. Иные изъ нихъ гордятся своею грязью и нищен-

ствомъ и громко требуютъ милостыни, нападая на всѣ гостиницы, экипажи, корабли, къ немалому ущербу остальныхъ нищихъ. И эти-то милѣйшіе люди хотятъ намъ напомнить апостоловъ! Что можетъ быть смѣшнѣе, какъ видѣть, съ какою математическою точностью они опредѣляютъ для себя житейскія мелочи, считая за грѣхъ малѣйшее отступление отъ предписаннаго; сколько узловъ долженъ имѣть башмакъ, какого цвѣта перевязь, какъ сшито платье, изъ какой матеріи и какой ширины долженъ быть поясъ, какого вида и какой вмѣстимости капюшонъ, какого вида должна быть тонзура, сколько часовъ надо спать. А кто не видитъ, насколько неудобно такое однообразіе при громадномъ разнообразіи тѣлесныхъ и духовныхъ наклонностей?“

Монахи съ презрѣніемъ относятся къ мірянамъ единственно потому, что послѣдніе лишены возможности носить такіе же костюмы. Внѣшняя форма, обрядность—все для нихъ. „Огромная часть ихъ придаетъ такое значеніе своимъ церемоніямъ и соблюденію уставовъ, что царство небесное считаетъ слишкомъ незначительной наградой; они не хотятъ подумать, что Христосъ, пожалуй, не обратитъ на все это вниманія и потребуетъ исполненія единственной своей заповѣди—любви къ ближнему. Одинъ монахъ покажетъ ему свое брюхо, набитое рыбой разнаго сорта; другой выспѣетъ сотню четверинокъ псалмовъ; третій—мирады постовъ и покажетъ свой желудокъ, едва не погибшій вслѣдствіе одной трапезы, четвертый притащитъ такую груду церемоній, что ихъ на семи купеческихъ корабляхъ не сvezешь; пятый будетъ хвалиться, что онъ въ продолженіе 60 лѣтъ не дотрогивался до денегъ иначе, какъ надѣвъ на руку двойную перчатку; шестой—принесетъ свой плащъ, до того грязный и пропитанный жиромъ, что матросъ постыдился бы надѣвъ его; седьмой напомнитъ, что онъ въ продолженіи 50 слишкомъ лѣтъ жилъ какъ губка, прибованная къ одному мѣсту; вось-

¹⁾ Намекъ на этимологию слова *монахъ* отъ *μόνος*—одинъ одинокій.

мой будетъ хвалиться—что онъ охрипъ отъ постоянного пѣнія; девятый—что онъ впалъ въ спячку отъ постоянного уединенія; десятый, что у него языкъ, вслѣдствіе долгаго молчанія, оцѣпенѣлъ“.

Эразмъ высказываетъ полную увѣренность, что эти подвиги не найдутъ одобренія у Спасителя и будутъ Имъ осуждены въ немалому удивленію всѣхъ этихъ фарисеевъ новаго времени. „Но за то при жизни они, благодаря мнѣ, счастливы, хоть они и удалились отъ дѣлъ государственныхъ, однако, черезъ исповѣдъ они владѣютъ всѣми тайнами; выдавать эти тайны они считаютъ грѣхомъ за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда хотятъ угостить компанію потѣшными разсказами; но и тогда говорятъ они намеками и именъ не называютъ. Зато, если кто-нибудь раздражитъ ихъ, тогда они мстятъ за себя публично и говорятъ о своихъ врагахъ столь непрозрачно, что развѣ крупный дуракъ не пойметъ ихъ намековъ, и до тѣхъ поръ не перестанутъ они говорить, пока не заткнешь имъ глотку кускомъ“.

Выше шла рѣчь о той реформѣ, которой Эразмъ хотѣлъ подвергнуть проповѣдь, и какия мѣры рекомендовалъ онъ для этой цѣли. Въ „похвалѣ Глупости“ онъ даетъ намъ весьма вѣрное и остроумное изображеніе манеры изложенія проповѣдниковъ, отгѣняя преимущественно комическую сторону дѣла.

„Начинаютъ они (проповѣдники) съ воззванія, каковой обычай они переняли у поэтовъ; потомъ, если намѣреваются говорить о любви, въ вступленіи бесѣдуютъ о Нилѣ, рѣкѣ Египетской; намѣреваясь излагать тайну креста, толкуютъ о Белѣ, драконѣ вавилонскомъ; собираясь говорить о постѣ, въ приступѣ бесѣдуютъ о 12 знакахъ Зодіака; построивъ проповѣдь на тему о вѣрѣ, долго останавливаются на евадатурѣ круга. Я слышала одного ученаго, который, собираясь въ почтеннѣйшемъ собраніи тайну божественной Троицы,

чтобы показывать свою необыкновенную ученость и усладить слухъ теологовъ, избралъ весьма странный приступъ, именно, началъ толковать о бугвахъ, слогахъ и рѣчи, потомъ о согласованіи именъ съ глаголомъ, прилагательнаго съ существительнымъ, и когда многіе удивлялись, и кто-то, можетъ быть, бормоталъ про себя гораціевскій стихъ „куда ведетъ вся эта чепуха?“, ораторъ объяснилъ, что въ элементахъ грамматики заключенъ символъ Св. Троицы и объяснилъ съ математическою точностью“.

„Слышала я также одного 80-лѣтняго старика, столь ученаго теолога, что въ немъ видятъ возрожденнаго Скота; этотъ, намѣреваясь изяснить тайну имени Исуса, съ необыкновенною тонкостью показалъ, что въ самыхъ буквахъ имени заключается все, что можно сказать о самомъ его носителѣ. То обстоятельство, что имя Исуса по-латыни имѣетъ только 3 падежа, служить явнымъ указаніемъ на божественную троицность, что первый падежъ оканчивается на *s*, второй (вин.) на *m*, а третій (твор.) на *i* заключаетъ въ себѣ вѣкую неспазанную тайну; именно этими тремя буквами означено, что Христосъ, есть высшій (*summus*), средній (*medius*) и послѣдній (*ultimus*). Затѣмъ слѣдовало такое, еще болѣе тонкое соображеніе: если имя *Iesus* раздѣлить на двѣ равныя части, въ срединѣ останется не принадлежащая ни въ одной половинѣ буква *s*; эта буква по-еврейски называется *syn*, а по-шотландски *syn*, значитъ *ирътъ*; явно отсюда, что Исусъ явился, чтобы уничтожить въ мірѣ грѣхъ. Этотъ новый приступъ всѣ, а особенно теологи, слушали съ такимъ удивленіемъ, что съ ними едва не произошло то, что въ древности съ Нюбой, т. е. они чуть не окаменѣли“...

„Послѣ приступа и предложенія проповѣдники переходятъ къ изложенію, въ которомъ бѣгло и поверхностно объясняютъ какой-нибудь евангельскій текстъ (а между тѣмъ только этимъ слѣдовало бы имъ заниматься).

Въ-четвертыхъ, нашъ ораторъ выдвигаетъ богословный вопросъ, „не имѣющей связи ни съ землей, ни съ небомъ“; это, по ихъ мнѣнію, правило ихъ искусства. Здѣсь-то онъ показываетъ свою богословную важность, гремя всѣмъ въ уши великія имена *докторовъ торжественныхъ, докторовъ точныхъ, точнейшихъ, серафимическихъ, херувимскихъ, святыхъ, несокрушимыхъ*; здѣсь-то онъ рассказываетъ передъ невѣжественной толпой свои силлогизмы, большіе, меньшіе, заключенія, предположенія и прочую схоластическую чепуху. Остается еще 5-й актъ, въ которомъ можно показать себя великимъ артистомъ: ораторъ беретъ какую-нибудь глупую басню изъ Зеркала историческаго или Римскихъ Дѣяній и толкуетъ ее аллегорически, тропологически и аналогически. Такимъ-то образомъ онъ и заканчиваетъ созданіе свой химеры, о которой старался дать понятіе Гораций въ извѣстныхъ стихахъ: *Numano cariti* и пр.

Слышали они, не знаю ужъ отъ кого, что въ началѣ рѣчи тонъ долженъ быть сдержанный и некрикливый, и вотъ начинаютъ такимъ голосомъ, что сами себя едва слышатъ, какъ будто стоитъ говорить такъ, что никто слова понять не можетъ. Слышали они, что иногда для возбужденія страстей слѣдуетъ пользоваться восклицаніями, и вотъ они, поговоривъ сдержанно, вдругъ возвышаютъ рѣчь до диваго крика, когда въ этомъ не предстоитъ никакой надобности. Слушатель готовъ поклониться, что оратора нужно угостить черемидею, такъ какъ словами на него, очевидно, не подѣйствуешь. Потомъ слышали они, что рѣчь должна разгораться постепенно, и вотъ кое-какъ изложивъ начало части, они нежданно такъ напрягаютъ голосъ, хотя бы сюжетъ требовалъ полного хладнокровія, что къ концу чуть не умираютъ отъ утомленія. Наконецъ, узнали они, что въ риторикахъ что-

оминается о смѣхѣ, и вотъ они съ своей стороны пытаются отпустить шутки, о боги! какія изыщныя и умѣстныя!

Они иногда и кусаютъ, но такъ, что скорѣй щекочутъ, чѣмъ ранятъ, и лѣзять особенно сильно, когда грозятъ сказать всю правду. Вообще все ихъ поведеніе таково, точно они выучились своему искусству отъ базарныхъ крикуновъ, хотя и не дошли до степени совершенства своихъ учителей; во всякомъ случаѣ сходство въ приемахъ такъ сильно, что вліяніе однихъ на другихъ не подлежитъ сомнѣнію. А между тѣмъ, благодаря мнѣ, католическіе проповѣдники находятъ слушателей, которые считаютъ ихъ Демосеенами и Цицеронами, въ особенности они нравятся купцамъ и женщинамъ; первыми они умѣютъ такъ угодить и польстить, что тѣ уступаютъ имъ часть своихъ неправедныхъ стяжаній; женщины же по многимъ причинамъ благосклонно относятся къ этому сословію, и болѣе всего потому, что его представителямъ изливаютъ они свой гнѣвъ на мужей. Итакъ вы, надѣюсь, видите, сколь многимъ одолжены эти люди, тиранствующіе надъ обществомъ своими смѣшными церемоніями и возгласами и въ то же время считающіе себя Павлами и Антоніями“.

Если мы обратимся вмѣстѣ съ Эразмомъ къ высшимъ духовнымъ чинамъ, то найдемъ такое же отсутствіе высшихъ интересовъ и такое же небрежное отношеніе къ исполненію своихъ обязанностей. Они ведутъ жизнь свѣтскую, веселую, соперничая съ вельможами и аристократами въ устроеніи празднествъ и равлеченій всякаго рода. Какія обязательства налагаетъ на нихъ ихъ санъ, что символически выражено особенностями ихъ одежды—имъ и въ голову не приходитъ. „Если бы кто-нибудь изъ нихъ, говорить Глупость, сталъ соображать, что льняное, снѣжно-бѣлое платье—означаетъ жизнь, свободную отъ всякаго пятна, что двурога митра, верхушки которой связаны однимъ узломъ, указываетъ на совершенное знаніе ветхаго и новаго завета, что перчатки на рукахъ означаютъ чистое отъ всякой за-

разы людской совершеніе св. таинствъ, что посохъ указываетъ на бдительнѣйшую заботу о вѣренномъ стадѣ Христовомъ, предносямый крестъ — на побѣду надъ всѣми челоувѣческими страстями; если бы, говорю я, кто-нибудь изъ нихъ сталъ изображать это и многое подобное, какую печальную и исполненную заботъ жизнь пришлось бы вести ему? Теперь же они пасутъ только самихъ себя, а заботу объ овецкахъ предоставляютъ Христу или своимъ викаріямъ. Они не хотятъ даже о томъ вспоминать, на что указываетъ ихъ названіе, а именно на трудъ, заботу, безпокойство. Зорко *наблюдываютъ* они развѣ только надъ тѣмъ, какъ бы не упустить своихъ денежныхъ выгодъ.

Подобнымъ же образомъ, если бы *кардиналы* подумали о томъ, что они заступили мѣсто апостоловъ, и что къ нимъ прилагаются тѣ же требованія, что они не владѣтели, а управители духовныхъ благъ и, какъ таковые, должны будутъ отдавать подробнѣйшій отчетъ, если бы они пофилософствовали даже хоть надъ внѣшними знаками своего достоинства и стали бы такъ разсуждать: что означаетъ эта бѣлизна платья? А подъ нимъ находящійся пурпуръ? Не высую ли и совершеннѣйшую безпорочность жизни? Не пламеннѣйшую ли любовь къ Богу? А плащъ, спускающійся въ обширныхъ складкахъ, могущій покрыть не только всего мула, на которомъ сидитъ высокопочтенный отецъ, но и дѣлаго верблюда? Не всеохватывающую ли любовь къ людямъ, которая должна выражаться въ помощи всѣмъ и каждому: въ наученіи, увѣщаніи, порицаніи, утѣшеніи, умиротвореніи воюющихъ сторонъ, сопротивленіи безчестнымъ, даже въ пролитіи собственной крови за стадо Христово, не говоря уже про пожертвованія деньгами?"

Отъ кардиналовъ Эразмъ переходитъ къ самому папѣ и рѣзко осуждаетъ злоупотребленія, которыя позволяютъ себѣ эти намѣстники Христа.

„Первосвященники, говоритъ онъ, заступающіе мѣсто самого Христа, если бы попытались подражать Ему бѣдностью, трудами, ученіемъ, презрѣніемъ въ жизни, несеніемъ креста; если бы подумали о значеніи своего священническаго имени, — нашлись ли бы на землѣ люди, болѣе ихъ страдающіе? Кто сталъ бы покупать, жертвуя своимъ состояніемъ папскій престолъ? Кто, купивъ его, сталъ бы удерживать оружіемъ, ядомъ, вселкимъ насиліемъ? Что осталось бы отъ всѣхъ благъ, связанныхъ съ тѣрой, изъ всѣхъ почестей, власти, побѣдъ, чиновниковъ, роскоши, пошлннъ, индულгенцій, лошадей, муловъ, служителей, если бы мое мѣсто заняла Мудрость?"

„Благодаря мнѣ, нѣтъ на свѣтѣ людей, которымъ живется пріятнѣй и спокойнѣй; они твердо вѣрны, что исполняютъ свой долгъ, если играютъ роль епископовъ въ церемоніяхъ, обставленныхъ почти по театральному, если раздаютъ благословенія и проклятія и если ихъ чествуютъ титулами Святѣйшествъ. Творить чудеса — дѣло вышедшее изъ моды, не соответствующее духу времени; учить народъ — трудно; толковать Священное Писаніе — дѣло схоластиковъ; молиться — потеря времени; проливать слезы — бабье занятіе; жить въ бѣдности — непріятно; быть побѣжденнымъ — позорно и недостойно того, кто царей едва допускаетъ дѣловать свои блаженные ноги; наконецъ, умирать — непріятно, быть распятымъ — постыдно. Стало быть, остается управление арміей, раздача благословеній, на которыя они такъ щедры, интердикты, временныя и вѣчныя отлученія, страшныя громы, которыми они низвергаютъ души смертныхъ дальше самаго тартара.

Святѣйшіе во Христѣ отцы, намѣстники Спасителя, посылаютъ эти громы съ особенной энергіей на тѣхъ, кто по наученію дьявола пытается уменьшить или расхитить имущество св. апостола Петра. Защищая это имущество

огнемъ и мечемъ, проливая кровь христіанскую, они убѣждены, что по апостольски стоять за церковь Христову нѣвѣсту и борятся съ ея врагами; а между тѣмъ у церкви нѣтъ враговъ болѣе опасныхъ, чѣмъ нечестивые первосвященники, которые молчаніемъ своимъ заставляютъ забыть о Христѣ, связываютъ Его продажными законами, протитутуютъ вымученными объясненіями, убиваютъ нечестивою жизнью... Война—дѣло до того безчеловѣчное, что болѣе прилична животнымъ, чѣмъ людямъ, до того безумное, что, по представленію поговъ, ее посылаютъ на насъ фурии, до того зловредное, что производитъ повсемѣстное развращеніе правовъ, до того несправедливое, что въ ней отличаются больше всѣхъ самые злые разбойники, до того нечестивое, что ничего общаго съ Христомъ имѣть не можетъ; однако, они не обращаютъ на это вниманія и только ею одной и занимаются. Ей предавшись, развалившійся старикъ показываетъ юношескую силу духа, не останавливается передъ издержками. не утомляется трудами, ни капли не смущается тѣмъ, что ему приходится испровергать законы благочестія и разрушать благосостояніе людей“.

Познакомивъ насъ съ духовенствомъ, стоящимъ во главѣ умственнаго движенія и облеченнымъ вышею властью, Эразмъ переходитъ къ низшимъ чинамъ, простымъ священникамъ, которые употребляютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы не отстать отъ начальства.

„Простые священники считаютъ, конечно, грѣхомъ не слѣдовать праведному примѣру своихъ начальниковъ и сражаются за церковные доходы мечами, копьями, камнями и прочими видами оружія; къ книгамъ они обращаются только за тѣмъ, чтобы тамъ отыскать какой-нибудь текстъ, которымъ можно было бы устрашить чернь и заставить ее платить болѣе десятины; а что тамъ написано о ихъ обязанности въ отношеніи къ народу — того они и знать не хо-

тятъ“. „У священниковъ и свѣтскихъ людей та общая черта, что они неукоснительно слѣдятъ за своими денежными выгодами, а тягости свои благоразумно возлагаютъ на плечи ближнимъ и передаютъ изъ рукъ въ руки, какъ мячики. Какъ свѣтскіе князья обязанность управления государствомъ передаютъ высшимъ чиновникамъ, чтобы высіе передали ихъ низшимъ, такъ князья духовные, по свойственной имъ скромности, передаютъ дѣла благочестія народу, а народъ съ своей стороны передаетъ ихъ тѣмъ, кого называютъ церковниками, какъ будто у простаго чловѣка съ церковью нѣтъ ничего общаго, и обѣты, даваемые при крещеніи, не имѣютъ никакого значенія. Съ своей стороны, такъ называемые *соттискіе* священники сналиваютъ свое дѣло на приходскихъ, приходскіе на монаховъ, монахи менѣе строгихъ орденовъ на францисканцевъ, францисканцы на картезіанцевъ, которые и хранятъ благочестіе, и такъ тщательно хранятъ, что его и не видать совсѣмъ. Такимъ же образомъ первосвященники, внимательные къ денежнымъ дѣламъ, возлагаютъ апостольскіе труды на епископовъ, епископы на пастырей, пастыри на своихъ намѣстниковъ, намѣстники на францисканцевъ, а тѣ снова перебрасываютъ ихъ на церковниковъ, которые стригутъ шерсть съ овецъ Христова стада“.

Таковы отамвы Эразма о сословіи, которое онъ зналъ превосходно, такъ какъ самъ былъ его членомъ. И это писать не озлобленный или огорченный обидами и неудачами чловѣкъ, а умѣренный, довольно добродушный и весьма умный священникъ, въ сущности не желавшій вредить своимъ собратьямъ и не подозрѣвавшій, какое опасное оружіе даетъ онъ своей сатирой реформаторамъ-полемистамъ, какую безотрадную картину представить онъ потомству. Что можетъ быть злѣе и остроумнѣе нижеслѣдующей аттестаціи богослововъ: „Я недавно присутствовала, говоритъ Глуность, на зазданіи богослововъ, что я нерѣдко дѣлаю. Тамъ кто-то спро-

силъ, нѣтъ ли текста въ св. евангеліи, который повелѣвалъ бы побуждать еретиковъ огнемъ, а не убѣжденіемъ? Нѣкій старикъ, весьма суроваго вида, торжественно заявилъ, что такой текстъ находится у апостола Павла, а именно: „еретика послѣ перваго и втораго раза избѣгай (devita)“; когда онъ повторилъ эти слова нѣсколько разъ съ удареніемъ, и присутствующіе недоумѣвали, что такое съ нимъ случилось, онъ, наконецъ, объяснилъ, что слово devita онъ понимаетъ какъ de vita — изъ жизни; стало быть еретика надо изъ жизни вонъ извергать. Нѣкоторые засмѣялись; однако, нашлись и такіе, которые признавали это толкованіе весьма теологичнымъ. На возраженія ихъ противниковъ отвѣтилъ нѣкій несоборный защитникъ: „Выслушайте меня, — сказалъ онъ: извѣстны вамъ слова священнаго писанія, что нельзя терпѣть злодѣевъ, но слѣдуетъ истреблять ихъ; а всякій ереть — злодѣй: слѣдовательно и пр.“

Характеристикѣ духовенства отведено весьма видное мѣсто въ сатирѣ Эразма, но онъ не оставилъ безъ вниманія и свѣтское общество; онъ не падаетъ выдающихся его представителей, бичуя ихъ пороки смѣлымъ и мѣткимъ словомъ. Такого рода страницы несомнѣнно весьма любопытный матеріалъ для знакомства съ культурнымъ состояніемъ эпохи. Подобно вышеприведеннымъ, онѣ имѣютъ историческое значеніе.

О высшихъ государственныхъ чинахъ Эразмъ приводитъ самыя безотрадныя отзывы.

„Я (Глупость) съ удовольствіемъ перехожу къ вельможамъ, которые поклоняются мнѣ съ откровенностью, достойною свободно рожденныхъ людей. Если бы они имѣли хотя каплю здраваго смысла, ничего нельзя было бы вообразить печальнѣе ихъ жизни и, конечно, не нашлось охотника влѣт-вопреступленіемъ и убійствомъ приобрѣтать власть, съ которой связано столько неприятностей“. „Они убѣждены, что

отлично исполняютъ свои обязанности, если дѣлые дни проводятъ на охотѣ, держать на конюшнѣ красивыхъ лошадей, выгодно продають чины и должности, выдумываютъ ежедневно новые способы разорять народъ и обогащать казну такимъ способомъ, чтобы это несправедливѣйшее дѣло имѣло нѣкоторый видъ справедливости. Пожалуй, еще не прочь они подольститься къ народу, чтобы приобрѣсти популярность. Вообразите себѣ явленіе, довольно часто, человѣка, совершенно невѣжественнаго въ законахъ, почти съ враждою относящагося къ общественному благу, заботящагося только о собственныхъ выгодахъ и удовольствіяхъ, ненавистника науки, свободы и правды, измѣряющаго все своимъ произволомъ и похотью; потомъ надѣньте на него золотую дѣль, указывающую на соединеніе всѣхъ добродѣтелей, надѣньте разныя украшенія, — и если этотъ вельможа сопоставитъ знаки своего достоинства съ своимъ образомъ жизни, полагаю, онъ устыдится своихъ украшеній и побѣситъ насмѣшника, который можетъ обратить въ комедію всю эту трагическую обстановку“.

„Нужно ли говорить о придворныхъ чинахъ? Нѣтъ ничего продажнаго, безтолковнаго, отвратительнаго большей части этихъ людей, однако они желаютъ казаться сливками чело-вѣчества; они скромны только въ одномъ отношеніи: надѣвая на себя золото, драгоценныя камни, пурпуръ и прочіе знаки доблести и мудрости, они довольствуются этимъ, а самыя доблести уступаютъ другимъ. Они вполне счастливы тѣмъ, что находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ княземъ, что знаютъ формулы пожеланія здоровья, что умѣютъ безпрестанно сыпать свѣтлости, превосходительства и высокопревосходительства, раскрашивать себѣ лицо и пріятно льстить“.

„Нашъ вельможа просыпается въ полдень; наемный пошъ стоитъ при его постели и бормочетъ ему наскоро обѣдню.

Затѣмъ слѣдуетъ завтракъ, отъ завтрака недалеко и до обѣда; затѣмъ кости, шашки, пари, шуты, дураки, распутныя женщины, игры, всякія грубыя забавы; въ промежуткахъ одна или двѣ закуски; затѣмъ—ужинъ, послѣ него обильныя возліянія“.

Глупость подчеркиваетъ и другія слабости аристократовъ; она говоритъ, напр., о ихъ родовой гордости, заставляющей бездарныхъ потомковъ вичиться заслугами доблестныхъ предковъ. Многія лица, случайно выдвинувшіяся, должны изощряться въ изобрѣтеніи мнимыхъ праѣдовъ и, конечно, ихъ усилія способны вызвать лишь смѣхъ.

Хотя я и сиѣшу, говоритъ Глупость, однако не могу пройти молчаніемъ тѣхъ, которые, ничѣмъ не отличаясь отъ послѣдняго сапожника, хвалятся благородствомъ своего происхожденія, выводятъ себя, кто отъ Энея, кто отъ Брута, кто отъ Артура; они всѣмъ и каждому суютъ рѣзныя или рисованныя изображенія своихъ предковъ, перечисляютъ своихъ дѣдовъ и праѣдовъ, старинныя родовыя прозвища; сами они ничѣмъ не лучше, еще, пожалуй, хуже тѣхъ статуй, которыми они хвалятся, но моя спутница—самолюбіе—даетъ имъ возможность вести счастливую жизнь, и нѣтъ недостатка въ дуракахъ, которые имъ, точно богамъ—поклоняются!

Таковы отрицательныя стороны отдѣльныхъ сословій, подмѣченныя и обобщенныя талантливимъ сатирикомъ. Не менѣе искусно характеризуетъ Эразмъ національныя слабости культурныхъ европейскихъ народовъ, въ большинствѣ случаевъ—замѣтимъ—сохранившіяся и до настоящаго времени.

„Англичане, говоритъ Глупость, хвалятся физической красотой, музыкальными способностями и умѣньемъ хорошо ѣсть; шотландцы гордятся знатностью, родствомъ съ царями и искусствомъ въ діалектахъ; французы—умѣньемъ держать

себя въ обществѣ; парижане убѣждены, что они оставляютъ за собою въ области богословскихъ наукъ; итальянцы присвоили себѣ чистый литературный вкусъ и краснорѣчіе и до того высокаго о себѣ мнѣнія, что всѣхъ другихъ почитаютъ варварами; блаженнѣе всѣхъ римляне, утѣшающіе себя сновидѣніями о величіи древняго Рима; венеціанцы счастливы сознаніемъ своего благородства, своего происхожденія; греки, изобрѣтатели наукъ, присвоиваютъ себѣ похвальныя качества героевъ древности; турки и вся эта масса истинныхъ варваровъ весьма довольны своею религіею и смѣются надъ суевѣріемъ христіанъ. Еще пріятнѣе живется іудеямъ, которые до сихъ поръ ожидаютъ своего Мессію и крѣпко держатся за Моисея; испанцы никому не хотятъ уступить первенства въ военномъ дѣлѣ; германцы величаются высокимъ ростомъ и знаніемъ магіи“.

Весьма остроумны тѣ страницы трактата, гдѣ идетъ рѣчь о слабостяхъ, присущихъ не отдѣльнымъ лицамъ, сословіямъ и учрежденіямъ, а всему человѣчеству. Обобщая разрозненныя явленія, Эразмъ тѣмъ не менѣе изображаетъ ихъ такъ пластично, что читатель забываетъ о томъ, что имѣетъ дѣло съ общими выводами, а не конкретнымъ фактомъ. Вотъ, напр., одинъ изъ лучшихъ эпизодовъ.

„...Тотъ умираетъ отъ любви къ бабенкѣ, и чѣмъ она меньше любитъ его, тѣмъ онъ сильнѣе увлекается ею; тотъ женится на приданомъ, а не на женщинѣ; этотъ отдаетъ свою жену на поддержаніе другому, а этотъ стережетъ свою жену изъ ревности, какъ Аргусъ. Вотъ наслѣдникъ, скорбящій о смерти родственника, готовъ позвать цѣлую труппу актеровъ, чтобы они помогли разыграть ему сцену печали; тотъ плачетъ на могилѣ своей тещи; этотъ все, что только можетъ собрать, жертвуетъ своему желудку, хотя завтра же ему придется умирать съ голоду; тотъ считаетъ высшимъ счастіемъ сонъ и бездѣіе; иной въ чужія дѣла всю душу

владеть, а своими пренебрегаетъ; этотъ, заплативъ свои долги новыми займами, готовъ считать себя богачемъ; иной выпимъ счастьемъ своимъ поставлетъ, чтобы обогатить своего наслѣдника; иной изъ-за малой и невѣрной выгоды носится по морямъ, рискуя своею жизнью, которую нельзя купить ни за какія деньги. Этотъ предпочитаетъ добывать деньги на войнѣ, вмѣсто того, чтобы спокойно сидѣть дома. Иные мечтаютъ составить себѣ счастье, унижаясь передъ бездѣтными стариками; другіе въ тѣхъ же видахъ наслаждаются любовью бездѣтныхъ старухъ“.

Подобнымъ образомъ въ краткихъ, но выразительныхъ фразахъ рисуетъ Эразмъ нечестныхъ торговцевъ, любителей чужой собственности, фантазеровъ, одержимыхъ мелочнымъ самолюбіемъ, охотниковъ до процессовъ. Достается и посѣтителямъ св. мѣстъ, паломникамъ, бросающимъ семью на произволъ судьбы. Не менѣе остроумно смѣется Эразмъ надъ игроками, теряющими деньги, время, здоровье, иногда и жизнь въ игорномъ домѣ, охотниками, по цѣлымъ днямъ рискающимъ по лѣсамъ и называющими свое занятіе возвышеннымъ и благороднымъ времяпрепровожденіемъ, рассказчиками всякихъ небылицъ и ихъ внимательными и почтительными слушателями. „Недалеко отъ нихъ ушли и тѣ, которые приходятъ къ неразумному, но весьма пріятному заключенію, что если они посмотрятъ на изваянное или нарисованное изображеніе Полифема-Христофора, то въ этотъ день съ ними не случится бѣды, или, если они прочтутъ опредѣленную молитву передъ такой-то статуей, то невредимыми вернутся изъ сраженія, или если они въ опредѣленные дни будутъ приходить на поклоненіе къ Эразму съ извѣстными обрядами, то скоро разбогачатся. Они Геркулеса замѣнили другимъ именемъ и напла себѣ другого *Гитологита*“.

Эразмъ рѣшается возстать и противъ индугенцій, по видимому, не вѣря въ ихъ дѣйствительность, равно какъ и

противъ увлеченій наивной вѣры. „Что сказать о тѣхъ, говоритъ онъ устами Глупости, которые такъ льстятся на индугенціи и пургаторій мѣрняютъ циркулемъ, опредѣляя при этомъ съ математическою точностью вѣка, годы, мѣсяцы, дни, часы пребыванія въ немъ“.

Всѣ формы человѣческихъ слабостей нашли въ Эразмѣ строгаго судью и критика. Въ его сатиры выведены не только пороки, но и увлеченія, иногда простительныя по своей безвредности.

Эразмъ не изображаетъ пороки общества, — онъ обобщаетъ ихъ въ тонкомъ и умѣломъ анализѣ. Двумя, тремя словами умѣетъ онъ уловить существенныя черты и выставить ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ. Изъ чтенія замѣтно, что трактатъ написанъ въ самое непродолжительное время, во время високаго подъема умственной дѣятельности. Авторъ не задался цѣлью сгладить нѣкоторыя неточности, повторенія и противорѣчія; они, несомнѣнно, могутъ быть указаны въ сатиры Эразма, которая, впрочемъ, искупаетъ эти недостатки крупными литературными достоинствами. Мѣстами изложеніе отличается необыкновенною сочностью красокъ: образъ является въ извѣстномъ обобщеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ яркихъ художественныхъ формахъ. Вотъ Глупость говоритъ объ удовольствіяхъ, доставляемыхъ жизнью; вмѣсто сухой аргументаціи она представляетъ слѣдующую картину: „Посмотрите вокругъ себя: вы видите стариковъ, ровесниковъ Нестору, у которыхъ вида человѣческаго не осталось, глупыхъ, шамкающихъ, плѣшивыхъ, морщинистыхъ, согнутыхъ; а между тѣмъ они наслаждаются жизнью; одинъ чернитъ свои сѣдины, другой чужими волосами закрываетъ свою плѣшь, третій украшаетъ свои челюсти искусственными зубами (можетъ быть, изъ свиныхъ клыковъ); четвертый умираетъ отъ любви къ дѣвушкѣ и стремится перецеголять безумствами юныхъ ея поклонниковъ.“

Вѣдь не и-ли побуждала ихъ ко всему этому? Теперь до того обычное явленіе видѣть стараго хрыча, ведущаго къ алтарю молоденькую дѣвушку-безприданницу (разумѣется, на пользу другимъ), что такой поступокъ чуть не похвалы возбуждаетъ. Но еще занимательнѣй видѣть, какъ полумертвая, трупобразная старуха, точно съ того свѣта явившаяся, напявъ за большія деньги какого-нибудь фаона, разрисовываетъ себѣ лицо, не отходить отъ зеркала обнажаетъ свою иссохшую грудь, вмѣшивается въ танцы дѣвушекъ, пишетъ любовныя записки.

Уже въ избраніи формы своему трактату (пародія на панегирикъ) Эразмъ является истымъ гуманистомъ, прекрасно знакомымъ съ образцами, завѣщанными древними. Въ эпоху Возрожденія были извѣстны панегирики древнихъ и нѣкоторыя пародіи на нихъ, равно какъ и трактаты объ ораторскомъ искусствѣ. Кромѣ того, при чтеніи сатиры Эразма видно необыкновенное знакомство съ греческой и римской миеологіей, легендами и преданіями.

„Въ сатирѣ Эразма есть одинъ крупный недостатокъ, безъ котораго, впрочемъ, она не была бы тѣмъ, что она есть; это—неопредѣленность темы. Что такое „глупость“, которую онъ обличаетъ? Это не одно понятіе,—а цѣлый рядъ понятій, часто противоположныхъ: то она проявленіе низшихъ, животныхъ инстинктовъ человѣческой природы, исключительное служеніе мамону; то она тупость и неразвитость, недостатокъ умственной культуры; то самодовольная ограниченность, культура, ложно покаятая; то лицемеріе ума, проявившееся въ острыхъ сарказмахъ придворныхъ шутовъ; то безсознательная преступность; то душевная невинность, незнаніе мерзостей жизни, непрактичность, такъ называемая „святая простота“; то, какъ въ концѣ, состояніе экстаза и вышечеловѣческая мудрость“ *). Къ этой характеристикѣ „Глупости“

*) Кирпичниковъ „Похвала Глупости“, стр. XXXI.

слѣдуетъ прибавить еще небольшое наблюденіе. Въ сущности сатира Эразма проникнута полною безотрадною настроеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы находимся въ недоумѣніи, каковы *положительные* идеалы автора? Мы ихъ не знаемъ, потому что въ трактатѣ ихъ нѣтъ; здѣсь осмѣивается все: и воодушевленіе и низость, и увлеченія, и пороки—словомъ, всё проявленія человѣческой мысли и чувства. Читатель видитъ полное отрицаніе, насмѣшки надъ всѣмъ безъ исключенія.

Безотраденъ скептицизмъ Эразма; не видно живой вѣры въ положительныя идеалы. „Похвала Глупости“—прекрасная иллюстрація вѣка и автора: вѣка, лишеннаго нравственныхъ идеаловъ, испорченнаго и неспособнаго къ исправленію; автора: извѣрившагося, иронизирующаго надъ всѣмъ, не вѣрящаго въ лучшее будущее и въ сущности не желающаго его тому человѣчеству, въ которому онъ въ цѣломъ и частности относится съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

VI.

Политическія идеи Эразма Роттердамскаго.

Разносторонняя литературная дѣятельность Эразма не могла оставить безъ вниманія одного изъ самыхъ интересныхъ, наиболѣе интересующихъ современное ему общество вопросовъ: вопроса о государствѣ и социальномъ строѣ. Въ эпоху Возрожденія охотно занимались теоретическою разработкою политическихъ системъ и ученій; она достигла высшей ступени въ трактатѣ Макіавелли „Князь“ и въ „Утопіи“ Томаса Мора, хорошаго друга Эразма—въ двухъ диаметрально противоположныхъ направленіяхъ. Эразму были извѣстны оба трактата, но онъ не

могъ согласиться ни съ однимъ, ни съ другимъ; у него были свои опредѣленные на этотъ предметъ взгляды, которые онъ и высказалъ въ специальныхъ сочиненіяхъ. Притомъ хотя „Утопія“, вѣроятно, и была извѣстна вашему гуманисту, когда онъ издавалъ свой трактатъ, но въ печати она явилась нѣсколькими мѣсяцами позже Эразмова разсужденія.

Маккиавелли далъ превосходный трактатъ о тираніи, основанный на непосредственныхъ наблюденіяхъ въ средѣ, его окружающей. Владѣтели Италіи какъ нельзя болѣе подходили на идеалъ Государя, представленный талантливымъ флорентійцемъ, хотя, конечно, это сходство сводилось главнымъ образомъ къ отрицательнымъ чертамъ: такого ума и проницательности, какъ у князя Маккиавелли, не было даже у Цезаря Борджіа. Маккиавелли стоялъ исключительно на сторонѣ *силы*, *право* личности онъ игнорировалъ. Эразмъ задался цѣлью примирить *силу* съ *правомъ*. По его мнѣнію, всѣ люди свободны. Государь ихъ отецъ и пастырь, заботящійся объ общихъ интересахъ. Въ виду этого онъ требуетъ отъ Государя заботливости о благѣ своихъ подданныхъ и видитъ въ дѣлѣ управленія несеніе своего рода общественной службы. Маккиавелли, преслѣдующій практическія цѣли, желаетъ видѣть на тронѣ государя, одареннаго военными талантами,—Эразмъ предпочитаетъ философа, повторяя за Платономъ, что государство не будетъ счастливымъ, пока князья не сдѣлаются философами или философы — князьями. Подъ философами разумѣетъ Эразмъ преслѣдующихъ истинное благо. Философъ и христіанинъ для Эразма однозначущіе понятія, и христіанское ученіе въ его глазахъ есть и истинно-философское.

Въ противоположность Маккиавелли, Эразмъ не думаетъ, что существуетъ два кодекса нравственности: одинъ для обыкновенныхъ смертныхъ, другой — для правителей. Онъ полагаетъ, что законъ для всѣхъ одинаковъ. „Государь не дол-

женъ стыдиться повиноваться закону добра, которому повинуются самъ Богъ“. „Никто не можетъ быть хорошимъ государемъ, не будучи хорошимъ человѣкомъ“. „Тотъ, кто имѣетъ въ виду общественное благо — царь; тотъ, кто обращаетъ вниманіе лишь на свое собственное — тиранъ: но что же сказать о такихъ, которые основываютъ свое счастье на несчастіи отечества“. О формѣ правленія Эразмъ не имѣетъ опредѣленнаго представленія: „Можетъ быть, замѣчаетъ онъ, лучше бы было никогда не вводить льва въ овчарню“, протестуя этимъ противъ тираніи. Вообще онъ стоитъ за монархическое правленіе, ограниченное сенаторами и народными представителями. Государю, по его мнѣнію, гораздо лучше имѣть дѣло съ людьми, добровольно повинующимися, нежели съ толпою рабовъ, знающихъ лишь страхъ. Скажутъ, замѣчаетъ Эразмъ, что царствовать такимъ образомъ, скорѣе значить быть подчиненнымъ, чѣмъ царемъ „Совершенно наоборотъ, самому себѣ возражаетъ гуманистъ, это самая благородная манера царствовать. Богъ тоже рабъ, такъ какъ даромъ управляетъ міромъ и распространяетъ свои благодѣянія на все живое. Царствовать надъ ослами менѣе почетно, чѣмъ надъ разсудительными и свободными существами...“ „Богъ также хотѣлъ повелѣвать свободными существами, — вотъ почему онъ далъ свободную волю ангеламъ и людямъ, чтобы возвысить великолѣпіе своего царства“. „Только тѣ всецѣло принадлежать вамъ, кто добровольно оказываетъ повиновеніе. Страхъ подчиняетъ тѣла, а не души; христіанское милосердіе соединяетъ государя съ подданными“.

Эразмъ стоитъ за наследственность престола, хотя въ видѣ исключенія допускаетъ выборное начало. Въ наследственной монархіи главное вниманіе должно быть обращено на воспитаніе и образованіе наследника престола. Государь — не монахъ и не священникъ, но онъ христіанинъ; „Земное Провидѣніе, онъ — живой образъ Бога; необходимо, чтобы

образъ соотвѣтствовалъ оригиналу. Христіанская теологія признаетъ въ Богѣ три основныхъ свойства: могущество, мудрость и доброту. Это—основныя качества хорошаго государя. Онъ не долженъ быть предметомъ страха для своихъ подданныхъ.“ Макіавелли требовалъ, чтобы въ наследніи престола развивали воинскія наклонности,—Эразмъ говоритъ въ пользу развитія мирныхъ добродѣтелей. Особенно рекомендуетъ онъ избѣгать льстецовъ, которые, изъ-за личнаго интереса, готовы жертвовать государственными. Всѣ, кто окружаютъ принца, должны говорить языкомъ истины. Памятники искусства и литературы, съ которыми знакомятъ принца, должны служить нравственному назиданію. Любимыми книгами государей должны быть *изреченія Соломона, Экклезиаста, Книга премудрости* и въ особенности *евангеліе*; изъ свѣтскихъ писателей—сочиненія Плутарха, Сенеки, *политика* Аристотеля и *De officiis* Цицерона.

Сказанія о подвигахъ Ахилла, Александра, Цезаря, романы Артурова цикла очень опасны для молодого читателя, хотя и здѣсь хорошій руководитель сумѣетъ установить надлежащую точку зрѣнія и указать на стороны дѣятельности этихъ героевъ, достойныя подражанія.

Разсмотрѣвъ права и обязанности Государя, Эразмъ обращается къ частнымъ вопросамъ государственнаго управленія—къ финансовымъ. Онъ замѣчаетъ, что государя должны заботиться объ экономіи, избѣгать ненужныхъ расходовъ и особливо войны. Когда необходимы новыя налоги, слѣдуетъ заботиться о неимущихъ классахъ населенія и не облагать податями предметовъ первой необходимости, а преимущественно иностранныя товары и предметы роскоши. Но и эти пошлины, по мянованію надобности, должны быть сняты.

Гуманистъ обращаетъ вниманіе на монетную систему. Многія правительства въ его время нерѣдко позволяли себѣ чеканить низкопробную монету. Равнымъ образомъ они из-

мѣняли цѣнность монеты, смотря по тому, получали ли они или платили. Гуманистъ протестуетъ противъ этого, а также и противъ конфискаціи имущества въ пользу казны.

Взгляды Эразма на законодательство и правосудіе представляютъ весьма много замѣчательнаго: „Государство счастливо, говоритъ Эразмъ, когда всѣ граждане повинуются государю, когда самъ государь повинуется законамъ, и когда законы, соотвѣтствуя идеалу справедливаго и честнаго, направлены лишь къ упроченію общественнаго блага. Слѣдуетъ издавать не многочисленныя, но превосходныя во всѣхъ отношеніяхъ законы...“ „Надо избѣгать... чтобы они не были издаваемы въ пользу знатныхъ, вмѣсто того, чтобы служить общественному благу, широко понятому“.

Законы, по Эразму, должны быть такъ обоснованы, чтобы убѣдить всякаго въ ихъ цѣлесообразности. Они должны быть всѣмъ и каждому извѣстны и ясно сформулированы, чтобы быть понятными безъ посредничества юристовъ. Они должны быть для всѣхъ обязательны, въ противномъ случаѣ „становятся паутиной, схватывающей лишь мухъ.“ Равенство всѣхъ передъ закономъ—вотъ основное правило. Гражданинъ долженъ съ ранняго дѣтства питать убѣжденія, что милости даются не за знатность происхожденія, а за заслуги передъ отечествомъ. Благородныхъ Эразмъ раздѣляетъ на благородныхъ по добродѣтели, наукѣ и крови. Послѣдніе безъ добродѣтели не должны имѣть никакого значенія.

Особенную гуманность проявляетъ Эразмъ, говоря о наказаніяхъ по закону. „Закономъ, говоритъ гуманистъ, долженъ быть болѣе склоненъ къ прощенію, чѣмъ къ наказанію“ „Виновный, избѣжавшій возмездія, можетъ быть опять схваченъ; осужденному безъ вины—обида не можетъ быть вознаграждена. Если даже онъ не погибъ—какъ его вознаграждать? Какую цѣну назначить за огорченіе?

Эразмъ не хочетъ, чтобы судьи извлекали изъ процес-

совъ какую-либо пользу. Онъ требуетъ, чтобы законъ покровительствовалъ преимущественно слабымъ и строже наказывалъ обиды, имъ причиняемыя. Необходимо также, чтобы наказание было соразмѣрено съ преступленіемъ. Смертной казни слѣдуетъ избѣгать какъ нежелательной мѣры. Подобно Томасу Морю, Эразмъ возмущается, что въ его время незначительное воровство наказывалось смертю, а прелюбодѣяніе оставалось почти безнаказаннымъ. Вообще наказанія должны быть рѣдки, чтобы производить должное вліяніе. Задача администраціи должна состоять не въ томъ, чтобы наказывать преступленія, но чтобы предупреждать ихъ, тщательно вслѣдуя причины, ихъ порождающія. Особенное вниманіе должно быть обращено на школы, на первоначальное обученіе. Государь при раздачѣ награды, не долженъ обращать вниманіе на богатство, а отличать лишь истинныя заслуги, въ противномъ случаѣ всѣ будутъ стремиться лишь къ приобрѣтенію матеріальныхъ благъ.

Главной причиной преступленій всякаго рода Эразмъ считаетъ праздность. Всѣ стремятся къ бездѣйствію, — многіе прибѣгаютъ къ самымъ дурнымъ средствамъ. Государь долженъ заботиться, чтобы число праздныхъ было какъ можно меньше и изгонять изъ предѣловъ государства тѣхъ, кто не желаетъ трудиться. По мнѣнію Эразма, даже дѣти богатыхъ и знатныхъ должны учиться какому-либо ремеслу, если не имѣютъ достаточныхъ способностей къ наукамъ, чтобы праздность не побудила ихъ искать непозволительныхъ развлеченій.

Особенно вреднымъ для государства считаетъ Эразмъ ростовничество. Онъ возмущается эксплуатаціей немущихъ классовъ.

Во время Эразма многія административныя должности продавались и покупались. Чиновники, заплатившіе большія деньги за извѣстное мѣсто, старались наверстать съ лихвою потерянное. Въ виду этого Эразмъ требуетъ строгой отвѣтственности должностныхъ лицъ.

Взгляды Эразма на иностранную политику отличаются полнымъ миролюбіемъ. Эразмъ убѣжденъ, что всѣ дѣйствія правительства должны быть направлены къ сохраненію вѣчнаго мира и соблюденію общихъ интересовъ; не слѣдуетъ задаваться отдаленными и непринносящими непосредственной пользы интересами. Между народами родственнаго происхожденія, или имѣющими общіе интересы, должна существовать тѣсная связь. Всякіе трактаты хороши лишь тогда, когда лица, ихъ заключающія, намѣрены ихъ свято блюсти. Къ этому же должны быть направлены и браки государей. Заключение брачныхъ союзовъ между отдаленными дворами, имѣющими мало общаго, Эразмъ считаетъ весьма нежелательнымъ, такъ какъ дѣти отъ такихъ браковъ, воспитанныя подъ чуждымъ вліяніемъ, утрачиваютъ живую связь со своими подданными, а упроченіе мира и другія благія ожиданія почти никогда не оправдываются.

Въ мирное время Государь и его совѣтники должны заниматься дѣлами правленія и проводить, избѣгая рѣзкихъ скачковъ, реформы, направленные ко благу его страны. Но если глава государства окажется ниже своего назначенія, ему все-же слѣдуетъ оказывать полное повиновеніе. „Надо переносить тирана изъ опасенія, чтобы за тираніей не послѣдовала анархія, еще болѣе гибельная, что доказываютъ многочисленныя республики, а въ послѣднее время возмущеніе крестьянъ“.

Какъ замѣчено выше: „Утопія“ Томаса Мора была издана нѣсколькими мѣсяцами позже сочиненія Эразма. О непосредственномъ заимствованіи однимъ у другого не можетъ быть и рѣчи, но нельзя не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ общихъ и частныхъ выводахъ эти писатели сходятся. Это объясняется одинаковой научной подготовкой, личными отношеніями, т.-е. перепиской и продолжительными бесѣдами.

По своимъ взглядамъ на политику Эразмъ стоитъ наравнѣ

съ лучшими умами своего времени, проявляя трезвое и благо-
разумное отношеніе къ дѣлу. Единственнымъ увлеченіемъ
нашего гуманиста является его отвращеніе къ войнѣ. Онъ
считаетъ войну возможной лишь въ интересахъ самообороны;
даже войну съ турками слѣдовало, по его мнѣнію, свести къ
отраженію ихъ нападений и стараться распространять истинную
вѣру убѣжденіемъ. Онъ не только высказывается всюду противъ
войны, но, гдѣ только можетъ, преслѣдуетъ военное сословіе
ѣдкой насмѣшкой, не щади даже столь высокопоставленныхъ
лицъ, какъ папа Юлій II. Считаая Льва X миролюбивымъ,
Эразмъ искренно радуется его вступленію на престолъ. По-
добнымъ же образомъ относится онъ къ французскому ко-
ролю Франциску I, ибо думаетъ, что этотъ государь водво-
рять всюду миръ и согласіе.

Войну и ея поборниковъ Эразмъ пытается выставить не
только въ ужасномъ видѣ, но и смѣшномъ и отталкиваю-
щемъ. Такъ, напр., въ одномъ изъ своихъ трактатовъ онъ
выводитъ на сцену защитника войны и ея противника (Гра-
симаха и Ганнона). Первый возвратился съ кампаніи боль-
нымъ и изувѣченнымъ. Изъ бесѣды съ Ганнономъ выясни-
лось, что доблестный воинъ шелъ въ походъ съ цѣлью на-
грабить и побезчинствовать. Онъ дѣйствительно очутился
обладателемъ богатой добычи, но не извлекъ изъ нея ника-
кой пользы, такъ какъ всѣ награбленныя деньги ушли не-
медленно на вино, карты и женщинъ.

II.

„ВЕНЕЦІАНСКІЙ КУПЕЦЪ“ ШЕКСПИРА.

Драма „Венеціанскій купецъ“ впервые была напечатана въ 1600 году подъ заглавіемъ: „The excellent hystory of the merchant of Venice, with the extreme cruelty of Schylock the Jew towards the saide merchant in cutting pound of his flesch. And the obtaining of Portia by the chouse of three caskets. Written by W. Shakespeare. Printed by J. Roberts 1600“. (Превосходная исторія о венеціанскомъ купцѣ, съ описаніемъ ужасной жестокости жида Шейлока, хотѣвшаго вырѣзать помянутому купцу фунтъ мяса. При этомъ разсказъ о полученіи руки Порціи помощью одного изъ трехъ ящичковъ. Сочинено В. Шекспиромъ. Напечатано Робертсомъ въ 1600 г.). Второе изданіе того же года (Гейса) почти ничѣмъ не отличается отъ перваго. Затѣмъ пьеса не переиздавалась до 1623 года (изд. in F^o). Пьеса была написана нѣсколько раньше—около 1598 и, можетъ быть, даже 1594 г. Въ рѣчахъ Порціи критики видятъ манеру стиля, установившуюся у Шекспира въ началѣ девяностыхъ годовъ.

„Венеціанскій купецъ“ справедливо считается однимъ изъ лучшихъ произведеній Шекспира и примыкаетъ къ той категоріи его пьесъ, которыя, несмотря на внимательнѣйшее изученіе, представляютъ собою весьма много неяснаго или непонятнаго. Критика не успѣла даже придти къ соглашенію, считать ли Шейлока трагическимъ или комическимъ лицомъ?

Среднему читателю „Венеціанскій купецъ“ представить много матеріала для размышленія; историкъ литературы найдетъ въ пьесѣ много интереснѣхъ специальныхъ проблемъ; юристъ можетъ сдѣлать пьесу темой интереснаго и поучительнаго трактата; актеръ въ исполненіи роли Шейлока найдетъ много для себя благодарнаго и много труднаго. Но особенно интересна, какъ намъ кажется, драма „Венеціанскій купецъ“ въ двухъ отношеніяхъ: 1) Здѣсь проявляется весьма наглядно способъ использованія Шекспиромъ литературныхъ источниковъ для своихъ пьесъ. 2) Великій поэтъ ставитъ проблему первостепенной важности и даетъ разрѣшеніе единственно возможное, хотя неожиданное и съ извѣстной точки зрѣнія несправедливое.

Въ противоположность свободному и своеобразному отношенію къ источникамъ въ такихъ пьесахъ, какъ „Гамлетъ“, „Бура“, „Тимонъ Афинскій“, „Король Лиръ“ и др., Шекспиръ въ „Венеціанскомъ купцѣ“ очень близко держителъ фабулы разсказовъ, легшихъ въ основаніе этой пьесы, и не дѣлаетъ никакихъ измѣненій въ фактическомъ содержаніи двухъ новеллъ, составляющихъ основу фабулы драмы. Первая новелла пла, точнѣе, повелистическій мотивъ, — о займодавцѣ, требовавшемъ отъ должника уплаты по векселю фунта мяса, и о рѣшеніи судьи по этому вопросу въ связи съ сватовствомъ за богатую и умную красавицу; второй мотивъ — о выборѣ одного изъ трехъ лициковъ претендентами на руку красавицы.

Ядро легенды о своеобразномъ долговомъ договорѣ въ связи съ сватовствомъ за неуступчивую красавицу древнѣйшаго, едва ли не индійскаго происхожденія. Въ Европѣ его обработалъ нѣкій монахъ Jehan de Haute-Selve въ своемъ романѣ „Долопатось или Семь мудрецовъ Рима“. Французскій трубадуръ XIII в. Herbers переложилъ „Долопатось“ въ стихи и въ его обработкѣ четвертый изъ „Семи мудрецовъ Рима“ разсказываетъ слѣдующее:

Одна богатая и красивая дѣвушка, наслѣдница большого состоянія, зная тайны волшебства, предлагала всѣмъ своимъ женихамъ такое испытаніе: она обѣщала свою руку тому, кто сумѣетъ обнять ее, находясь на ложѣ рядомъ съ псомъ, — въ противномъ случаѣ искатель долженъ уплатить штрафъ въ 1000 марокъ и убраться во сволахи. Многие пытались счастья, но безуспѣшно, такъ какъ подъ подушку красавица клала волшебное перо, наводящее сонъ. Одинъ рыцарь, знатный, но обдѣявшій, потерпѣвъ въ первый разъ неудачу, рѣшилъ вновь попытаться счастья, но не могъ достать необходимой суммы денегъ. Одинъ изъ его вассаловъ, богатый человекъ, которому рыцарь когда-то отрубилъ ногу, предложилъ ему пущую сумму денегъ, но при этомъ поставилъ условіе, что если долгъ не будетъ уплаченъ въ срокъ, то онъ имѣетъ право вырѣзать изъ тѣла своего должника кусокъ мяса. Рыцарь успѣлъ побѣдить волшебство и женился на красавицѣ, но, упоенный счастьемъ, забылъ о срокѣ договора. Кредиторъ, мстившій за старья обиды, настаивалъ на буквальномъ исполненіи договора, и король призналъ за нимъ это право. Тогда жена должника перерядилась въ судью и изрекла приговоръ, по которому кредиторъ могъ вырѣзать только такого вѣса кусокъ, который былъ выговоренъ въ договорѣ, — въ противномъ случаѣ онъ долженъ быть казненъ. Угроза подѣйствовала.

Кава этого разсказа перешла въ знаменитый средневѣковый сборникъ новеллъ „*Gesta Romanorum*“ (Римскія Дѣянія) и ихъ нѣмецкія переработки. Существовалъ также англійскій разсказъ XIV ст., по которому безжалостнымъ займодавцемъ является старшій изъ двухъ братьевъ, а должникомъ — младшій. Судебное рѣшеніе провозноситъ царскій спящій, угрожающій кредитору смертью за пролитіе хотя капли крови.

На основаніи „*Gesta Romanorum*“ одинъ изъ подража-

телей Боккаччо, итальянскій новеллист Джіованни Фіорентино, составилъ въ своемъ сборникѣ „*Il Pecorone*“, относящемся къ 1378 г., аналогичный разсказъ. Здѣсь впервые въ роли кредитора выступаетъ еврей. Содержаніе этой новеллы состоитъ въ слѣдующемъ:

Воспитанникъ богатаго венеціанскаго купца Ансальдо, Джіанетто, предпринимаетъ изъ любовнательности путешествіе на Востокъ и на пути останавливается въ одной гавани, чтобы посѣтить прекрасную повелительницу этой мѣстности, молодую вдову, которая обѣщаетъ свою руку и страну тому, кто сумѣетъ овладѣть ею въ первую брачную ночь; въ противномъ случаѣ соснателъ долженъ рисковать всѣмъ состояніемъ. Джіанетто, вкушавшій дважды, ложась въ постель, снотворнаго напитка, все-таки рѣшается попытать счастья въ третій разъ. Ансальдо, его опекунъ, вынужденъ, чтобы снарядить своего приемнаго сына, прибѣгнуть къ займу у еврея изъ Местре (городокъ возлѣ Венеціи). Послѣдній требуетъ въ случаѣ несвоевременности взноса денегъ фунтъ мяса должника. Предупрежденный служачкой госпожи Бельмонте Джіанетто избѣгаетъ на этотъ разъ снотворнаго напитка, становится счастливымъ супругомъ и забываетъ о срокѣ уплаты долга Ансальдо. Такимъ образомъ, послѣдній подвергается опасности смерти, а еврей радуется предстоящему убійству, чтобы имѣть возможность похвастать, что заставилъ умереть самаго богатаго христіанскаго купца. Однако, Джіанетто все же вспоминаетъ о срокѣ платежа и все разсказываетъ своей жепѣ. Послѣдняя переряжается въ мужское платье и на судѣ успѣваетъ отстоять рѣшеніе, по которому еврей долженъ лишиться жизни, если вырѣжетъ больше или меньше, чѣмъ ему полагается по условію.

Повѣсть Фіорентино несомнѣнно была извѣстна Шекспиру, и она составляетъ главный источникъ фабулы пьесы; даже родина Порція зовется въ „Венеціанскомъ купцѣ“ Бельмонте.

Разсказы, близкіе по содержанію вышеназложенному, были распространены въ различныхъ вариантахъ, то въ формѣ стихотворныхъ, величественныхъ трагическаго интереса балладъ въ родѣ „Гернгутъ, еврей изъ Венеціи“, то въ формѣ путевыхъ до фривольности „Пѣсенъ мастерзвингера“. Въ Лондонѣ, около 1579 г., была поставлена пьеса „Еврей“, изображающая „кровожадность ростовщиковъ“¹⁾.

Въ послужившей главнымъ источникомъ пьесы Шекспира новеллѣ Фіорентино, автора, болтливаго и словоохотливаго, интересуютъ лишь приключенія, болѣе или менѣе хорошо задуманныя. Ни юридическихъ, ни философскихъ вопросовъ онъ не поднимаетъ и не разрѣшаетъ. Если онъ первый ввелъ въ старую легенду еврея, то тоже не съ тѣмъ, чтобы поднять вопросъ о національномъ и религіозномъ фанатизмѣ, а поддаваясь общему теченію времени. Во второй половинѣ XIV вѣка, послѣ страшнаго „Черной Смерти“, унесшей десятки милліоновъ людей, отношеніе къ евреямъ чрезвычайно обострилось. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, обезумѣвшій народъ искалъ „виновниковъ“ ужаснаго мора и они были найдены въ лицѣ евреевъ, якобы отравлявшихъ колодцы. Десятки тысячъ невинныхъ жертвъ были убиты и имя еврея стало олицетвореніемъ ненависти къ христіанству и мщенія. Неудивительно, что и Фіорентино, нимало не задумавшись, превратилъ кровожаднаго и мстительнаго кредитора въ еврея, хотя въ первоначальныхъ источникахъ на это нѣтъ никакихъ указаній.

Благодаря полному отсутствію въ источникѣ, давшемъ сюжетъ драмы, какого бы то ни было идейнаго освѣщенія, при чтеніи пьесы Шекспира является чрезвычайно интерес-

¹⁾ Полный обзоръ см. у Simrock'a „Die Quellen des Shakespeare“. Т. I. изд. 1872 года и отчасти у Гретца „Shylock in der Sage im Drama und in der Geschichte“ (2-е изд. 1899).

нымъ опредѣленіе, что новаго отразилось въ его міровоззрѣніи, сравнительно съ точкой зрѣнія на сюжетъ его предшественниковъ? Но къ разрѣшенію этого вопроса мы подойдемъ, когда коснемся Шейлока, какъ типа. Обращаемся теперь ко второму мотиву—испытанію посредствомъ выбора одного изъ трехъ ларцовъ.

Параллелизмъ двухъ фабулъ—пріемъ, въ которому Шекспиръ прибѣгаетъ неоднократно. Особенно ярко оттъненъ онъ въ „Король Лиръ“. Въ „Венеціанскомъ купцѣ“, вмѣсто диничнаго и вульгарнаго испытанія жениховъ итальянской новеллы, предлагается высокохудожественный пріемъ—выборъ одного изъ трехъ ларцовъ, снабженныхъ остроумными надписями. Шекспиръ, могъ заимствовать канву разсказа изъ „*Gesta Romanorum*“, гдѣ испытаніе пріурочено къ прицесѣ и играетъ притомъ второстепенную роль. Ему могла быть извѣстна и новелла Боккаччо о рыцарѣ Руджери, съ ея своеобразнымъ испытаніемъ счастья и удачи и новой фаталстически-философской точкой зрѣнія, проводимой авторомъ „Декамерона“, не безъ вліянія восточнаго буддизма (ср. разсказъ о браминѣ Лабгадатта¹⁾). Шекспиръ выдвинулъ на первый планъ, подобно Боккаччо, мотивъ испытанія, но отказался отъ фаталстической точки зрѣнія, выдвинувъ, наоборотъ, мотивъ личнаго совершенства и умственнаго превосходства и развивъ, такимъ образомъ, едва намѣченную точку зрѣнія „*Gesta Romanorum*“. У Боккаччо рыцарь, жалующійся на немилость короля, долженъ убѣдиться, что король здѣсь ни причемъ, а виновна лишь его судьба (какъ у Лабгадатта въ буддійской легендѣ). У Шекспира первые два искателя руки Порціи оказываются мало развитыми въ умственномъ отношеніи и нравственно незрѣлыми; имъ недостаетъ истин-

¹⁾ Подробнѣе см. въ сочиненіи А. Н. Веселовскаго „Боккаччо, его среда и сверстники“, т. I.

ной скромности, какъ результата работы мысли и умственнаго опыта; лишь третій искатель и избранныкъ Порціи оказывается достаточно зрѣлымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Шекспиръ превосходно мотивируетъ аргументацію каждаго изъ искателей.

Въ общемъ Шекспиръ безцвѣтную и сухую схему новеллы развилъ и, что особенно важно, очеловѣчилъ и индивидуализировалъ. И фатализмъ и случай отошли на задній планъ; ихъ мѣсто занялъ починъ свободной человѣческой воли.

Но, если относительно литературныхъ источниковъ пьеса не можетъ быть разногласій, то пониманіе идеи ея является чрезвычайно спорнымъ и даетъ поводъ къ разнообразнымъ толкованіямъ. Чтобы не возвращаться къ источникамъ, отмѣтимъ еще, что часто приводимая въ соотношеніе къ „Венеціанскому купцу“ трагедія Марло „Мальтійскій жидъ“ лишь въ слабой степени могла повліять на Шекспира: ни въ фабулѣ, ни въ характерахъ главныхъ лицъ мы не находимъ ни сколько-нибудь яркаго сходства, ни точекъ соприкосновенія, если не считать, что и Варавва, и Шейлокъ—евреи и фанатики.

Переходимъ къ вопросу объ основной идеѣ пьесы, что, въ свою очередь, сведется къ опредѣленію, какъ слѣдуетъ относиться къ Шейлоку и его образу дѣйствій. По этому вопросу критика далеко еще не сказала своего послѣдняго слова.

„Венеціанскій купецъ“—едва ли не единственная пьеса (если не считать „Гамлета“) Шекспира, въ которой критики старались подмѣтить тенденціозность и подчеркнуть идею, нерѣдко забывая, что мы имѣемъ дѣло съ объективѣйшимъ художникомъ и совершенно зрѣлымъ его произведеніемъ. Правда, Шекспиръ, какъ сынъ своего времени и своей націи, могъ бы пристрастнымъ: достаточно

вспомнить изображение имъ Орлеанской Дѣвы. Но въ этомъ и аналогичныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ пародіей и карриатурой, чего ни въ коемъ случаѣ нельзя сказать о Шейлоу, характеръ котораго, при всей непривлекательности нравственной стороны, преисполненъ силы, своеобразной художественной красоты и дѣльности. Пушкинъ формулируетъ свою характеристику Шейлока: „У Шекспира Шейлокъ скупъ, сметливъ, мстительнъ, чадолюбивъ, остроумецъ“. Въ этой лаконической характеристикѣ всѣ основныя черты характера Шейлока, никакъ не вяжущіяся съ простою пародіей и карриатурою. Мы склонны думать, что великій драматургъ менѣе всего хотѣлъ казнить еврея, какъ такового, ростовщика—какъ такового, а скорѣе мстительность Шейлока казалась ему отвратительной и роковой. Но съ этимъ вопросомъ намъ придется встрѣтиться еще разъ.

Много спорили лучшіе критики Шекспира, комическая или трагическая личность передъ нами въ Шейлоу? *Шлегель* оставляетъ этотъ вопросъ неразрѣшеннымъ. *Готшалъ* видитъ въ Шейлоу отвратительнаго шута, созданнаго Шекспиромъ въ угоду рынку. *Рюмелингъ* склоняется къ тому, что комическій элементъ у Шейлока преобладаетъ. *Геблеръ* находитъ, что съ Шейлокомъ судьба обошлась мягко, что онъ заслуживалъ болѣе тяжелаго наказанія. *Герингусъ* считаетъ Шейлока нравственнымъ уродомъ, превратившимся благодаря стечению обстоятельствъ въ мученика.

Еще большее разнообразіе существуетъ въ критикѣ относительно толкованія основной идеи пьесы. Эти толкованія принадлежатъ не только литературнымъ критикамъ, но и юристамъ.

До появленія прекраснаго трактата извѣстнаго юриста *Колера*, господствовало мнѣніе *Ульрици*, доказывавшаго, что въ „Венеціанскомъ купцѣ“ проводится и пагально доказывается тезисъ—*summa jus — summa injuria*. *Ретшеръ*, по-

дробно развивая положенія *Ульрици*, приходитъ къ выводу, что въ пьесѣ формальное и отвлеченное право противопоставляется внутреннему и нормальному правовому порядку. Ретшеръ видитъ въ „Венеціанскомъ купцѣ“ повсюду символизмъ; золото, напр., является символомъ видимой матеріальной силы. *Крейсигъ* высказывается, что подводитъ подъ одно общее положеніе смыслъ драмы Шекспира нѣтъ никакой возможности.

Большинство юристовъ занимались „Венеціанскимъ купцомъ“, главнымъ образомъ, съ формально-юридической стороны, констатируя при этомъ знакомство Шекспира съ законодательствомъ и точность юридическихъ терминовъ, у него встрѣчающихся. Лишь въ новѣйшее время были сдѣланы попытки извлечь изъ произведенія Шекспира истины, имѣющія отношеніе къ исторіи права. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ знаменитымъ юристомъ *Герингомъ*. Въ своемъ сочиненіи „Борьба за право“ *Герингъ* замѣчаетъ: „Условіе само по себѣ было недѣйствительно, такъ какъ содержаніе его было безнравственно; такъ долженъ былъ гласить приговоръ суда. Но, если „мудрый Даниилъ“ призналъ вѣсель дѣйствительнымъ, то съ его стороны было такимъ же крючкотворствомъ, послѣ признанія за Шейлокомъ права вырѣзать у Антоніо фунтъ мяса, запретить связанное съ этимъ пролитіе крови“. *Герингъ* изъ всего процесса выводитъ заключеніе, что поражение понесъ въ сущности не Шейлокъ, а законъ Венеціи, тенденціозно ставшій на сторону христіянина противъ безнравнаго еврея.

Полемизируя съ *Герингомъ*, другой извѣстный юристъ нашего времени *Колеръ* посвятилъ спеціальнѣйшій трактатъ Шейлоку¹⁾. Сочиненіе *Колера* представляетъ, на нашъ взглядъ наиболѣе обоснованную попытку разобраться въ правовой

¹⁾ Трактатъ *Колера* переведенъ на русскій языкъ въ „Юридической Библиографіи“ Я. А. Канторовича № 6.—„Шекспиръ съ точки зрѣнія права“ (Шейлокъ и Гамлетъ). СПб. 1895.

сторонѣ „Венеціанскаго купца“ и своими заключительными выводами удовлетворяетъ въ равной степени и юриста и историка литературы. Колеръ, анализируя договоръ Шейлока и Антонія, находитъ этотъ договоръ исполнѣ согласнымъ съ тѣми правовыми взглядами, которые господствовали въ теченіе ряда столѣтій на сущность отношеній между кредиторомъ и должникомъ. Нѣсколько десятковъ страницъ посвящено у Колера разбору различныхъ законоположеній о долговыхъ обязательствахъ. Процессъ измѣненія правовыхъ отношеній въ этомъ вопросѣ совершался весьма медленно. Эволюція въ этой области должна была, по вѣрному замѣчанію Колера, повести за собою и эволюцію въ этическихъ воззрѣніяхъ, за которой слѣдовала самостоятельная органическая переработка этическаго матеріала въ составныя части правового организма. „Этотъ процессъ совершается не по приказанію извнѣ, а дѣйствіемъ духовныхъ силъ, управляющихъ исторіей человѣчества“.

И вотъ новое правовое сознаніе, по Колеру, проникло въ пьесу Шекспира и повліяло на рѣшеніе „мудраго Даниїла“. „Его время дошло уже до инстинктивнаго сознанія, что шейлоковское условіе не должно быть приведено въ исполненіе, но соответствующее идейное выраженіе этого сознанія еще не было найдено. Это могучее душевное движеніе еще не было разложено на свои идейные элементы и не находило опоры въ твердыхъ послылкахъ“.

По Колеру, „мудрый Даниїль“ произнесъ хорошій приговоръ, но плохо обосновалъ его. Съ точки зрѣнія формальной юриспруденціи Шейлоку должны быть предоставлены всѣ средства для реализаціи договора: „Рѣшеніе мудраго и справедливаго Даниїла находится въ противорѣчій съ этимъ принципомъ: ибо ясно, что кому разрѣшено врызать мясо, тому разрѣшено и проливать кровь, если эта операція не можетъ быть совершена безъ пролітія крови“. Кредиторъ вправѣ

ограничиться частью слѣдуемаго ему: „даже небольшое превышеніе вѣса не можетъ быть поставлено ему въ вину, такъ какъ всѣ человѣческія операціи могутъ быть выполнены только съ приблизительной точностью“. Колеръ основательно доказываетъ, что аргументъ Порціи противъ Шейлока „обрацать право въ тѣнь и не лучше всякаго правонарушенія“.

Намъ кажется, что Колеръ могъ бы подсказать Даниїлу— Порціи рѣшеніе, которое бы соответствовало требованіямъ истиннаго правосудія; но все же критическая сторона его трактата обставлена превосходно. По вашему убѣжденію, Шейлокъ гибнетъ лишь потому, что свое право, какъ таковое, онъ дѣлаетъ орудіемъ личной мести и преслѣдованія. Въ его требованіяхъ судья не можетъ не видѣть низкаго озлобленія. Нравственное чувство судьи возмущается; онъ явно переходитъ на сторону Антоніо и пронзительно пристрастное рѣшеніе, вступивъ такимъ образомъ въ борьбу съ одной изъ тяжущихся сторонъ, т.-е. изъ судьи сдѣлавшись стороной. Все произошло отъ того, что Шейлокъ неумѣренно натягивалъ свой лукъ мщенія: *Arcus nimis intensus frangitur!*

Теперь переходимъ къ вопросу, интересовавшему критику не менѣе правовой стороны драмы: именно къ вопросу о томъ, что заставило великаго драматурга вывести въ роли безжалостнаго и мстительнаго ростовщика еврея? Часть изслѣдователей приглашаетъ насъ взглянуть въ современныя Шекспиру общественныя отношенія, познакомиться съ ролью, евреевъ въ Англіи въ царствованіе Елизаветы, такъ какъ основные источники повѣсти о безжалостномъ кредиторѣ, какъ намъ уже извѣстно, либо ничего не говорятъ о его національности, либо не занимаются этимъ сколько-нибудь подробно.

Для освѣщенія этого вопроса много сдѣлано историкомъ еврейства *Гретцкомъ*. Въ своей замѣчательной, хотя тенденціозной и чрезмѣрно полемической работѣ („*Shylock in der*

Geschichte, im Drama und der Sage“), перевод которой имѣется на русскомъ языкѣ¹⁾, Гретцъ присоединяется къ английскому критику *Ли*, напечатанному въ 1880 г. изслѣдованіе, разъясняющее роль Шейлока въ драмѣ Шекспира.

Работа *Ли* кажется Гретцу убѣдительною и неопровержимой. *Ли* указалъ, что въ царствованіе Елизаветы процессъ одного еврея, обвиняемаго въ государственной измѣнѣ, обратилъ вниманіе публики на забытыхъ ею евреевъ (они были изгнаны изъ Англіи въ XIV вѣкѣ), и что въ этомъ процессѣ противникомъ еврея является, какъ въ „Венеціанскомъ купцѣ“, высокопоставленный христіанинъ, по имени *Антоній*. Въ царствованіе Елизаветы въ Англіи появляются тайные евреи — выходцы изъ Испаніи, гонимые Филиппомъ, которымъ английское правительство покровительствовало, пользуясь часто ихъ услугами въ качествѣ шпионовъ, вѣвѣдая при ихъ посредствѣ про то, что происходило въ ненавистномъ имъ королевствѣ Филиппа II.

Изъ поселившихся въ Лондонѣ тайныхъ евреевъ („новохристіанъ“, „маррановъ“) особенно извѣстностью пользовался врачъ *Родриго Лопесъ*. Ему покровительствовала фаворитъ Елизаветы *Лейстеръ*, и благодаря ему и другимъ приближеннымъ королевы, *Лопесъ* былъ сдѣланъ придворнымъ лейбъ-медикомъ. Многіе соотечественники *Лопеса* получили при его посредствѣ английскіе паспорта. Особенную популярность *Лопесъ* приобрѣлъ въ Англіи съ 1588 г., когда овъ сблизился и даже подружился съ *Антоніо Пересомъ*, претендентомъ на португальскій престолъ, покровительствуемымъ английскимъ правительствомъ. *Лопесъ* сдѣлался переводчикомъ *Антоніо*, его посвящали въ дипломатическія тайны Испаніи и Португаліи. Однако, дружба между *Антоніо* и *Лопесомъ* оказалась непрочной. Желая отвязаться отъ своего

совѣтника, *Антоніо* неоднократно унижалъ стараго врача. Послѣ разрыва послѣдняго съ лордомъ *Эссексомъ*, желавшимъ навязать *Лопесу* роль шпиона, отношенія *Антоніо* къ нему стали еще болѣе натянутыми, а *Эссексъ* при первомъ удобномъ случаѣ жестоко отомстилъ *Лопесу*, настоявъ на привлеченіи его къ суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Судъ призналъ врача виновнымъ, несмотря на недостаточность уликъ, и *Лопесъ*, виновность котораго королева долго колебалась признать, былъ наконецъ казненъ въ 1594 г.

По мнѣнію *Ли*, процессъ *Лопеса*, вызвавшій во всей Англіи негодованіе противъ евреевъ, заставилъ Шекспира (и двухъ его предшественниковъ-драматурговъ) придать своеобразную окраску своей пьесѣ „Венеціанскій купецъ“, поставленной на сценѣ вскорѣ послѣ казни *Лопеса*. *Ли* обращаетъ вниманіе на имя *Антоніо*, котораго нѣтъ въ источникахъ Шекспира и которое, по его мнѣнію, указываетъ на аналогію съ *Антоніо Пересомъ*, сдѣлавшимся врагомъ *Лопеса*. Подтверженіе этому предположенію *Ли* видитъ въ нѣкоторыхъ другихъ чертахъ пьесы. Роль *Антоніо* въ пьесѣ Шекспира станетъ, по мнѣнію *Ли*, понятной лишь тогда, когда мы будемъ имѣть въ виду историческаго *Антоніо*.

Аргументація *Ли*, указавшаго на нѣкоторыя любопытныя стороны быта евреевъ въ царствованіе Елизаветы, дала поводъ Гретцу прямо обвинять Шекспира въ нетерпимости къ евреямъ и пристрастномъ воспроизведеніи въ „Венеціанскомъ купцѣ“ *Лопеса*, возбуждившаго своею недоказанною измѣною ненависть англичавъ. Въ этомъ же обвиняютъ названные изслѣдователи и *Марло*, несмотря на то, что *Марло* сочинилъ своего „*Малтійскаго жида*“ гораздо раньше процесса *Лопеса*.

Ни въ какомъ, однако, случаѣ не можетъ считаться доказаннымъ фигурированіе *Лопеса* передъ судомъ въ качествѣ еврея. Всѣ документы считаютъ его христіаниномъ („ново-

¹⁾ „Восходъ“, 1881 г., V.

христіаномъ“, „марраномъ“) и даже вопросъ о тайномъ исповѣданіи іудейства нигдѣ не ставится.

Во всякомъ случаѣ попытка Гретца и Ли доказать, что „Венеціанскій венецъ“ былъ сочиненъ Шекспиромъ подъ влияніемъ свѣжихъ событій процесса Лопеса, имѣеть совершенно вышній интересъ, не говоря уже о томъ, что точная дата пьесы не можетъ считаться установленной. Ничего общаго между Лопесомъ и Шейлокомъ въ сущности нѣтъ. Лопесъ былъ государственный человѣкъ, весьма свѣтскій, врачъ по профессіи, человѣкъ съ вѣсомъ и высшимъ общественнымъ положеніемъ. Его обвиняли въ заговорѣ, направленномъ противъ королевы, въ заговорѣ чисто политическаго характера; о его ненависти къ христіанамъ, мести за униженія—не могло быть и рѣчи. Что же касается до случайныхъ сближеній нѣкоторыхъ чертъ характера Лопеса и Шейлока, то эти сближенія такого рода, что могутъ быть отнесены къ любому индивидууму.

Мы подойдемъ гораздо ближе къ истинному пониманію типа Шейлока, если будемъ помнить, что несмотря на нѣкоторыя свои субъективныя симпатіи, Шекспиръ является въ своихъ произведеніяхъ объективнѣйшимъ художникомъ. Область карикатуры на личности или націи была совершенно чужда Шекспиру. Его персонажи типичны, за немногими исключениями, и представляютъ собою художественныя обобщенія, результаты тонкаго и высокаго творчества поэта, всегда органически вытекающіе изъ тѣхъ психологическихъ задачъ, которыя ставилъ себѣ великій знатокъ человѣческаго сердца. Если онъ выбираетъ для героев своихъ пьесъ не своихъ соотечественниковъ, а представителей другихъ націй, то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ему казалось, что извѣстная народность, въ лицѣ типичныхъ ея представителей, обладаетъ такими исключительными качествами, которыя лишь въ слабой степени присущи другимъ народно-

стямъ. Блестящимъ примѣромъ можетъ служить личность Отелло. Шекспиръ вывелъ на сцену мавра (или негра) не потому только, что литературные источники подсказали ему эту мысль, а въ виду того, что столь слѣпая, безумная ревность, какъ у Отелло, почти недоступна европейскимъ націямъ, равно какъ и связанная съ эгимъ чувствомъ у Отелло голубиная довѣрчивость, отличающая представителей еще нетронутыхъ дурными сторонами цивилизаціи народовъ. Подобнымъ же образомъ мы не въ состояніи представить себѣ Яго иначе, какъ итальянцемъ эпохи Возрожденія, выработавшей этотъ тонкій и пресупный типъ интригана.

Обращаясь къ Шейлоку, мы должны принять во вниманіе два соображенія: 1) Для художественнаго образа безжалостнаго кредитора, задуманнаго Шекспиромъ, представитель современнаго драматургу еврейства долженъ былъ показаться наиболѣе подходящимъ. 2) Безпристрастное отношеніе къ Шейлоку должно убѣдить насъ, что въ этой фигурѣ свѣтъ и тѣни распределены поѣтомъ равномерно и что Шейлокъ не хуже среды, его окружающей по нравственнымъ качествамъ, а умомъ, остроуміемъ и чистотою семейныхъ нравовъ онъ значительно превосходитъ христіанскую среду.

Лишенное всякихъ человѣческихъ правъ еврейство среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія могло быть извѣстно христіанину только съ худшей своей стороны. За исключеніемъ Польши, гдѣ евреямъ жилось сравнительно лучше, отъ крайняго сѣвера Европы и вплоть до Алжира, евреи, представляя собою какъ-бы зачумленную касту, были въ большей или меньшей степени лишены даже возможности принять участіе въ общегражданской жизни страны и развернуть лучшія стороны своего нравственнаго существа. По необходимости все вниманіе еврея сосредоточивалось на торговлѣ и связанныхъ съ нею предпріятіяхъ, а всю свою силу и значеніе евреи черпали изъ сознанія своей матеріальной самостоятельности, которая

обеспечивала имъ относительную гражданскую свободу и давала средства для борьбы съ суровыми законоположеніями, противъ нихъ направленными.

Такая легко объясняемая въ положеніи средневѣкового еврея погоня за наживой, сосредоточеніе въ его рукахъ денежныхъ средствъ, въ связи съ религиознымъ фанатизмомъ, возбуждали и поддерживали среди христіанъ ненависть, которая силою и рядомъ принимала дикія, стихійныя формы. Понятно, что и евреи не могли питать иного характера чувствъ къ христіанамъ и держались изолированно и враждебно. Эти обоюдныя отношенія значительно ухудшались тѣмъ, что евреи не отказывались отъ операцій, особенно преслѣдуемыхъ средневѣковымъ законодательствомъ; первое мѣсто въ этой категоріи занимала ссуда денегъ подъ высокіе проценты.

Было время, когда законодательство какъ европейскихъ, такъ и восточныхъ народовъ чрезвычайно сурово относилось къ должникамъ. Кредиторъ становился нерѣдко господиномъ не только имущества, но и личности должника. Но позднѣйшее законодательство (начиная съ XIV ст.) старалось смягчить участь должника, стало принимать мѣры противъ ростовщиковъ, а церковь отвела лихвѣ мѣсто среди самыхъ суровыхъ прегрѣшеній¹⁾. Въ эпоху Шекспира въ Англіи, какъ и на континентѣ, озлобленіе общества противъ ростовщиковъ было весьма сильно.

Послѣднихъ было много среди той части еврейства, которая приходила въ столкновеніе съ недоступнымъ для иного общенія христіанскимъ обществомъ, — отсюда усугубленіе не-

¹⁾ Весьма характерно отношеніе Данте къ ростовщикамъ. Онъ видитъ въ лихвѣ насиліе, соединенное съ обманомъ и, согласно съ этимъ воззрѣніемъ, отводитъ имъ мѣсто въ „Аду“. Ср. А-ръ П. Веселовскій. Ж. М. Н. П. 1889, стр. 267—272 и Шенелевичъ, Этюды о Данте, „Видѣніе св. Павла“, ч. II, стр. 87 и 88.

нависти къ дѣлому племени. Шекспиръ вывелъ Шейлока въ роли безжалостнаго кредитора лишь потому, что, по его свѣдѣніямъ, въ его время эта роль съ бѣльшимъ основаніемъ могла быть приписана еврею, чѣмъ представителю какой-либо другой національности. Что это, а не иное соображеніе, руководило великимъ поэтомъ, выяснится, какъ только мы обратимъ вниманіе на безпристрастное освѣщеніе въ драмѣ личности и дѣйствій Шейлока.

Если, въ самомъ дѣлѣ, много есть въ личности Шейлока отталкивающаго, то неотразимо-убѣдительные и язвительные доводы не одной изъ его рѣчей исключаютъ всякую мысль о спеціальномъ желаніи выставить его исключительно въ дурномъ свѣтѣ. И только шаблонное и безвкусное изображеніе Шейлока актерами долго вспажало эту отвѣтственную роль и служило источникомъ невѣрныхъ и неточныхъ представленій среди публики о Шейлокѣ, какъ о художественномъ типѣ.

Отмѣнное мастерство Шекспира, какъ художника, сказалось прежде всего въ чрезвычайно сильной и яркой характеристикѣ Шейлока. Въ сущности онъ появляется на сценѣ не часто и говоритъ сравнительно мало; но каждое его появленіе и каждая рѣчь даютъ полное о немъ представленіе, такъ что въ лирическихъ сценахъ и явленіяхъ не имѣется никакой нужды.

Первое появленіе Шейлока — бесѣда на площади съ Бассанио и Антонио о займѣ въ 3000 червонцевъ. Шейлокъ, какъ истый дѣлецъ, взвѣшиваетъ, достаточно ли кредитоспособенъ Антонио? Далѣе мы читаемъ объясненіе Шейлока въ ненависти къ Антонио за то, что тотъ лишалъ его прибыли и процентовъ и публично поносилъ его. Насчетъ процентовъ у Шейлока своя теорія, онъ съ удовольствіемъ подкрѣпляетъ ее ссылкой на примѣры патріарха Іакова, успѣвшаго хитростью увеличить приплодъ овецъ. Здѣсь, какъ и въ своихъ операціяхъ, Шейлокъ видитъ лишь находчивое остроуміе, а не ко-

варство или хитрость. Затѣмъ Шейлокъ осыпаетъ Антоніо заслуженными и неотразимыми упреками: давно ли его носили, плевали на него, а теперь хотятъ взять у него денегъ? Антоніо не высказываетъ раскаянія, а предлагаетъ Шейлоку смотрѣть на ссуду, какъ на коммерческую сдѣлку. Шейлокъ предлагаетъ извѣстное условіе: если Антоніо не уплатитъ въ срокъ, — обязывается уплатить неустойку: фунтъ мяса. Мотивируетъ Шейлокъ свое предложеніе желаніемъ пошутить и, повидимому, не имѣетъ серьезнаго намѣренія воспользоваться уступчивостью христіанина: онъ доволенъ лишь тѣмъ, что пристыдилъ его, заставивъ публично вступить въ унижительную сдѣлку со своимъ врагомъ. Однако событія складываются ровнымъ для Антоніо образомъ. Шейлокъ человекъ страстныхъ привязанностей: онъ съ нѣжностью вспоминаетъ о покойной женѣ своей, онъ любитъ дочь. Пушкинъ называетъ Шейлока „чадолюбивымъ“ — и это вполне вѣрно. Отправляясь на пиръ къ Бассаніо, Шейлокъ убѣждаетъ Джессику избѣгать всякихъ искушеній во время маскарада и беречь его кассу. Онъ ретивый и усердный хозяинъ, вносящій страстность своей натуры въ самые будничные процессы существованія.

Въ третьемъ дѣйствіи мы видимъ Шейлока поглощеннымъ извѣстіемъ о бѣгствѣ дочери и пропажѣ драгоценностей. Онъ потрясенъ, оскорбленъ и униженъ. Онъ оживаетъ лишь тогда, когда слышитъ, что Антоніо, вслѣдствіе крушенія кораблей, разорился. Теперь у него созрѣваетъ намѣреніе воспользоваться оплошностью стараго врага. Въ яркомъ и краснорѣчивомъ монологѣ рассказываетъ онъ обо всѣхъ обидахъ, накопившихъ въ его груди. Какъ христіане обращаются съ евреями, такъ и евреи должны обращаться съ христіанами. За месть — месть. Извѣстіе о бесплодной тратѣ Джессики денегъ еще болѣе распаляетъ его; планъ его мститъ оковательно созрѣлъ, и Антоніо будетъ первой жертвой.

Въ послѣдней сценѣ, гдѣ является Шейлокъ, — на судѣ предъ дожемъ, — мы присутствуемъ при высокообранныхъ и заносчивыхъ заявленіяхъ еврея, настаивающаго на своемъ правѣ вырѣзать у Антоніо фунтъ мяса. Онъ говоритъ умно и находчиво. По существу онъ правъ; это чувствуетъ и Антоніо, чувствуютъ и все присутствующіе на судѣ. Онъ не порицаетъ, не хулитъ христіанъ, но въ его рѣчахъ чувствуется глубокое презрѣніе къ ихъ показному милосердію и лицемерной добродѣтели; онъ бьетъ въ самое больное мѣсто: указываетъ на тяжелое положеніе угнетенныхъ рабовъ. Шейлокъ не дѣлаетъ никакихъ попытокъ выставить себя и свои претензіи въ благовидномъ свѣтѣ, онъ откровенно и цинично настаиваетъ на своемъ правѣ. Онъ такъ увлекается чувствомъ мщенія, что не замѣчаетъ, какъ становится на краю пропасти, и приговоръ Порціи своимъ заключеніемъ ошеломляетъ и подкашиваетъ его. Зритель чувствуетъ, что существованіе еврея вырвано съ корнемъ, что смерть была бы наилучшимъ для него исходомъ, и когда вслѣдъ за этимъ венеціанскій судебный трибуналъ осуждаетъ Шейлока къ конфискаціи половины имущества и рекомендуетъ для сохраненія жизни и другой половины — перейти въ христіанство, — Шейлокъ производитъ впечатлѣніе мертваго тѣла, попираемаго ногами. Всегда находчивый, остроумный, еврей не находитъ никакихъ аргументовъ, онъ чувствуетъ давленіе силы, противъ которой нѣтъ у него средствъ для борьбы, и онъ уступаетъ этой силѣ, вызывая лишь смѣхъ и оскорбленія по своему адресу. Такимъ образомъ на глазахъ у зрителей Шейлокъ переживаетъ страшное нравственное потрясеніе, передъ зрителемъ крушеніе цѣлой жизни.

Первоначальная цѣль договора Шейлока съ Антоніо не имѣетъ еще въ себѣ ничего трагическаго; онъ просто радъ признать Антоніо, доказать малость, что этотъ богатый христіанскій купецъ настолько самостоятеленъ, что вынужденъ

входить въ сдѣлки самаго унижительнаго характера съ ростовщикомъ, котораго онъ неоднократно поносилъ; и безъ сомнѣнія Антоніо могъ значительно повредить себѣ въ общественномъ мнѣніи такого рода договоромъ. Но когда, благодаря христіанамъ, Шейлокъ лишился единственной надежды и опоры на старости—горячо любимой дочери, которая сбѣжала, не кинувъ отцу ласковаго слова и захвативъ часть богатства — Шейлокъ всецѣло поддается обуревающему его чувству мщенія и съ этого момента становится безжалостнымъ мстителемъ за обиды, нанесенныя ему и его соплеменникамъ христіанами. Его мщеніе принимаетъ стихійный характеръ, заглушаетъ всѣ другія чувства, и если „Отелло“ есть изображеніе трагизма ревности, „Макбетъ“ трагизма честолюбія, „Гамлетъ“ безволія и т. д., то „Венеціанскій купецъ“ есть изображеніе мести по преимуществу. Предъ жаждой мести совершенно поблекла даже традиціонная жадность еврея — онъ, не задумываясь, отвергаетъ колоссальное богатство, предлагаемое ему за отказъ отъ своего каннибальскаго требованія. Шейлокъ никогда не видѣлъ со стороны христіанъ ни состраданія, ни тѣни гуманности къ себѣ; онъ удивляется, что отъ него могутъ требовать чего-либо подобнаго. Приговоръ Порціи, лишающій Шейлока всего, оглушаетъ его; старикъ подавленъ и повергнутъ въ прахъ. Предложеніе принять христіанство звучитъ по отношенію къ Шейлоку уточненной жестокостью, ибо всѣ знаютъ, какъ фанатиченъ Шейлокъ; съ точки же зрѣнія христіанства оно должно считаться отнѣннымъ кощунствомъ. Шейлокъ—христіанинъ! Горькая иронія для обѣихъ сторонъ!

Вглядываясь въ черты духовнаго облика Шейлока, мы, конечно, не можемъ не признать ихъ отталкивающими; но, помимо сейчасъ сдѣланнаго указанія на безпристрастіе Шекспира въ подборѣ характерныхъ чертъ Шейлока, всякое обвиненіе поэта въ тенденціозномъ суженіи красокъ падаетъ,

если мы безъ предубѣжденія посмотримъ на среду, Шейлока окружающую.

Мы видимъ венеціанское общество, разгульное, безпринципное и развратное. Молодежь прожигаетъ жизнь, не думая, какими средствами добыты для этой цѣли деньги. Лучшій представитель молодежи Бассаніо, почти не колеблется согласиться на унижительную сдѣлку своего лучшаго друга съ ростовщикомъ, сдѣлку, которая такъ или иначе компрометируетъ Антоніо. Эгоизмъ Бассаніо былъ бы ужасенъ, если бы его окружали люди лучше его. Но все это шуты, балагуры, прожигатели жизни, и того хуже. „Лоренцо, говоритъ Гейне, „является соучастникомъ самаго подлаго воровства, и по прусскимъ законамъ былъ бы присужденъ къ 15-лѣтнему заключенію въ смиренномъ домѣ, заклеяенію и выставкѣ у позорнаго столба, несмотря на то, что онъ полонъ трогательной любви не только къ краденнымъ червонцамъ, но также и къ красотамъ природы, къ ландшафтамъ при лунномъ освѣщеніи и музыкѣ“. Лучше всѣхъ, безъ всякаго сомнѣнія, Антоніо. Въ лицѣ послѣдняго Шекспиръ нарисовалъ весьма удачно типъ меланхолика. Его давить толпа; у него нѣтъ жизненнаго идеала; онъ не жаждетъ, не предприимчивъ, пассивенъ. Богатство его—результатъ случайной удачи, а не умѣлаго веденія дѣлъ. Онъ благотворитъ безъ увлеченія, не разбирая, на какую почву падаютъ его благодѣянія. Къ Шейлоку онъ проявляетъ высокомѣрное презрѣніе и плохо мотивированную ненависть. Онъ легкомысленно подписываетъ договоръ съ ростовщикомъ, зная, что Шейлокъ не имѣетъ никакихъ основаній падить его. Его голова работаетъ вяло и нигдѣ не проявляетъ дальновидности и провидцательности; что касается до Порціи, умной, благородной, эмансипированной дѣвушки, то она живетъ внѣ Венеціи и не можетъ быть причислена къ средѣ, окружающей Шейлока.

Итакъ, общество, окружающее венеціанскаго еврея, стоитъ

на низкой ступени нравственного и умственного развития. Оно крайне фанатично, нетерпимо, жестоко и эгоистично. Оно даже не деятельно, эксплуатирует, не зная минимального личного труда. В этом отношении Шейлок, постоянно деятельный, заботливый, рачительный, стоит несравненно выше окружающих его христиан.

Дочь Шейлока, Джессика, добрая, мягкая и легкомысленная, любящая избранника своего сердца, является безжалостной и жестокой къ отцу; ей отношеніе къ Шейлоку доводит до высшаго напряженія ту пылкую жажду мщенія, которая послѣ бѣгства Джессики всецѣло овладѣваетъ страстною душою еврея.

Можно относиться къ Шейлоку съ величайшимъ отвращеніемъ, но онъ ни на минуту не дѣлается комичнымъ на всемъ протяженіи пьесы. Въ ранней юности ведетъ онъ трудную, полную заботъ жизнь, старался споконъ какъ можно больше богатствъ, въ которыхъ основательно видитъ единственное условіе сноснаго существованія, при полной безправности племени, къ которому онъ принадлежитъ. Шейлокъ видитъ вокругъ себя фанатиковъ-евреевъ и фанатиковъ-христианъ. Въ атмосферѣ нетерпимости, злобы и униженія протекаетъ вся его жизнь; свѣтъ любви и состраданія не проникаетъ въ нее. Шейлокъ, на слонѣ лѣтъ, долженъ пережить тяжелое горе: его единственное дѣтище похищаетъ его, измѣняетъ вѣрѣ отцовъ и похищаетъ его сокровища, легкомысленно дая фамильные сувениры проходивцамъ! Мстѣ Шейлока созрѣваетъ, онъ надѣется, что правосудіе дастъ ему возможность утолить ее; но вмѣсто правосудія онъ встрѣчается съ характернымъ софизмомъ, который любой юристъ опровергнулъ бы, если бы судъ дѣйствительно стремился къ удовлетворенію требованій закона. Шейлокъ, можно сказать, убитъ насиліемъ, которое онъ сознаетъ; онъ не ищетъ бесполезныхъ аргументовъ, которые не могутъ его спасти; онъ сознаетъ свою гибель и

уходить, чтобы, можетъ быть, разстаться съ жизнью. Онъ умеръ, не вызвавъ слезъ жалости даже у собственной дочери.

Только совершенно неправильная манера нинѣхъ актеровъ въ исполненіи роли Шейлока могла дать поводъ къ какому-либо сомнѣнію насчетъ настоящаго смысла этого типа. Шейлокъ—глубоко трагическое лицо, отгѣнной силы и экспрессіи, страстное и увлекаемое на гибельный путь идеей мести. Его неудача—разрѣшеніе вопроса въ направленіи, соотвѣтствующемъ требованіямъ справедливости и гуманности—должна доставить зрителю облегченіе, такъ какъ цѣль Шейлока гнусна, но это не дѣлаетъ его ни въ коемъ случаѣ смѣшнымъ, а лишь жалкимъ; онъ жертва стихійнаго ослѣпленія, и, какъ таковой, имѣетъ право на извѣстную долю трагическаго состраданія.

Значеніе „Венеціанскаго купца“ опредѣляется не только рядомъ интересныхъ вопросовъ этическаго и правового характера, выдвинутыхъ въ этой пьесѣ, но, главнымъ образомъ, правдивой и глубокой психологіей главнаго дѣйствующаго лица, являющагося однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ украшеній галереи безсмертныхъ типовъ, созданныхъ Шекспиромъ. Пьеса поучительна во многихъ отношеніяхъ. Но ни въ коемъ случаѣ ее нельзя считать тенденціозною. Великій драматургъ не могъ быть ни юдофобомъ, ни юдофиломъ. Такому объективному художнику были чужды представленія и понятія, присущія страстной и некультурной толпѣ.

III.

БОЖАЧЬО ВЪ ИЗСЛѢДОВАНИИ А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО.

Реформа въ области литературной монографіи можетъ считаться вполне назрѣвшей. Не удивительно ли, въ самомъ дѣлѣ, что въ то время, какъ техника въ историческихъ и филологическихъ наукахъ дошла до высокой степени совершенства, большинство историковъ литературы, особенно авторовъ литературныхъ монографій, идетъ по старой, проторенной дорогѣ, нисколько не заботясь о необходимыхъ реформахъ въ методѣ и приемахъ изслѣдованія? Сообщаются болѣе или менѣе критическія извѣстія о жизни извѣстнаго литературнаго дѣятеля, иногда рисуется картина современной ему жизни, — вѣрность и удача зависятъ, конечно, отъ таланта рассказчика, — представляется анализъ произведеній этого писателя, въ лучшемъ случаѣ опредѣляется степень вліянія на него тѣхъ или другихъ литературныхъ образцовъ, а также и вліяніе, оказанное имъ на родственныя произведенія, — и монографія считается законченной. Иногда, даже очень часто, и эти предѣлы кажутся слишкомъ широкими, и монографія сводится къ болѣе или менѣе плавному повѣствованію о судьбахъ поэта въ связи съ эстетическимъ анализомъ его произведеній.

Подобное положеніе дѣла, зависящее отъ многихъ причинъ, между прочимъ и отъ того, что нѣтъ литератора, который не считалъ бы себя подготовленнымъ къ роли историка литературы, грозитъ исторіи литературы, какъ наукѣ,

продолженіемъ до безконечности періода младенчества, по крайней мѣрѣ въ одной, очень важной области—области литературной біографіи. Подчеркивая крупные недочеты, имѣющіеся въ литературныхъ монографіяхъ популярнаго типа, мы не должны забывать, что удовлетвореніе исполнѣ научныхъ требованіямъ сопряжено съ громадными затрудненіями. Предположимъ, что мы задаемъ цѣлью посвятить болѣе или менѣе популярному поэту очеркъ или монографію. Очевидно, можетъ идти рѣчь лишь о такомъ дѣятелѣ, который относится къ болѣе или менѣе отдаленному прошлому, на которое изслѣдователь можетъ взглянуть съ значительной долей безпристрастія. Если сузить до возможныхъ предѣловъ рамки такого рода біографіи, то и тогда онѣ окажутся весьма трудно достижимыми. Образцовая монографія потребуетъ отъ изслѣдователя, даже очень подготовленнаго и талантливаго, продолжительныхъ предварительныхъ занятій, эрудиціи, чувства мѣры, большого вкуса, словомъ это долженъ быть не просто ученый повѣствователь, а художникъ съ развитымъ воображеніемъ, умѣряемымъ должнымъ образомъ умомъ. Если я скажу, что продуктомъ именно такого пера является монографія академика А. Н. Веселовскаго „Боккаччо, его среда и сверстники“, то этимъ не будетъ выражено ничего новаго, такъ какъ репутація этого ученаго слишкомъ извѣстна, чтобы нуждаться въ чьихъ-либо характеристикахъ,—но, быть можетъ, не одинъ читатель удивится, когда услышитъ, что сочиненіе, въ высшей степени цѣнное по добытымъ результатамъ, интересное и доступное по содержанию, вышедшее изъ-подъ пера нашего лучшаго спеціалиста по литературѣ, что такое сочиненіе, говоря я, не только не привлекло всеобщаго вниманія, но о немъ почти замолчала критика,—къ стыду, конечно, своему. Это весьма печальное явленіе, характеризующее отсутствіе объективной критики и интереса къ историко-литературнымъ вопросамъ, и лишній разъ дока-

зывающее, какъ бѣдно интеллигентными силами наше общество и какой опасностью грозитъ въ будущемъ это паденіе вкуса и интересовъ среди публики. Но обратимся къ сочиненію А. Н. Веселовскаго¹⁾.

Труды по исторіи итальянскаго Возрожденія А. Н. Веселовскаго весьма цѣнны и многочисленны. Если собрать ихъ, то получится нѣсколько томовъ. Отвлекаемый разнообразными, бывшими на очереди научными интересами, А. Н. Веселовскій отъ времени до времени возвращался къ своимъ любимымъ занятіямъ. Монографіи о Боккаччо предшествовали рядъ работъ, особенно по исторіи ранняго Ренессанса, посвященныхъ въ руководящей ихъ идеѣ раскрытію внутренней психологической стороны литературныхъ явленій. Въ частности исторіи итальянской повеллы А. Н. Веселовскій посвятилъ нѣсколько изслѣдованій, изъ которыхъ самымъ крупнымъ является „Вилла Альберти“,—изданіе сборника и изслѣдованіе о немъ—меньшомъ братѣ Декамерона.

Изъ работъ, непосредственно относящихся къ автору Декамерона и представляющихъ совершенно самостоятельные критическіе экскурсы, слѣдуетъ упомянуть: „Король—книгоцѣй“, „Боккаччо о мѣологій и поэзіи“, „Учителя Боккаччо“, „Боккаччо и Овидій“. Такимъ образомъ, приступая къ своей монографіи, А. Н. Веселовскій посвятилъ немало труда и времени подготовительной работѣ. Особенности сочиненія, о которомъ мы бесѣдуемъ, достоинства оригинальнаго и остроумнаго метода автора, станутъ намъ понятны при ближайшемъ, хотя по необходимости лишь бѣгломъ знакомствѣ съ содержаніемъ монографіи.

Нѣсколько страницъ введенія—едва ли не самая мѣткая характеристика нѣкоторыхъ особенностей итальянскаго Возрожденія, рассматриваемаго какъ историческій процессъ, а

¹⁾ А. Н. Веселовскій. „Боккаччо, его среда и сверстники“. Т. I. Сиб. 1893. Т. II. 1894.

не как проявление каких-то новых, невѣдомых доселѣ міру идеаловъ. „...Петрарка и Боккаччо явятся выразителями умственного движенія, начало котораго трудно услѣдить и которое мы зовемъ „возрожденіемъ“ или „гуманизмомъ“. Его показатели: разложеніе видимой, успокаивающей дѣльности міросозерцанія, критическая расторженность мысли, страстное исканіе новыхъ путей, желаніе обосновать новое ученіе классиковъ“. „Прогрессъ движенія въ томъ, что онъ уравнял шансы побѣды, серьезно обосновавъ права „міра“; за него стало классическое образовательное преданіе“. Указывал на роль личности, выдвинувшейся въ эпоху Возрожденія на первый планъ, проф. Веселовскій замѣчаетъ: „Съ личностью явилась и критика, и одной изъ ея точекъ отправленія было условіе, содѣйствовавшее самому развитію индивидуализма. Жизненность образовательнаго латинскаго преданія въ Итали была такимъ условіемъ; когда личность окрѣпла, условіе стало для нея критеріемъ, который она и начинаетъ ощущать, какъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ правомѣрный привичному, средневѣковому“.

Исслѣдованіе А. Н. Веселовскаго распадается на слѣдующіе отдѣлы: I. Дѣтскіе годы. Призваніе и карьера. Культурныя условія неаполитанской среды.—II. Неаполь. Наука и любовь. Юношеская лирика и филострата.—III. Флоренція. Автобиографическія переживанія (Филоколо, Амето, Любовное видѣніе).—IV. Выходъ къ свободному творчеству (Тезеида и нимфы Феволы).—V. На высотѣ (Фьяметта и Декамеронъ).—VI. Художественныя и этические задачи Декамерона.

Во второмъ томѣ мы находимъ слѣдующіе отдѣлы: VII. Сомиѣніе и исканіе идеала въ строгой поэзіи и ригористической морали (Корбаччо). VIII. Петрарка, эрудиція и вопросы практической жизни. Личная свобода или обезпеченность подъ литературнымъ патронатомъ?—IX. Тревога анализа и самоопредѣленія. Вопросы нравственности и славы, судьба и при-

званія (De Claris Mulieribus, De Casibus Virorum illustrium, Vita di Dante).—X. Призваніе поэта (Studium fuit alma poesis). Генеалогія боговъ. De Montibus.—XI. Практическіе недочеты и бѣдный досугъ въ Черталдо.—XII. Последніе годы и старческой синтезъ. Чтенія о Божественной Комедіи.—*Приложенія.*

Указаніе на содержаніе главъ, составляющихъ объемистый трудъ А. Н. Веселовскаго, является и опредѣленіемъ особенностей его плана. Читатель видитъ, какъ отличенъ послѣдній отъ общепринятыхъ образцовъ. Передъ вами постепенно развивается психическій обликъ знаменитаго гуманиста во всея періоды его жизни; устанавливается тѣсная связь между авторомъ и его произведеніемъ, которое такимъ образомъ является не только вполне понятнымъ, но и говоритъ то, чего оно не сказало бы при иномъ освѣщеніи; главное дѣйствующее лицо воскресаетъ передъ вами въ той культурной обстановкѣ, въ которой оно въ дѣйствительности и должно было быть; отношенія его къ другимъ общественнымъ и литературнымъ дѣятелямъ выяснены не только въ подробностяхъ, но и въ основномъ ихъ характерѣ; наконецъ—и это не послѣднее достоинство книги—содержаніе произведеній гуманиста передается такъ, что сохраняются даже малѣйшіе оттѣнки оригинала, его, такъ сказать, букетъ и аромат, притомъ все это въ связи съ моментами личной судьбы гуманиста. Эти достоинства и многія другія дѣлаютъ книгу А. Н. Веселовскаго въ высшей степени оригинальной по приемамъ и по исполненію, и если мы къ этому всему прибавимъ особенности слога, то придется придти къ выводу, что „Боккаччо“ А. Н. Веселовскаго является несоизмѣримо со всеми аналогичными произведеніями величинной. Но обратимся къ изложенію судьбы гуманиста въ разсматриваемой книгѣ.

Незаконный сын эгоистичнаго и прижимистаго отца, авторъ Декамерона никогда не зналъ теплой семейной среды, а если и говорилъ о ней, то подъ влияніемъ фантазіи, подобно тому, какъ Толстой описываетъ съ мучительною страстностью неизвѣданныя имъ ласки матери. Присутствіе мачехи, отъ которой у Джіованни были сводные братья и сестры, не могло смягчить этой обстановки, и Боккаччо неоднократно аллегорически рисуетъ свое ужасное положеніе въ семьѣ. Занятія противъ воли каноническимъ правомъ не могли принести особенной пользы гуманисту: повидимому и отецъ махнулъ на него рукой и рѣшилъ сдѣлать изъ сына помощника въ своихъ торговыхъ дѣлахъ. Судьба завела Боккаччо-отца въ Неаполь—культурную среду, оказавшую сильное влияние на молодого Боккаччо. Мы подходимъ едва-ли не къ лучшимъ страницамъ сочиненія. Искусный и художественный анализъ элементовъ, влиявшихъ, въ качествѣ культурныхъ факторовъ, въ южную Италію, подготавливаетъ читателя къ пониманію тѣхъ впечатлѣній, которыя воспринялись свѣжимъ, молодымъ умомъ Боккаччо и ярко отразились въ его произведеніяхъ. Особенное влияніе слѣдуетъ приписать южно-итальянскому эллинизму, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ византійскимъ и который, впрочемъ, подобно другимъ влияніямъ, былъ поглощенъ средой, сумѣвшей къ тому времени пріобрѣсти своеобразную индивидуальную окраску. Боккаччо безъ особенныхъ усилій получилъ доступъ ко двору короля Роберта, роль котораго въ исторіи гуманизма до изслѣдованія А. Н. Веселовскаго представлялась не ясно. Дѣло въ томъ, что Робертъ, этотъ король—книгоцѣй (эпитетъ, данный ему А. Н. Веселовскимъ), представляется въ двойной оцѣнкѣ современниковъ и ближайшаго поколѣнія. Оцѣнка эта отчасти зависитъ и отъ хронологіи: въ дѣятельности этого короля можно отмѣтить по крайней мѣрѣ два періода,—последній—показнаго ригоризма, далеко не всѣмъ правившагося. Нази-

дательный элементъ писаній этого царственнаго педанта, объемъ его школьной учености, поворотъ отъ веселой беззаботной жизни къ строгому воздержанію, поощряемому скупостью,—все это прекрасно отмѣчено А. Н. Веселовскимъ. Отъ двора Роберта вполне естественный переходъ къ характеристикѣ другихъ дворовъ, „салоновъ“ Неаполя времени Боккаччо. Руководителемъ молодого гуманиста въ его первыхъ дебатахъ въ придворномъ и великосвѣтскомъ обществѣ былъ Николай Аччяйоли, даровитый вискочка, нахватавшийся гуманистической учености столько, сколько того требовали мода и среда, умѣвшій прекрасно устраивать свои дѣла, и, съ наклонностью къ мекенатству, при условіи самыхъ небольшихъ затратъ, нерѣдко отдававшій мелкимъ мѣщанствомъ. Мы знакомимся съ атмосферой салоновъ того времени, съ ролью въ нихъ женщины, пытавшейся свергнуть его обезличенія и самостоятельно отвѣтить на вопросы чувства и ума. Само собою разумѣется, что сочиненія Боккаччо даютъ въ искусныхъ рукахъ автора отвѣты на возникающіе вопросы. Мы подходимъ къ любовной исторіи Боккаччо, возникавшей на широкомъ фонѣ просвѣтительныхъ интересовъ.

Учителя Боккаччо во время его пребыванія въ Неаполѣ далеко не общезнавестны, ихъ ученія заслуги—еще менѣе; авторъ разсматриваемой монографіи собралъ все, что можно было собрать для уясненія этого вопроса,—задача не легкая и важная, къ которой приходилось подходить ошупью. Изъ учителей Боккаччо особеннаго вниманія заслуживаетъ Адалоне да Негра, Паоло изъ Перуджиа, Барбато изъ Сульмоны и Варлаамъ—Бернардо; послѣдній—калабрійскій грекъ, полный самонамѣнія и дурныхъ привычекъ, носилъ совѣ въ Аѳины, т.-е. пытался соперничать съ тамошними мудрецами, за что и подвергся жестокому осмѣянію. Барбато пользовался прекрасной репутаціей, но особенно замѣтныхъ слѣдовъ его литературной дѣятельности не сохранилось. Былъ

можетъ, Боккаччо пополнялъ бы въ юности тѣ пробѣлы въ подготовкѣ, которые былъ вынужденъ пополнять въ старости, если бы не любовь, которая подсказала ему цѣлый рядъ автобіографическихъ признаній, одѣтыхъ въ форму болѣе или менѣе понятной аллегоріи. Созерцанію красавицы предшествовало чудесное пророческое видѣніе, подготовившее юношу къ воспріятію стрѣлы Амура. Видѣніе это имѣло мѣсто у *робинши Вергилія*.

Предметъ любви Боккаччо, причина его кратковременнаго счастья и продолжительной печали была Фьяметта— плодъ юношескаго увлеченія короля Роберта. Она подсказала своему поклоннику тему для одного изъ романовъ. Красавица, образованная, обворожительная Фьяметта, повидимому, не отличалась большимъ постоянствомъ. Своимъ успѣхомъ у нея Боккаччо, кажется, былъ обязанъ безумной смѣлости, подсказанной безумной любовью; однако, пѣсня торжествующей любви продолжалась не долго, ее скоро смѣнили негодующія ноты ревности. Особенно много огорченій причиняли поэту поѣздки возлюбленной въ Байю, на очаровательныя морскія купанья. Бурю негодованія вызываетъ въ немъ злополучный курортъ, въ которомъ веселящая беззаботная жизнь пріѣзжей молодежи не одну добродѣтельную Лукрецію превратила въ Клеопатру. Огорченное и оскорбленное самлюбіе ищетъ исхода въ литературной дѣятельности. Въ „Филострато“ мы находимъ эпизодъ о любви Троиля къ Гривендѣ, ея измѣнѣ и торжествѣ Диомеда, эпизодъ несомнѣнно автобіографическій, пронизанный крайнимъ субъективизмомъ. Уже въ этомъ романѣ проявляется искусство Боккаччо, какъ рассказчика, и нарисовать художественный и тонкій профиль Пандара. Къ огорченіямъ обманутой въ своихъ ожиданіяхъ любви присоединяется необходимость уѣхать изъ Неаполя къ старому и вельсовому отцу—эпизодъ автобіографическій, отразившійся въ „Фьяметтѣ“, гдѣ влюбленный

Палемонъ долженъ покинуть Фьяметту, чтобы оказать повиновеніе отцу. Въ 1340 г. Боккаччо отправляется во Флоренцію. Къ тому времени назрѣваетъ окончательный разрывъ съ Фьяметтой, нашедшей соотвѣствующее художественное отраженіе въ „Тезейдѣ“ (соперничество Палемона и Арчиты) и судьбахъ Флоріо и Бьянчифлоре (Филоколо).

Жизнь Флоренціи, которая вела рискованную и неустойчивую политику, представляла мало интереснаго для поэта, не находившаго къ тому же ничего отраднаго подъ отцовской кровлей. Онъ желалъ бы поскорѣ покинуть родной городъ, но событія все болѣе и болѣе осложняются, а надежды на неаполитанскихъ друзей не оправдываются. Кратковременное правленіе Вальтера Брѣзницкаго вызываетъ новыя смуты. Все это заставляетъ гуманиста погрузиться въ личную внутреннюю жизнь. Онъ перечитываетъ и изучаетъ многихъ поэтовъ. Петрарка оказываетъ на него рѣшительное, хотя не всегда положительное вліяніе. Первые подражанія пѣвцу Лауры носятъ слишкомъ риторическій характеръ, притомъ впадаютъ въ шаржъ и гиперболизмъ. Благоговѣніе передъ Данте, слишкомъ великимъ и недоступнымъ для Боккаччо въ это время, приводитъ къ нѣкоторымъ внѣшнимъ замечаніямъ (напр. въ „Филоколо“). Плодомъ продолжительнаго труда является романъ „Филоколо“, громадный по объему и изобилующій рядомъ автобіографическихъ болѣе или менѣе прозрачныхъ намековъ. Романъ очень интересенъ и напоминаетъ въ нѣкоторыхъ деталяхъ новеллы Декамерона; источники „Филоколо“ почти необслѣдованы.

Аллегорическая пастораль „Амето“ по внѣшнему плану и распорядку напоминаетъ Декамерона. Грубый, неотесанный юноша возвышается нимфами до вполне сознательнаго пониманія окружающаго и силой любви становится имъ равнымъ. Въ одномъ изъ эпизодовъ Боккаччо—Галеоне не въ первый разъ рассказываетъ исторію своего отца и свою.

„Любовное Видѣніе“, отражающее вліяніе Данте, выдержано во вкусѣ довольно туманной аллегоріи, направленной къ прославленію власти всесильнаго Амура и Фьяметты. Гораздо болѣе реальныхъ автобіографическихъ чертъ заключаетъ „Тезеида“, въ заключительныхъ главахъ пересказывающая любовную катастрофу Боккаччо. Рядъ флорентійскихъ рассказовъ заключаетъ поэма „Ninfale Fiesolane“, объясняющая, при посредствѣ ярко нарисованной любовной исторіи юности Африко и нимфы Мензола, происхождение нѣкоторыхъ географическихъ названій и генеалогію предполагаемыхъ основателей Флоренціи.

Въ 1343 г. умеръ король Робертъ, оставивъ корону молодой и легкомысленной вначѣ, имѣвшей четырехъ мужей, что, говорятъ, ей было предсказано умирающимъ дѣдомъ (Nubetur alio—начальныя буквы именъ 4-хъ мужей).

Знать интриговала: иноземцы вѣшивались подъ различными предлогами во внутреннія дѣла неаполитанскаго королевства; особенная опасность грозила послѣднему отъ папы и венгерскаго короля. Жизнь въ Неаполѣ была чужда той беззаботной прелести, какую она имѣла для Боккаччо въ первое его тамъ пребываніе. Отношеніе гуманиста къ событіямъ того времени представляется въ этотъ періодъ далеко не яснымъ. А. Н. Веселовскій искусно раскрываетъ намъ впечатлѣнія Боккаччо, пользуясь его эклогами, письмами и другими произведениями. Любовная исторія гуманиста приходитъ къ концу и завершается превосходнымъ психологическимъ романомъ „Фьяметтой“, гдѣ героиня говоритъ устами Боккаччо, а между строками можно читать и автобіографическое признаніе и скрытую лесть. Сила чувства замѣняла фавулу, почти отсутствующую, а форма личнаго изліянія, такъ сказать, дневника, сближаетъ „Фьяметту“ съ произведениями новыхъ писателей, съ „Вертеромъ“ Гете, „Безъ Догмата“ Сенневича и др. Техника гуманиста доходитъ до вы-

сокой ступени совершенства; съ „Фьяметтой“ и „Декамерономъ“ мы поднимаемся на высоту, ему доступную; позже мы увидимъ если не паденіе, то ничего новаго въ пріемахъ и композиціи.

Главы о Декамеронѣ заинтересуютъ всякаго читателя. Но искусство и тактъ составителя монографіи сказались, между прочимъ, и въ томъ, что онъ не выдвинулъ на первый планъ этого отдѣла, не заставилъ изъ-за него забыть объ остальномъ. Дѣйствительно, отношеніе Декамерона къ другимъ произведениямъ Боккаччо вовсе не такое, какъ „Божественной комедіи“ къ произведениямъ Данте; менѣе послѣдовательный и искусный историкъ увлекся бы, конечно, популярностью сборника, интересными историко-литературными вопросами, имъ возбуждаемыми, и отвлелъ бы вниманіе читателя къ другимъ отдѣламъ, если бы даже удовлетворительно обработалъ ихъ.

Сборникъ новеллъ Боккаччо, не оригинальный по вѣшной рамкѣ, приуроченъ къ трагическому событію: чумѣ 1348 г. Описаніе чумы Боккаччо является не только классическимъ по формѣ, но и необыкновенно вѣрнымъ съ точки зрѣнія исторической истины. Живописный въ психологическомъ анализѣ новеллистъ подчеркнул очень мѣтко „живую, психологически-вѣрную черту явленій чумы, страсть жизни и порога смерти“. Его Декамеронъ—это „пиръ во время чумы“, точно иллюстрація къ извѣстной фрескѣ пизанскаго Салпинсано, путника верхомъ, отворачивающагося отъ труповъ, разлагающихся въ гробахъ, тогда какъ на заднемъ планѣ пейзажа, подъ сѣнью деревьевъ, общество молодыхъ людей и дамъ пируетъ беззаботно, осѣненное незримымъ крыломъ ангела смерти“ (I, 451). Сборникъ на всемъ его протяженіи проникнутъ эгонистичною гуманностью, настроеніемъ, сочувственнымъ къ людямъ, безъ стремленія къ самопожертвованію. Мы найдемъ въ немъ старыя мотивы и даже старыя

знакомыхъ. Фигуры рассказчиковъ и рассказницъ носятъ печать нѣкоторой неясности, не мѣшающей, впрочемъ, художественному впечатлѣнію.

Настроеніе, кромѣ послѣднихъ отдѣловъ, беззаботное и жизнерадостное. Вопросъ объ источникахъ сборника былъ предметомъ изслѣдованія ученыхъ, которые не шли, однако, дальше указанія на параллелизмъ въ фабулѣ разныхъ сказаній и, въ сущности, ничего не давали для уясненія характера творчества Боккаччо. Иначе пользуется имѣющимся у него матеріаломъ Веселовскій. Онъ слѣдитъ за видоизмѣненіями фабулы въ ея историческомъ ходѣ развитія и искусно отмѣчаетъ особенности, вносимыя въ старое содержаніе Боккаччо, какъ со стороны техники, стила, приемовъ, такъ и со стороны общихъ взглядовъ, идей и роста нравственнаго чувства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ успѣхи гуманиста окажутся значительными; въ другихъ же (напр., въ новеллѣ *о трехъ колмазахъ*) онъ окажется далеко не новаторомъ. Раскрытіе особенностей стила и приемовъ Боккаччо въ Декамеронѣ, сравнительно съ таковыми же въ другихъ его произведеніяхъ, приведетъ къ любопытнымъ выводамъ, иногда умѣряющимъ восторги безусловныхъ панегиристовъ Боккаччо. Анализъ его характеристикъ докажетъ намъ необыкновенную жизненность и индивидуальность его типовъ, а также и крайнюю детальность изложенія, не гнушающагося третьестепенными на первый взглядъ мелочами. Особенность таланта рассказчика спасаетъ его тамъ, гдѣ другой запутался бы, потерялъ бы чувство мѣры и погубилъ бы себя безвозвратно. У Боккаччо жизнь бьетъ черезъ край, впрочемъ. Лично пережитое сплывается съ наблюдаемымъ и даетъ яркій художественный эффектъ.

Дидактическая сторона Декамерона, особенно его послѣдней книги, самозащита автора въ заключительномъ словѣ приводятъ насъ къ новому періоду жизни: сомнѣніямъ и

исканіямъ идеала въ строгой поэзіи и ригористической морали. Natura чувственная и склонная къ аффектаціи рѣдко можетъ обойтись безъ конкретнаго впечатлѣнія, если идетъ рѣчь о сатирическомъ произведеніи, въ родѣ „Корбаччо“. Несчастное увлеченіе зрѣлаго мужа привело его къ горькому униженію и разочарованію. Оскорбленное самолюбіе знающаго себя цѣну ученаго писателя вызвало въ немъ взрывъ негодованія противъ опредѣленной красавицы и женщины вообще. Ювеналь подсказалъ кое-какіе образы, помогъ нарисовать общій тонъ, но сама жизнь вдохновила Боккаччо. Поэтому его „Воронъ“ вышлетъ сильнымъ и остроумнымъ произведеніемъ, занимательнымъ, несмотря на крайній пессимизмъ и односторонность автора. „Корбаччо“ оставляетъ за собою все то, что писалось когда-либо противъ женщинъ и изобилуетъ картинками дѣйствительныхъ нравовъ и отношеній.

Съ „Корбаччо“ мы прощаемся съ беллетристической дѣятельностью гуманиста. Поэтъ, пытающійся поучать въ послѣднихъ отдѣлахъ Декамерона, казнящій себя и другихъ за поверхностное и легкомысленное отношеніе къ жизни, предпринимаетъ твердое и непреклонное рѣшеніе отдаться строгому творчеству. Его элоги превосходно рисуютъ это настроеніе и отражаютъ литературныя вліянія, подъ которыми онъ находился. Элоги наглядно убѣждаютъ насъ, — въ анализѣ А. Н. Веселовскаго — что такъ называемое „обращеніе“ Боккаччо совершилось „задолго до того времени, когда въ 1361 г. вѣщанія монаха фанатика навели на него суевѣрный страхъ за свою душу. Это былъ лишь случайный моментъ въ развитіи, главныя стадіи котораго уже были пройдены; Боккаччо привели къ нему годы, эротическіе недочеты и окрѣпшее сознаніе своей жизненной задачи. Тогда ему представилось, какіе уровни могутъ извлечь изъ его Декамерона, и онъ задумался. Такъ неудача Федры и дѣло маркизы de Brinolliers раскрыли Расину глаза на гибельныя слѣд-

ствія тѣхъ страстей, которыя такъ очаровывали въ поэзіи его трагедій — и онъ оставилъ на время поэзію и ударился въ религіозность. Боккаччо ушелъ въ науку“ (II, 67).

Боккаччо ушелъ въ науку и поэзію, куда уходили лучшія умственные силы, всюю душой предававшійся имъ, въ противоположность буржуа, видѣвшимъ въ поэзіи „сладкій лимонадъ“. Движеніе гуманистическое въ первое время по своимъ идеямъ замѣчательно походитъ на романтизмъ перваго періода. „...Движеніе, которое мы назовемъ гуманистическимъ, когда въ немъ явится сознаніе критерія и матеріалъ классической мысли и идеаловъ будетъ служить дѣламъ не грубаго переживания или грамматической забавы, а личнаго обновленія. Обновленіе на почвѣ родной стороны, какъ въ программѣ романтиковъ“. „Сѣверно-европейскій романтизмъ сбросилъ съ себя вѣба преданій и фізіамъ, чтобы обновиться въ природѣ, въ свободной народной старинѣ, или въ томъ, что казалось народностью со включеніемъ католичества. Гуманизмъ, въ періодъ своей сознательности — это романтизмъ самой чистой романской расы, передъ которой открылась обѣтованная земля и забытыя народныя основы“ (II, 79).

Петрарка былъ самымъ славнымъ, самымъ популярнымъ гуманистомъ; неудивительно, что къ нему направлены взоры меньшей братіи; Боккаччо былъ самымъ талантливымъ и едва-ли не самымъ страстнымъ его поклонникомъ. Его переписка съ Петраркой является дѣннымъ источникомъ для опредѣленія особенностей гуманистическаго движенія. Въ сравненіи съ Петраркой, Боккаччо былъ менѣе уравновѣшеннымъ, опредѣлившимся ученымъ. Его знанія по объему превосходили знанія Петрарки, но они имѣли какой-то случайный характеръ; притомъ Боккаччо стоялъ гораздо ниже своего старшаго собрата, какъ критикъ. Досталогио перечислить авторовъ, извѣстныхъ Боккаччо, чтобы убѣдиться

въ разбросанности его занятій и отсутствіи въ нихъ системы. Плавтъ, Теренцій, Вергилій, Овидій, Горацій, Луканъ, Стацій, Персій, Ювеналъ, Цицеронъ, Сенека, Юлій Цезарь, Ливій, Тацитъ, Саллюстій, Светоній, Флоръ, Юстинъ, Помпоній Мела, Биббій Секвестръ, Солинъ, Валерій Максимъ, Альв Геллій, Лактанцій, Боэцій, Орозій, Брунетто Латини, Далте, Франческо да Барберино, Виллани, Леонтій Пилатъ, — всѣ они болѣе или менѣе извѣстны Боккаччо; къ этому слѣдуетъ прибавить сочиненія Паоло изъ Перуджии, къ сожалѣнію, мало намъ извѣстныя. Черновыя тетради Боккаччо, его ученый, такъ сказать, дневникъ, даютъ представленіе о неутомимой дѣятельности нашего гуманиста. Несмотря на большой запасъ школьной учености, Боккаччо и не мечталъ о томъ, чтобы относиться къ Петраркѣ, какъ къ товарищу. Онъ является всюду въ роли послушнаго и прилежнаго ученика, съ подобострастіемъ выслушивающаго замѣчанія „учителя“. Петрарку не стѣсняло такое положеніе; онъ привыкъ къ этой роли, привыкъ, чтобы всѣ видѣли въ немъ послѣднюю инстанцію въ вопросахъ религіозныхъ и литературныхъ. „Онъ знаетъ себя дѣну и выражаетъ это наивно и утѣренно, съ налетами скромности; это обрядовая фаза, прикрывавшая нескромное, но естественное требованіе славы“ (II, 108). „...Онъ входилъ въ роль учителя, проповѣдника; онъ создавалъ репутацію, растилъ славу“ (II, 110). Личное обаяніе Петрарки было громадно; на него смотрѣла не только вся Италия; его знали и за предѣлами ея. „Мнѣ ли не знать тебя, восклицаетъ Робертъ, — вѣдь твое имя славно повсюду, до звѣздъ и выше эфира“. Привязанность Боккаччо къ Петраркѣ была искренняя и безкорыстная; въ свою очередь Петрарка былъ тронутъ и низошелъ къ дружбѣ. Съ перваго до послѣдняго дня знаменитые гуманисты послѣдовательно поддерживали лучшія отношенія; Боккаччо былъ дорогъ Петраркѣ, какъ преданный и умный поклонникъ, а тому была

дорога нравственная поддержка уравновѣшеннаго ученаго, чуждаго раздвоеній и колебаній.

Въ 1351 г. флорентійцы задумали основать у себя касседу гуманитарическихъ наукъ. Представителемъ этой касседы они намѣтили Петрарку. Было рѣшено послать депутацию, во главѣ которой сталъ Боккаччо. Послѣдній былъ необыкновенно счастливей выпавшей на его долю ролию и произнесъ весьма восторженный панегирикъ. Петрарка, въ свою очередь, рассыпался въ любезностяхъ, обѣщалъ прійхать, но не исполнилъ своего обѣщанія, за что еще разъ подвергся опалѣ обиженныхъ флорентійцевъ. Боккаччо легко простилъ своему учителю этотъ отказъ, но онъ былъ не на шутку огорченъ, когда Петрарка изъ Авиньона переѣхалъ къ Висконти. Вопросъ о меценатствѣ — жгучій вопросъ для Боккаччо; на немъ онъ не могъ сойтись съ своимъ наставникомъ, какъ и въ вопросахъ политики. Боккаччо ратовалъ въ пользу принципа личной независимости и считалъ меценатство зломъ, даже не необходимымъ. Особенно много горячи наипѣло въ немъ противъ всякихъ покровителей послѣ неудачной попытки пристроиться подъ сѣнью Аччяйоли, зазнавагося выскочки, который обращался съ Боккаччо, какъ съ послѣднимъ изъ слугъ.

Въ вопросѣ о литературномъ патронатѣ Боккаччо занимаетъ оригинальное положеніе. Его самостоятельность объясняется въ значительной степени и личными неудачами. Онъ былъ свидѣтелемъ незаслуженныхъ успѣховъ такихъ посредственностей, какъ Заноби да Страда — гуманистъ молчалинскаго склада, покладистый и мягкій, покровительствуемый Аччяйоли и увѣчанный, благодаря его ходатайству, лавровымъ вѣнкомъ. Боккаччо переживаетъ тяжелыя минуты и только влияніе Петрарки удерживаетъ его отъ порывовъ отчаянія и непопулярнаго самоуниженія.

Въ 1359 г. Боккаччо провель съ Петраркой нѣсколько

пріятныхъ дней, въ бесѣдахъ и чтеніяхъ. Въ одномъ они постоянно расходились: — въ понятіи о личной свободѣ. Петрарка систематически оправдывается передъ своимъ другомъ. „Твои заботы для меня не новость, пишетъ онъ Боккаччо, — но ты не бойся за меня, хотя бы другимъ и могло казаться, что я испытываю тяжелое иго: не было въ свѣтѣ чловѣка болѣе свободнаго, чѣмъ я, и я могъ бы поручиться, такъ будетъ и впредь, если вообще можно поручиться за будущее; не въ старости учиться мнѣ рабству“. „Если бы я не былъ всегда и всецѣло свободенъ, я бы умеръ, либо велъ скучную печальную жизнь, а ты знаешь, да и всѣмъ знающимъ меня извѣстно, что я всегда въ прекрасномъ расположеніи духа“ (III, 198).

Работая съ лихорадочнымъ оживленіемъ надъ самыми разнообразными вопросами, Боккаччо вносилъ въ самыя сухія темы свои излюбленные разсужденія и страстность своихъ личныхъ интересовъ. Такъ книга „Объ именитыхъ женщинахъ“ въ сущности не свидѣтельствуетъ объ измѣненіяхъ взглядовъ автора „Корбаччо“. „Достойныя женщины — рѣдкость, которую подобаетъ превозносить тѣмъ болѣе, но въ этихъ похвалахъ не находили надобности наши прадеды, да и намъ не придется прибѣгать къ нимъ, скорѣе почеркнеть лебедь, чѣмъ наши женщины обратятся на правый путь“ (Боккаччо). Автору не хватаетъ добродѣтельныхъ женщинъ и онъ посвящаетъ свои строки — именитымъ. „Къ женщинамъ добродѣтельнымъ онъ присоединяетъ и тѣхъ, которыхъ храбрость, умъ, изобрѣтательность, дары природы, либо счастливая или несчастная судьба сдѣлала извѣстными“. Критика почти отсутствуетъ въ этомъ трактатѣ; Боккаччо повторяетъ въ большинствѣ случаевъ народныя сказанія. Изложеніе изобилуетъ густыми тонами, яркими красками, дидактизмомъ и риторикой.

Гораздо выше стоитъ трактатъ „О роковой участи вели-

ких людей“, избличающій на всякой страницѣ опытнаго рассказчика, не умѣющаго скрыть своего „я“, занятаго вопросами о самоопредѣленіи. Опять тѣ же ригористическіе взгляды на женщинъ и задачи личной жизни, тѣ-же ювеналовскія выходки и искусные діалоги. Вотъ, напр., Петрарка является въ чудесномъ видѣніи Боккаччо и читаетъ ему длинную проповѣдь, поощряя къ труду и жаждѣ славы. „Если въ памяти смертныхъ и утратился бы чей-либо настоящій образъ, онъ не утратится передъ лицомъ Господа, во славу котораго надлежитъ трудиться; блаженъ тотъ, кто вернетъ удвойнѣ врученный ему талантъ“. „Итакъ, не коснѣй и прихвись за продолженіе труда, коли не боишься моего гнѣва и бичеванія“ (II, 257). Данте является на сцену просить услугъ пера Боккаччо, чтобы запятнать вѣчнымъ позоромъ флорентійцевъ и ихъ тирана (Вальтера). Въ результатѣ Боккаччо чувствуетъ подъемъ духа, вѣрить въ свое призваніе и, чтобы увѣривъ себя примѣромъ достойнѣйшаго изъ поэтовъ и отдать должную ему дань, пишетъ „Жизнь Данте“ (Vita di Dante). Достоиню вниманія, что Боккаччо боится поклоненіемъ Данте обидѣть Петрарку и пишетъ ему въ этомъ смыслѣ. Пивецъ Лауры рѣшительно опровергаетъ всякія обвиненія въ зависти или недоброжелательствѣ къ Данте, которыя распространились на его счетъ. Данте стоитъ внѣ предѣловъ интересовъ Петрарки; вотъ почему ему не приходится читать произведеній этого поэта. „Я не только не пренебрегаю имъ, но торжественно заявляю, что люблю его и дивлюсь ему, и скажу по правдѣ, еслибъ онъ былъ въ живыхъ и его нравы оказались столь же мнѣ любезными, какъ его умъ, у него не было бы большаго друга, чѣмъ я“ (II, 283). „Кончу клятвеннымъ увѣреніемъ, что я высоко цѣню его талантъ и стиль и говорю о нихъ не иначе, какъ превознося ихъ похвалами. Помню только, что когда меня допрашивали подробнѣе, я иногда отвѣчалъ, что онъ не во всемъ себѣ равенъ, ибо

взящѣе и возвышеннѣе на народномъ языкѣ, чѣмъ на латинскомъ, и въ прозѣ и въ стихахъ“ (II, 285).

Біографію Данте Боккаччо написалъ около 1363—4-хъ годовъ, въ Чертальдо. Это панегирикъ и публицистическая статья, основанная на историческихъ данныхъ съ страстно-личнымъ освѣщеніемъ. „Здѣсь исторія и біографія служебны правоученію, и оно ширится въ общихъ мѣстахъ риторики; здѣсь та же совѣстливая критика и тѣ же ея недочеты, объясняемые неполнотою источниковъ и субъективизмомъ автора, невольно вычитывающимъ изъ фактовъ то, что было ближе къ его идеалу и пониманію“ (II, 288). Несмотря на субъективную окраску, біографія Данте должна считаться весьма цѣннымъ и любопытнымъ образцомъ историко-литературной монографіи, изобилующимъ многими новыми фактами, значительная часть которыхъ была признана критикою вполне вѣрной. Такъ, Боккаччо принадлежитъ честь открытія, что Беатриче была реальнымъ лицомъ, ему же принадлежитъ указаніе на женитьбу Данте на Джеммѣ Донати. Но въ изображеніи семейной жизни автора „Божественной Комедіи“, равно какъ и въ другихъ приводимыхъ подробностяхъ объ интимной жизни Данте, замѣчается преобладаніе увлеченія, литературная манера неисправимаго новеллиста. Во всякомъ случаѣ восторженное отношеніе Боккаччо къ Данте, при желаніи быть вполне къ нему безпристрастнымъ, множество фактовъ, записанныхъ по рассказамъ современниковъ, необыкновенная живость изложенія, — всѣ эти качества дѣлаютъ „Жизнь Данте“ очень интересной и важной монографіей. Съ нею и въ настоящее время необходимо считаться всякому, кто спеціально занимается Данте.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на тѣ главы біографіи, гдѣ Боккаччо развиваетъ свои взгляды на поэзію, взгляды, высказываемые и въ другихъ произведеніяхъ. „Поэзія — назиданіе: этотъ взглядъ лежитъ въ основѣ ея гуманистическаго

опредѣленія у Петрарки и Боккаччо“. Главнымъ мотивомъ защиты поэзіи отъ многочисленныхъ ея враговъ былъ принципъ аллегоризма. „Аллегоризмъ, какъ показатель общественнаго сознанія—а такимъ онъ былъ въ средніе вѣка—это безсознательное исканіе компромисса между разными моментами развитія, стараніе согласовать чужое со своимъ, либо узаконить дорогое прошлое въ обязательномъ настоящемъ, объяснивъ его съ точки зрѣнія этого настоящаго“ (II, 316). „Само собою понятно, что аллегоризмъ долженъ былъ явиться и „на защиту поэзіи мѣа, какъ прежде объяснялъ его содержаніе“ (II, 317).

Подобно тому, какъ Декамеронъ завершаетъ періодъ мудрости и господства по преимуществу художественныхъ тенденцій,—„Генеалогія боговъ“ заключаетъ періодъ научной зрѣлости Боккаччо. Трактатъ этотъ писался очень долго и составляетъ продуктъ самыхъ разнообразныхъ зачатій. Особенностью его—одною изъ главныхъ—является „преобладаніе компилятивно-собирательнаго элемента надъ критицизмомъ при желаніи критики“ (II, 387). Мѣа у Боккаччо „оказывались поочередно отраженіями прошлаго, правоучительнымъ апологомъ, откровеніемъ естественныхъ законовъ“ (II, 397). Нельзя полагать, что „Генеалогія“ представляютъ собою исключительно мѣологическій трактатъ. Авторъ съ мажорой намъ извѣстной вноситъ много страстности, личнаго элемента въ свой претендующій на ученость анализъ; онъ говоритъ о томъ, что его волнуетъ, и охотно впадаетъ въ дидактической и сатирической тонъ. Въ объясненіи мѣа онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія своего учителя греческаго языка, Леонтія Пилата, т.-е. является грубымъ эвмеристомъ. Боккаччо былъ первый гуманистъ, погрузившійся въ эллинскую мудрость и читавшій въ подлинникѣ Гомера. Онъ обязанъ этимъ упомянутому Леонтію Пилату. Судьба этого заходящаго грека и его отношеніе къ гуманизму въ высшей степени

интересны. Далекое не обезпеченный Боккаччо содержитъ у себя голоднаго грека и терпѣливо переноситъ все его причуды, чтобы усвоить необходимыя познанія въ греческомъ языкѣ и мѣологіи. Характеристика Леонтія у Боккаччо и Петрарки далеко не въ его пользу. „Человѣкъ онъ съ виду страшный, некрасивый лицомъ, съ длинной бородой и черными волосами, всегда погруженный въ свои мысли, неотесанный и непривѣтливый“. Знакомство съ нимъ Боккаччо относится къ 1359 г. Къ концу 1361 г. Леонцій окончилъ для своего ученика-хозяина переводъ Иліады и Одиссея, т.-е. пробылъ у него около трехъ лѣтъ. Петрарка безъ труда разгадалъ личность и характеръ учености Леонтія. Онъ отмѣчаетъ строптивость грека, измѣчивость его рѣшеній, непостоянство, ипохондрию. „Марморійскій левъ въ лихорадкѣ не мечется такъ безпокойно и страстно по берлогѣ, какъ нашъ левъ по свѣту“ (II, 363). Какъ бы то ни было, только благодаря Леонтію, наши гуманисты (Боккаччо и Петрарка) впервые познакомились съ Гомеромъ; онъ положилъ начало гомеровскому вопросу въ Италіи.

Къ 1361 г. относится такъ называемое „обращеніе“ Боккаччо, явившееся въ результатѣ бесѣды съ мистически настроеннымъ монахомъ Чьяни. Чьяни убѣдилъ гуманиста отказаться отъ мірскаго науки, и чтобы доказать свою сверхъестественную миссію открылъ ему тайну, о которой никто не могъ знать, кромѣ Бога. Боккаччо былъ убѣжденъ и согласился на все.

Въ 1361 году Боккаччо сдѣлалъ попытку пристроиться при дворѣ Аччяйоли. Побуждаемый его приглашеніями и увѣщаніями его секретаря Неалли, онъ отправился въ Неаполь, гдѣ пробылъ около шести мѣсяцевъ. Въ 1363 г. Боккаччо былъ въ Венеціи у Петрарки и оттуда послалъ свое знаменитое письмо „мессеру Франческо“, памфлетъ ярче Корбаччо „негодующій и сдержанно-ироническій, въ которомъ достается

и слабому, покладистому Нелли, и интеллигентному барину изъ мѣщанъ, державшему покровъ въ людской, Аччяйюли“. Письмо написано такъ страстно и ярко, рисуетъ такъ хорошо отношенія Аччяйюли-мецената къ гуманистамъ, даетъ такую полную картину жизни при дворѣ этого вышедшаго въ люди купца, что Боккаччо имѣлъ полное право закончить его слѣдующими словами: „Трогать улей ось и не ожидать укуловъ всего роя могутъ только дѣти; небольшой ударъ о головню заставляетъ разлетѣться тысячи исеръ. Потому берегитесь, не раздражайте меня своими нареканьями, ибо ты узнаешь, что въ этомъ искусствѣ я сильнѣе, чѣмъ ты полагалъ. Ты вымылъ мнѣ голову холодной водой, я обрилъ тебя, какъ и слѣдовало, зазубреннымъ ножомъ; что не додѣлано, сдѣлается, если ты не оставишь меня въ покоѣ. Упаси тебя Боже!“

Въ 1363 г. Боккаччо поселяется въ своемъ маленькомъ помѣстьѣ, въ Черталдо, гдѣ ведетъ бѣдную, но независимую жизнь, оживленно переписываясь съ Петраркой и другими. Слѣдующіе годы доставляютъ мало біографическаго матеріала, притомъ неравномѣрно расположеннаго; особенно загадочна побѣдка гуманиста въ Неаполь въ 1370 г. Тамъ „ему дѣлаютъ предложенія, хотѣтъ его устроить на покоѣ, онъ отказывается; во всемъ замѣтна какал-то первая суетливость, накопленіе контрастовъ: пониженное самолюбіе и риторизмъ похвалъ, чувство свободы—и печальная необходимость благодарить за подаеніе, и старая обидчивость, не знавшая мѣры укоризнамъ“ (II, 526).

Таково, напр., письмо къ одному аббату, оказавшему мало вниманія Боккаччо. Въ 1371 г. мы находимъ его въ Черталдо, откуда онъ пишетъ замѣчательныя во многихъ отношеніяхъ письма; сомнѣнія и колебанія разрѣшаются въ смыслѣ горькаго пессимизма. „Съ большой отважностью я вступилъ на торный путь, съ жадной славой, въ надеждѣ на своего

воевдя-учителя; я шелъ по слѣдамъ тѣхъ же, что и ты (Б. пишетъ Пиццинге), но позволялъ себѣ увлекаться домашними и общественными дѣлами, меня пугали вершины, ухидившія выше неба, и я слабѣлъ, падалъ духомъ, отчаяваясь достигнуть цѣли, отсталъ, уже состарѣвшись, отъ руководителей; что всего хуже, не въ силахъ ни вернуться, ни идти впередъ. Такъ, если не случится чуда, я завѣщаю могилѣ, вмѣстѣ съ тѣломъ, и безславное имя“ (II, 535).

Болѣзнь гуманиста, не столько тяжелая, сколько мучительная, нѣсколько отвлекала его отъ излюбленныхъ занятій; тѣмъ не менѣе онъ счелъ возможнымъ принять приглашеніе флорентійцевъ—читать лекціи, посвященныя толкованію „Божественной Комедіи“. Выборъ былъ сдѣланъ самый удачный; во всей Итали не нашлось бы болѣе подготовленнаго преподавателя. Боккаччо съ радостью принялъ лестное предложеніе и рыно принялся за дѣло. „У него была любовь къ предмету, подъ руками матеріалы дантовской біографіи, умѣние вращаться въ аллегорическихъ тонкостяхъ, громадный запасъ свѣдѣній, необходимыхъ для комментаріевъ, былъ готовъ въ Генеалогіяхъ боговъ, въ книгахъ о великихъ женщинахъ и мужахъ, въ Географическомъ словарѣ“.

„Его чтенія, въ сущности концептъ, разработанный неравномѣрно, но по строго придуманному плану: онъ напередъ распредѣлялъ матеріалъ толкованій; встрѣчался съ извѣстнѣмъ сюжетомъ, ихъ вызывавшимъ, онъ замѣчаетъ, напр., что поговорить о немъ подробно въ другомъ мѣстѣ, по поводу такой-то пѣсни“ (II, 559).

Боккаччо читалъ публикѣ обоого пола въ церкви св. Стефана. Съ подготовкой своей аудиторіи онъ повидимому не былъ знакомъ; отсюда цѣлый рядъ недоразумѣній и взаимное непониманіе. Такъ отдѣлъ дословнаго толкованія, обвинившій стилистическо-грамматическую и реальную стороны, не легко понимался, а еще труднѣе удерживался въ памяти. За тол-

кованіемъ по содержанію оставался не менѣй трудъ: объясненіе иносказательнаго смысла, общій путь котораго указанъ самимъ Данте. Здѣсь Боккаччо до мелочности послѣдователенъ, копаются въ частности съ неистощимымъ терпѣніемъ.

Разсужденія комментатора Боккаччо отличаются тѣмъ же извѣстнымъ уже намъ ригоризмомъ, который мы видѣли и въ прежнихъ его произведеніяхъ. Его приговоры строги и безапелляционны—въ этомъ отношеніи онъ иногда не соглашается и даже полемизируетъ съ Данте. Любитель конкретныхъ подробностей, чувственный рассказчикъ-повелитель проглядываетъ тамъ, гдѣ за содержаніемъ стоитъ лично пережитое событіе. Вліяніе чтеній Боккаччо было велико; многимъ, болѣе подготовленнымъ, они понравились. Но, конечно, явились и придирчивые критики—завистники и недоброжелатели; сохранились хвалебные и порицательные отзывы. Въ первыхъ слышатся ноты искренняго почитанія гуманиста, гиперболически воздается должное его заслугамъ; онъ—*bosca aninga* (золотой ротъ). Недоброжелатели явились и изъ лагеря крайнихъ дантофиловъ; кое-кто уязвлялъ Боккаччо—и старый гуманистъ взялся за свое старое оружіе—фѣдый памфлетъ. Проснулся авторъ „Корбаччо“ и письма къ Нелли. „Я посадилъ неблагодадную толпу на корабль ¹⁾, безъ сухарей и кормчаго, и покинулъ въ морѣ, ей невѣдомомъ, хотя она и считаетъ себя свѣдущей и знающей. Я еще надѣюсь, что слабое, непрочное судно станетъ вверхъ дномъ и что всѣ потерпятъ крушеніе, даже умѣющие плавать; а я буду смѣяться, стоя на высотѣ, это будетъ мнѣ утѣшеніемъ за понесенную обиду и обманъ“.

Изъ Черталъдо Боккаччо пишетъ полныя пессимистическихъ тоновъ письма къ Петраркѣ, который и теперь, какъ

¹⁾ Т.-е. посвятилъ ее въ тайны Божественной комедіи.

и прежде, оказываетъ ему нравственную поддержку. Своимъ прихѣтромъ бодрости и жизнерадостности, неустоящимъ трудомъ онъ долженъ былъ укрѣплять и утѣшать удрученнаго друга. Петрарка перевелъ на латинскій языкъ новеллу о Гривельдѣ и эта изысканная любезность тронула до глубины души Боккаччо.

Смерть Петрарки (18 іюля 1374 г., въ Арквѣ) была жестокимъ ударомъ для налѣга гуманиста. Онъ потерялъ друга одного съ нимъ повлѣнія, свисходительнаго, сочувствующаго и раздѣляющаго его интересы. Горе его припимаетъ экспансивный характеръ; онъ охотно о немъ пишетъ. „Я проплакалъ всю ночь, не о немъ, ибо я увѣренъ, что его нравы, его посты и молитвы, любовь къ Богу и ближнему сподобили его вѣчной славы,—но о насъ, которыхъ онъ покинулъ, какъ корабль въ бурю безъ кормчаго“.

Его „Versus pro Africa Petrarcae“ проникнуты гуманистическимъ воодушевленіемъ и является лебединой гѣснью памяти поэта и друга.

Смерть Боккаччо, послѣдовавшая 21 декабря 1375 г., открыла младшему поколѣнію гуманистовъ всю незамѣнимость утраты первыхъ учителей и вызвала общее сожалѣніе. Первые біографіи Боккаччо проникнуты чувствомъ искренней скорби.

Образъ Боккаччо, поставленный въ исторической перспективѣ А. Н. Веселовскимъ, „выиграетъ въ сходствѣ, если и утратитъ кое-гдѣ ту яркость, которая явилась результатомъ пониманія Ренессанса, какъ момента, съ героями начинателями, впервые выѣхавшими на полеванье противъ средневѣковыхъ страховъ“.

„Когда свѣтъ распредѣлится ровнѣе, яркихъ пятенъ будетъ меньше: гуманизмъ вмѣстѣ широкому общественному теченію, знаменитая новелла „о трехъ кольцахъ“ не станетъ больше вызывать идей вѣротерпимости, Декамеронъ не пред-

ставится внезапнымъ откровеніемъ міра плоти и радости, торжествующихъ надъ аскезой. Останется Боккаччо, художникъ-реалистъ, выразившій идеи своего времени въ формахъ и образахъ, которые времени не знаютъ" (II, 629).

„Боккаччо, его среда и сверстники“ слѣдуетъ не только читать, но и перечитывать. Вы всякій разъ будете открывать въ книгѣ новыя достоинства. Къ труду этому примѣнимъ со- вѣтъ старика Раблѣ:

„...vous conuient estre saiges pour fleurer, sentir et estimer ces beaux liures de haulte gresse, legiers au prochez et hardiz a la rencontre“.

Д

По ш

I.

17 января 1900 года исполнилось 300 лѣтъ со дня рожденія великаго испанскаго драматурга — Кальдерона де-ля Барка. За эти триста лѣтъ положеніе Испаніи радикально измѣнилось въ худшему. Эта страна въ наше время лишилась своихъ послѣднихъ колоній и сдѣлалась третьестепенной державой. Матеріальное благосостояніе Испаніи, ея промышленность находятся на низкомъ уровнѣ. Тоже слѣдуетъ сказать о просвѣщеніи и наукѣ. Исключеніе представляетъ художественная производительность, главнымъ образомъ изящная литература и живопись. На этихъ поприщахъ испанцы дѣлаютъ крупныя успѣхи и выдвигаютъ высокоталантливыхъ дѣятелей. Но о томъ богатствѣ и блескѣ литературы и искусства, какіе мы видѣли въ XVI в., въ настоящее время все же не можетъ быть рѣчи. Нація находится въ крайне неблагоприятныхъ условіяхъ для мирнаго преуспѣанія: достаточно указать на безпрестанныя внутреннія неурядицы и вѣншія войны.

Какъ бы то ни было, то, что мы называемъ эволюціей мысли, совершается въ Испаніи въ сравнительно ограниченныхъ предѣлахъ. Общественные, національные идеалы испанца нашего времени находятся *mutatis mutandis* на той ступени, на которой они были въ XVI и XVII ст. Это общее наблюденіе лучшихъ путешественниковъ по этой странѣ. Вліяніе

французских политических и общественных идей сказало в этой стране довольно слабо. Из многочисленных политических партий только монархическая имѣет силу и влияние, а враждебная династия партия, партия карлистовъ, съ которою только и возможно серьезно считаться, ратуетъ за принципы неограниченнаго монархизма временъ Филиппа II. Несмотря на полную свободу вѣроисповѣданія, испанскій католицизмъ чуждъ всякаго сектантства и крѣпко держитъ въ своихъ тискахъ громадное большинство націи. Отношенія правительства къ подданнымъ сохранили характеръ добродушія, безопасности и странной патриархальности. Подобно своимъ предкамъ, образованный испанецъ нашего времени считаетъ признакомъ хорошаго тона горделивый индифферентизмъ къ другимъ націямъ и даетъ чувствовать иностранцу свое прозрачное превосходство, опирающееся на сознание славнаго прошлаго. Національный характеръ испанца можетъ считаться вполне опредѣлившимся уже въ XVII в., это мнѣніе можетъ быть подтверждено ссылками на произведенія современной изящной литературы, отражающія психологію общества.

Исторія испанской литературы является по преимуществу національной. Она національна въ такой степени, что ни одна изъ европейскихъ литературъ не достигаетъ ея уровня въ этомъ отношеніи. Въ такой исключительности есть слабость и сильныя стороны. Присутствіе разныхъ чертъ спеціально-національнаго гения дѣлаетъ результаты творчества націи сравнительно мало доступными пониманію обществъ, выросшихъ въ другихъ условіяхъ. Изъ многочисленныхъ первостепенныхъ писателей Испаніи лишь одинъ получилъ мировое значеніе; идетъ рѣчь о несравненномъ авторѣ „Донъ-Кихота“.

Подобно Лопе-де-Вега и другимъ классическимъ писателямъ Золотого періода, Кальдеронъ не занялъ мѣста въ исторіи всемірной литературы, подобающаго его великому таланту. Въ немъ какъ нельзя ярче сказались все величіе и исклю-

чительность испанской литературы. Въ возвышенности настроенія, въ пафосѣ онъ превосходитъ даже Шекспира; онъ равенъ послѣднему и глубиной мысли. Въ формальномъ отношеніи онъ не знаетъ соперниковъ, и всѣ недочеты его манеры вполне искупаются необыкновеннымъ блескомъ стили, богатствомъ словаря и образностью рѣчи. При всемъ этомъ влияние Кальдерона на иностранныя литературы и даже на испанскую не особенно сильно—идетъ оно къ тому же отъ худшихъ сторонъ его творчества. Дѣлая значительная вѣтвь драмы, въ сущности созданная Кальдерономъ — аутосы — погибла, можно сказать, съ его смертію. Причина этихъ явленій кроется въ исключительности таланта Кальдерона; онъ умѣетъ дышать только испанскимъ воздухомъ, любить и ненавидѣть только своихъ соотечественниковъ. Историческое чутье у него отсутствуетъ не только въ изображеніи вѣншей, обрядовой стороны, но, что существеннѣе, въ воспроизведеніи міросозерцанія другихъ націй. Московскій царь, турецкій султанъ, ассирійская царица, польскій король—это испанскіе короли эпохи Кальдерона. Само собою разумѣется, эти черты не могли дѣлать произведенія этого драматурга популярными внѣ предѣловъ его отечества. Правда, французскій театръ обязанъ Кальдероу сюжетами нѣкоторыхъ замѣчательныхъ произведеній; въ Германіи, благодаря талантливымъ нѣмецкимъ критикамъ (В. Шлегель, Шмидтъ, Шагъ и друг.) имя Кальдерона получило значительную извѣстность; въ польской литературѣ Кальдеронъ вдохновлялъ Словацкаго, но въ общемъ все же влияние великаго драматурга далеко не соответствуетъ его громадному таланту. Кальдеронъ стоитъ уединенно и имъ восторгаются больше, чѣмъ наслаждаются. Онъ долженъ считаться не только талантиливымъ творцомъ многочисленныхъ комедій, трагедій, драмъ философскаго характера, но и единственнымъ новымъ поэтомъ католицизма и христіанства вообще. Кальдерона слѣдуетъ разсматривать, какъ въ высшей степени

замѣчательное, но при томъ рѣзко-индивидуальное явленіе и дѣйствіе не по степени вліянія на потомство.

Попробуемъ намѣтить наиболѣе характерныя черты творчества Кальдерона. Начнемъ съ самаго оригинальнаго и самобытнаго рода произведеній: религіознаго и философскаго содержанія. На первомъ мѣстѣ, по оригинальности, окажутся *autos sacramentales*.

II.

Современный читатель долженъ обладать извѣстной подготовкой, чтобы понимать своеобразную прелесть этихъ произведеній. Если символизмъ и аллегорія въ искусствѣ могутъ быть терпимы, то безъ сомнѣнія, лишь въ небольшихъ размѣрахъ. Между тѣмъ *autos sacramentales* ничего, кромѣ символизма и аллегоріи не заключаютъ. Возможно ли, однако, отрицать за ними право на названіе художественныхъ? Ни въ коемъ случаѣ. Попробуемъ пояснить свою мысль. Необходимо прежде всего вспомнить, что аутосы въ сущности не были театральными пьесами. Ихъ арена была шире и въ этомъ отношеніи они скорѣе приближались къ греческой трагедіи. Подобно послѣдней, аутосы предназначались для весьма многочисленной и разнообразной публики. Отъ короля до нищаго—все элементы общества участвовали въ зрѣлищѣ. Представленіе совершалось на площадяхъ, съ необыкновенно пестрой декоративной обстановкой, рассчитанной на дѣйствіе en gros. Мертвыя аллегоріи становились въ глазахъ неприхотливой публики, религіозной и суевѣрной, живыми лицами. Подобно сюжетамъ греческой трагедіи, сюжеты аутосовъ были близки и трогательны для всякаго зрителя. Кто не звалъ главныхъ событій Ветхаго и Новаго Завѣта? Кто не звалъ главныхъ фактовъ Сблблейской исторіи? Кто не раздѣлялъ мукъ грѣхопадѣнія прародителей? Кто не задумывался надъ пер-

спективной неминуемой вазни смерти и не ожидалъ вѣчной жизни? Кто не чувствовалъ силы злого духа, борьба съ которымъ безъ участія небесныхъ силъ была невозможна? На все эти и аналогичные вопросы зрители находили ясное и всемъ понятные отвѣты. Въ постановкѣ и обработкѣ сюжетовъ много было наивнаго, много примитивнаго, но была бездна искренности, воодушевленія, глубокаго религіознаго чувства и перловъ лиризма. Таими именно качествами отличаются аутосы Кальдерона. Познакомимся въ самыхъ общихъ чертахъ съ наиболѣе типичными. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить „Пиръ Вальтасара“. Участвуютъ: Вальтасаръ, Идолопоклонство (дама), Тщеславіе (дама), Давидъ, Мысль, Смерть, Статуя на лошади, Музыканты. Какъ видите, разнообразіе персонажей большое. Роль большинства конечно уже опредѣляется самими названіями. Вы догадываетесь, что Идолопоклонство и Тщеславіе будутъ совращать всячески Вальтасара съ праведнаго пути. Давидъ будетъ, какъ въ библіи, истолкователемъ загадочныхъ словъ. Смерть явится въ роли судьи, а Мысль своими аргументами сообщить Вальтасару то или другое настроеніе. Содержаніе пьесы элементарное, почти дѣтское. Однако, несмотря на такую характеръ фабулы, читатель и зритель находятъ извѣстное, довольно высокое удовлетвореніе. Когда Мысль краснорѣчиво излагаетъ тѣ виды и формы, которыя она принимаетъ, мы присутствуемъ при весьма толковомъ психологическомъ анализѣ и любимъ картинами самыхъ разнообразныхъ душевныхъ положеній. Когда Идолопоклонство и Тщеславіе рекомендуютъ себя слушателямъ, мы видимъ пестрые и грубые, но все же художественные образы. Когда Смерть появляется на сценѣ и бесѣдуетъ съ Мыслью, въ рядомъ съ гнѣбными фразами читаете глубокія мысли. По приказанію Давида, Смерть должна сдѣлать предостереженіе Вавилонскому царю. Она показываетъ царю росписку, имъ выданную, по которой царь обя-

зался предаться въ руки Смерти по первому ея требованію. Все это могло бы вызвать улыбку, если бы не видѣли искренняго ужаса, написаннаго на лицѣ царя. Ясное сознание, глубокая увѣренность въ то, что все земное — рядъ преходящихъ, случайныхъ явленій, что смерть есть переходъ къ новой вѣчной жизни сквозитъ во всякой строкѣ. Дѣйствіе развивается быстро, развязка застигаетъ врасплохъ зрителя, Вальтасаръ погибаетъ отъ *шпани* Смерти, — и при всемъ этомъ пьеса производитъ впечатлѣніе глубокой религиозностью, пафосомъ и возвышенностью настроенія.

Послѣднее въ высокой степени проявляется въ другомъ аутосъ „Жизнь есть сонъ“, не имѣющемъ ничего общаго съ драмой Кальдерона подъ тѣмъ же заглавіемъ: эта пьеса имѣетъ натурфилософскій характеръ. Она стремится наглядно выяснитъ отношеніе различныхъ стихій и силъ природы къ человѣку, къ его разуму и волѣ. Необыкновенно ярко изображается споръ о первенствѣ четырехъ стихій, разрѣшаемый появленіемъ высшей силы (Poder) мудрости и любви. Стихию призваны въ согласной дѣятельности и примираются, создавая человѣка. Тьма и князь тьмы смущены столь дружнымъ дѣйствіемъ силъ природы и рассказываютъ, какимъ образомъ создано было человеческое существо. Они хотѣли бы совратить созданіе Божье, но на помощь человѣку является *Свѣтъ благодати*, который наставляетъ его въ первыхъ шагахъ. Четыре стихіи привѣтствуютъ человѣка, а Благодать посылаетъ ему на помощь разумъ. Кромѣ *разума*, спутникомъ человѣка является свободная воля. Князь тьмы смущаетъ его своими совѣтами и убѣждаетъ сорвать запрещенный плодъ. Всѣ стихіи приходятъ опять въ разладъ и воцаряется тьма. Мудрость возвращаетъ человѣку потерянное равновѣсіе и свободу, стихіи снова приходятъ въ полное согласіе, и пьеса оканчивается торжественнымъ гимномъ всей природы.

Gloria a Deus en las alturas,
Y paz al Hombre en la Tierra!

Нѣсколько иной характеръ имѣетъ аутосъ: „*Къ Богу отъ причины бытія*“ (*A Dios por razon de Estado*). Дѣйствующія лица очень много, среди нихъ: Разумъ, Мысль (сумасшедшая), Язычество, Синагога, Африка, Атеизмъ, св. Павелъ, Брещеніе, Священство, Бракъ, Законъ благодати и друг. Драматическаго дѣйствія даже въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно имѣется въ рассмотрѣнныхъ аутосахъ, здѣсь нѣтъ: какъ видно изъ заглавія, все направлено къ тому, чтобы убѣдить незнающихъ истиннаго Бога или Его отрицающихъ въ Его существованія. Приводятся самыя разнообразныя религиозныя и натурфилософскіе аргументы, подъ влияніемъ которыхъ противники уступаютъ. Жизнь діалога способствуетъ интересу пьесы, а вставные живописные эпизоды, вродѣ появленія Африки въ видѣ негрятянки, пляшущей и распѣвающей пѣсни, должны были способствовать ея (пьесы) сценичности. Только ваивное религиозное чувство могло примириться съ появленіемъ на сценѣ воплощенія таинствъ, съ хитроумной аргументаціей Язычества, Разума, Атеизма и проч. Трудно представить себѣ, чтобы въ настоящее время наименѣе религиозная нація допустила у себя такого рода пьесы, профанирующія самыя высочайшія представленія христіанства, — но публика Кальдерона обладала столь живой вѣрой, столь пылкой фантазіей, воплощающей самыя отвлеченныя понятія въ конкретныя формы, что ее не могли смущать эти соображенія, и она укрѣплялась на этихъ представленіяхъ въ вѣрѣ, почерпала вдохновеніе для борьбы съ ересью. Аутосы могли вырасти только на испанской почвѣ. Типичную форму дакъ имъ Кальдеронъ, представивъ и лучшіе ихъ образцы. Дальнѣйшее развитіе было немислимо и послѣ Кальдерона аутосы какъ бы застыли; мы не находимъ въ нихъ никакихъ новыхъ мотивовъ.

Перехожу къ собственно-религіознымъ драмамъ, минуя драмы о чудесахъ Богородицы, чудесахъ святыхъ, обработки сюжетовъ ветхозавѣтныхъ и обращаю вниманіе на весьма извѣстнаго „Чудеснаго мага“ и менѣе извѣстную драму „Два любовника неба“.

„Чудесный магъ“ справедливо сближается съ легендой о Теофилѣ и, не безъ натяжекъ, съ легендой о Фаустѣ, въ сущности протестантской. Великому замыслу изобразить обращеніе языческаго философа въ христіанство, при посредствѣ любви, съ одной стороны и жажды истины—съ другой, соотвѣтствуетъ мощная сценизація, возвышенный пафосъ, заставляющіе относиться снисходительно къ нѣкоторымъ наивнымъ подробностямъ, вродѣ появленія демона, привидѣнія и друг. Кромѣ того, въ этой пьесѣ замѣчательны реальныя и тонкія психологическія наблюденія (зарожденіе чувства любви у Хустины, страсть Кипріяна) рядомъ съ умѣло обрисованными картинками природы. Достаточно вспомнить тѣ искушенія, которымъ подвергается со всѣхъ сторонъ христіанская героиня. Поэтъ необыкновенно тонко изобразилъ душевное состояніе Хустины, которой кажется, что вся природа убѣждаетъ ее совершить сладкій грѣхъ, дыша опяняющей страстью.

Необыкновенно сильна основная мысль пьесы *Los dos Amantes del Cielo*. Есть черты поистинѣ великолѣпныя, напр. характеръ женщины, которая желаетъ полюбить лишь того, кто изъ-за нея умеръ, т.-е. распятаго Христа. Весьма близко въ Кипріяну „Чудеснаго мага“ Хрисантъ философъ, другой герой этой пьесы. Ему, язычнику, попадаетъ Евангеліе св. Іоанна, начало котораго внушаетъ сомнѣніе въ языческой мудрости и стремленіе исканія истины. Ее онъ и обрѣтаетъ въ христіанствѣ, въ которому пріобщается при содѣйствіи пустынножца по имени Павла.

Фатализмъ чисто религіознаго характера лежитъ въ основѣ

драмы *La Devoción de la Cruz*. Необыкновенная преданность героя пьесы символу христіанства спасаетъ его въ роковыя минуты его жизни. Чудесное вмѣшательство креста въ судьбу Евсебія имѣетъ скорѣе значеніе не вѣшняго ассессуара символическаго: въ сущности его спасаетъ не знавъ креста, а глубокая вѣра въ Христа непокидающая его. Впрочемъ, эта мысль выражена не особенно ясно, такъ какъ поэтъ увлекается эффектными положеніями и конкретными подробностями. Пьеса изобилуетъ необыкновенно сильными сценами и выдержана въ высокомъ патетическомъ тонѣ.

„Стойкій принцъ“—одно изъ лучшихъ произведеній Кальдерона. Сюжетъ пьесы—историческій, высоко драматическій самъ по себѣ. Португальскій инфантъ былъ въ дѣйствительности христіанскимъ Регуломъ. Съ необыкновеннымъ искусствомъ Кальдеронъ придавъ разнообразіе фабулѣ, осложнивъ ее романомъ Фелинсъ и дружбой мусульманина Мулеа. Фернандо, „Стойкій принцъ“, является не только святымъ, но и рыцаремъ. Онъ не только пассивный мученикъ, страдающій отъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, но и дѣятельный военачальникъ, умѣющій одерживать побѣды и ориентироваться среди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Въ его отказѣ сдать Сеуту въ обмѣнъ за свою свободу высказывается вся его великая душа.

Мы, братья по Христу,
Толкнемъ дѣтей и нѣжныхъ сыновей
На растерзанье варваровъ, чтобъ мавры
Обрадамъ низкимъ научили ихъ?
Мы предадимъ истыдѣвшему рабству,
Оковамъ и цѣпямъ и пугаламъ пачаей
Слыхъ отцевъ, и жень и матерей
Чтобы жизнь спаси мой?! Что я такое?
Ничтожнѣйшій и бранный человекъ!
Я рабъ теверъ, инфанта вѣтъ... Узель
Разумю жизнь раба купить цѣною
Десятковъ живней и дѣтей и старцевъ?
Что значить смерть? Потера бытія.

Я истерзалъ его на ножѣ брани;
Я умеръ, я мертвецъ... за мертвеца
Не гибнуть сыновья Христовой церкви,
Не гибнуть братья!..

Когда Мароквскій принцъ убѣждаетъ его отдать твердью Сеуты, Фернандо замѣчаетъ:

Онъ не мнѣ,—Творцу принадлежитъ.

Тебя ждетъ смерть! говоритъ ему султанъ. „Не смерть — начало жизни“, — возражаетъ инфантъ. Такимъ до конца дней своихъ останется благородный Фернандо, возбуждая удивленіе и въ своихъ врагахъ. Драматическое дѣйствіе развивается равномерно на всемъ протяженіи пьесы. Даже при чтеніи нѣкоторыя ея мѣста производятъ сильное впечатлѣніе. Достаточно указать на встрѣчу убитого горемъ и нуждою инфанта съ мароквскимъ царемъ; вспомнимъ его возвышенные призывы къ человѣколюбію и состраданію. Кальдеронъ нѣсколько измѣнилъ историческую фабулу, умысленно забывъ о времени, истекшемъ между смертью и выкупомъ тѣла принца; онъ представляетъ эти событія слѣдующими другъ за другомъ.

Философскія драмы Кальдерона не могутъ быть безъ натяжекъ исключаемы изъ группы религиозныхъ. „Чудесный магъ“, „Поклоненіе Кресту“ пронизаны, кромѣ глубокой религіозности, философскою тенденціею. Отъ нихъ лишь одинъ шагъ къ такимъ произведеніямъ, какъ „Жизнь есть сонъ“ и „Въ этой жизни все истина и все ложь“. Надъ сознаниемъ случайности и непрочности земного бытія царитъ спокойная увѣренность христіанина, что за этимъ призрачнымъ міромъ есть область совершенно объективнаго, единственно вѣрнаго существованія.

И въ настоящее время немногія духовныя организаціи достигаютъ полнаго сознания неустойчивости и условности нашего существованія. Обыкновенно жизнь предъявляется свои мучительные запросы, требующіе постоянной траты энергіи

для разрѣшенія ихъ и поддержанія иногда тяжелаго жизненнаго бремени. Слова Гёте:

Лишь тотъ достоинъ жизни и свободы
Кто ежедневно съ бою ихъ беретъ!

находить въ большинствѣ случаевъ мучительное оправданіе. Громадное большинство людей одарено такими сильными инстинктами жизни, что склонно видѣть въ ней единственную форму нашего существованія, а угрозы относительно тщеты, суетности его являются почти всегда лишь условными формулами, повторяемыми на вѣру изъ новоевропейскихъ писателей. Кальдеронъ рѣзко и отчетливо впервые высказалъ мысль, подчеркиваемую послѣдствіемъ Гёте: *все преходящее — есть только сравненіе*. Шекспиръ лишь въ „Бурѣ“ и „Гамлетѣ“ приближается къ столь отвлеченному міросозерцанію. Написать драму, въ которой бы проводилась не только необходимость сознанія непрочности человѣческой жизни, но, кромѣ того, указывался бы и практической выводъ изъ этого положенія, дѣйствительно заманчивая задача. И Кальдеронъ превосходно справился съ ней въ драмѣ „Жизнь есть сонъ“. Сюжетъ этого произведенія, переведеннаго весьма талантливо на русскій языкъ г. Петровымъ, многими извѣстенъ. Идетъ рѣчь о томъ, какъ польскій король Василій, умѣвший угадывать судьбу по теченію звѣздъ, узналъ, что отъ его единственнаго сына грозитъ гибель и ему самому и цѣлому государству. Чтобы избѣжать столь злополучной перспективы, Василій призываетъ воспитать Сигизмунда въ уединенной башнѣ, какъ дикаго звѣря, отдѣливъ его отъ общенія съ людьми и приставивъ къ нему вѣрнаго слугу Клотальдо. Какъ мудрый человѣкъ, Василій все же сознаетъ, что звѣзды могли ввести его въ заблужденіе. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній и совѣтовъ друзей, Василій рѣшается подвергнуть своего сына испытанію. Во время сна его переносятъ во

дворецъ, гдѣ послѣ пробужденія ему оказываютъ непреклонное повиновеніе и отдають царскія почести. Сначала Сигизмундъ не вѣритъ своему счастью, но, убѣдившись, что не спитъ и не грезитъ, проявляетъ свои чудовищные инстинкты. Онъ убиваетъ придворнаго, посягаетъ на честь понравившейся ему Розауры, грозитъ смертью воспитателю и даже самому королю. Василий долженъ признать, что звѣзды говорили правду. Сигизмундъ вернется къ прежнему ничтожеству. Ему дадутъ выпить снотворнаго напитка и перевести въ старое жилище. Когда онъ пробуждается и вспоминаетъ свое прежнее величіе, его убѣждаютъ, что это былъ лишь сонъ... Сигизмундъ долженъ признать, что все въ мірѣ призрачно и обманчиво.

Что наша жизнь? одно безумье!
Одна иллюзія она,
Одна лишь тѣнь, мечты созданья,
И въ ней великое ничтожно.
Вся наша жизнь лишь сновидѣнье,
И сновидѣнья также сонъ.

Когда судьба снова улыбается Сигизмунду, онъ, послѣ столь чувствительнаго урока, дѣлается мудрымъ и уравновѣшеннымъ правителемъ.

Моимъ учителемъ былъ сонъ!
Я все еще боюсь, что снова
Проснусь и вновь себя увижу
Въ темницѣ мрачной и печальной.
А если этого не будетъ,
То все же наша жизнь лишь греза,
И знаю я, что наше счастье
Проходитъ словно легкій сонъ.
Хочу я насладиться имъ,
Покуда будетъ длиться онъ!

Слабѣе выражена та же мысль о сущности нашей жизни въ драмѣ: *„Въ этой жизни все истина и все ложь“*, гдѣ два отрока, воспитанные пастухомъ, переносятся императоромъ

Фокой во дворецъ для испытанія, кто именно изъ нихъ сынъ законнаго императора, свергнутаго съ престола. Въ пьесѣ есть прекрасныя сцены, напр. разговоръ имп. Фоки со старымъ воспитателемъ молодого принца и его товарища. Оба юноши называли себя сновьями императора Гераклія, хотя эта честь должна имъ стоить жизни. При всѣхъ своихъ достоинствахъ рассматриваемая пьеса ни по глубинѣ мысли, ни по сценичности не достигаетъ уровня драмы *„Жизнь есть сонъ“*.

Обращаемся къ разсмотрѣнію трагедіи Кальдерона. Стѣдя усвоенному нами приему, постараемся представить характеристику главныхъ образовъ этой группы.

III.

На первомъ мѣстѣ стоитъ *„Алькальда изъ Саламеи“*. Этой трагедіи должно быть отведено едва ли не первое мѣсто среди всѣхъ произведеній Кальдерона, и ее слѣдуетъ помѣстить въ ряды первостепенныхъ произведеній европейской литературы. Необыкновенный реализмъ пьесы, чуждой не только сверхъестественности, но и всякой вычурности и замысловатости интриги, уживается съ высочайшимъ настроеніемъ по истинѣ трагическаго пафоса. Пьеса замѣчательна между прочимъ и потому, что въ ней Кальдеронъ изъ условной аристократической и дворянской сферы перешагнулъ въ жизнь простолюдина, столь же, если не болѣе доблестнаго, какъ и его старшіе братья. Содержаніе *„Алькальда изъ Саламеи“* (существуетъ переводъ на русскій языкъ этой пьесы) весьма незамысловатое. Во время похода Филиппа II и въ Португалію солдаты на стоянкахъ вели себя крайне нагло и обижали мирное населеніе. Особенно много насилій творили молодые офицеры изъ аристократическихъ семействъ. Одинъ изъ такого рода случаевъ драматизировалъ Кальдеронъ въ *„Аль-*

каждь из Саламеи⁴. Офицеръ изъ отряда знаменитаго Лопе де Фигероа совершилъ гнусное насиліе надъ дочерью богатаго и честнаго поселяннина Пьетро Креспо. Обиженный отецъ обращается къ обидчику, умоляя бракомъ загладить грѣхъ. Онъ говоритъ ему какъ человекъ человѣку, какъ христіанинъ христіанину. Офицеръ надменно отказывается. Къ счастью Креспо, его въ это время извѣщаютъ объ избраніи въ алькальды. Тогда старикъ мгновенно преобразается. Мѣсто убитаго горемъ отца занимаетъ строгій и справедливый судья. Быстро совершается судъ и провозносится приговоръ: офицеръ долженъ умереть. Казнь немедленно совершается. Конфликтъ между Лопе де Фигероа и Пьетро Креспо, между войсками и гражданами устраняется появленіемъ короля, который признаетъ правымъ алькальда. Несчастная дѣвушка дѣлается монахиней.

Чтобы понять все обаяніе этой глубокой и простой трагедіи, необходимо видѣть ее на сценѣ. Пишущій эти строки видѣлъ въ роли алькальда стараго превосходнаго актера Вико. Навивность стараго поселяннина, его чувство собственнаго достоинства, гражданскія чувства, превосходно отгнѣняются въ живыхъ, не лишенныхъ комизма сценахъ, бесѣдахъ Креспо съ генераломъ Фигероа. Креспо, отдавая должное званію своего собесѣдника, ни на юту не поступаетъ личнымъ достоинствомъ и держитъ себя какъ равный съ равнымъ. Онъ полонъ достоинства и въ разговорѣ съ королемъ. Но верхъ сценическаго совершенства представляетъ сцена, въ которой старикъ изъ жалваго, убитаго горемъ отца преобразается въ праведнаго неумолимаго судью. Эта сцена могла бы украситъ любую пьесу Шекспира. Единственнымъ слабымъ мѣстомъ трагедіи является признаніе дѣвушки отцу, чрезвычайно витиеватое, преисполненное метафоръ и необыкновенно трудное для дѣламации. Видно вліяніе литературной манеры худшаго направленія. Пьеса „Алькальдъ изъ Саламеи“ должна

считаться единственной вполне демократической и реальной въ ряду произведеній Кальдерона. Мы не желаемъ сказать, что въ другихъ трагедіяхъ и комедіяхъ, изображающихъ съ той или другой стороны современную Кальдерону жизнь, онъ расходился съ дѣйствительностью, наоборотъ, онъ всюду добросовѣстно ее воспроизводитъ, но его наблюденія касаются аристократической и дворянской жизни и ея интересовъ. *Честь* и притомъ узко-сословная—вотъ главный основной мотивъ не только трагедій, но и многочисленныхъ комедій Кальдерона, однообразныхъ по духу, при всемъ разнообразіи фабулы и интриги. Одною изъ наиболѣе типичныхъ пьесъ этой категоріи можетъ считаться „*За тайную обиду—тайное мщеніе*“. Въ сценическомъ отношеніи эта трагедія удовлетворяетъ самымъ изысканнымъ требованіямъ. Дѣйствіе развивается правильно и быстро. Развязка полна трагизма. Но основная идея врядъ-ли можетъ кого-либо удовлетворить. Само по себѣ мщеніе—чувство недостойное. Мы понимаемъ героизмъ прямого, непосредственнаго взрыва негодованія, обиды, ведущей за собою насиліе надъ обидчикомъ. Но если месть долго созрѣваетъ, если считающій себя оскорбленнымъ заманиваетъ въ сѣти интриги свою жертву, тогда весь этотъ процессъ внушаетъ глубокое отвращеніе. Въ трагедіи „*За тайную обиду—тайное мщеніе*“ сюжетъ имѣетъ именно такой характеръ. Мужъ убиваетъ друга, любящаго его жену, а также послѣднюю, съ жестокостью и злорадствомъ, не обнаруживая ни капли жалости и раскаянія. Сколь человѣчнѣе великій Отелло, страдающій прежде чѣмъ рѣшиться на убійство Дездемоны такъ, что самая лютая казнь являлась бы благомъ для него! Послѣдняя рѣчь героя пьесы дона Лопе дышетъ необыкновеннымъ притворствомъ: онъ убилъ ее обдуманно и это не мѣшаетъ ему произнести надъ своей жертвой слѣдующую рѣчь:

„Горе меня душитъ (говоритъ Лопе королю); свѣа я могъ

вась узнать. Почти нѣтъ силъ говорить! ужась, ужась! Эта мертвая красота; этотъ цѣткъ, застывшій среди весны, моя жена! Ея ужъ нѣтъ, нѣтъ! Это моя жена! Моя благородная моя гордая, моя честная, моя чистая, какъ ангелъ, достойная вѣчной славы жена... Я любилъ ее такъ нѣжно... Король, выслушайте меня: я вбѣжалъ въ ея комнату, чтобы спасти мое сокровище, но было поздно, она испустила послѣднее дыханіе въ моихъ рукахъ... О, какой ужась! Теперь, король, вы не сважете, надѣюсь, что въ мое отсутствіе пострадаетъ мое домашнее счастье! Теперь, государь, ведите меня къ Маврамъ; я отдамъ имъ мою голову“.

Кальдеронъ неоднократно возвращается къ мотиву, являющемуся основнымъ въ трагедіи: „За тайную обиду—тайное мщеніе“. Не ревность, а сознание поруганной чести руководитъ дѣйствіями главныхъ героевъ.

Мы не будемъ разсматривать даже въ самыхъ общихъ чертахъ историческихъ пьесъ Кальдерона и такъ называемыхъ *комедій палача и шпана*. Первая ничего общаго съ исторіей, кромѣ именъ и названій, не имѣютъ. Онѣ воспроизводятъ современныя поэту общественныя отношенія. Вторая категория не внесла, послѣ Лопе де Вега, Тирсо де Молины и др., въ испанскій театръ новыхъ мотивовъ. Значеніе Кальдерона опредѣляется не его комедіями, обладающими многими достоинствами, а его религиозными и философскими драмами; здѣсь Кальдеронъ не имѣетъ соперниковъ. Религиозныя и философскія идеи его націи нашли въ немъ блестящаго выразителя. Достоинно удивленія, что въ творчествѣ Кальдерона философскій и поэтический элементы одинаково сильны. Строгий мыслитель, ригористъ въ области нравственности. Кальдеронъ ни на минуту не перестаетъ быть великимъ художникомъ слова, и рѣчь его полна образности и необыкновеннаго формальнаго блеска. Повторяю: Кальдеронъ—національный испанскій писатель въ большей степени,

чѣмъ Лопе де Вега и даже Сервантесъ. Въ его блестящей литературной дѣятельности выдѣлились задушевныя стремленія и идеалы испанскаго народа. Они остались въ своихъ основахъ непоколебленными и до настоящаго времени. Отсюда значеніе Кальдерона въ исторіи литературы. Въ немъ, какъ зеркалѣ, отразилась душа испанской націи. Кончу свою замѣтку сравненіемъ: если наши потомки черезъ 300 лѣтъ пожелаютъ познакомиться съ писателемъ, отражающимъ совокупность психическихъ чертъ русской націи, они обратятся къ романамъ Льва Толстого; въ немъ же не для этой цѣли обратятся и иностранцы. *Кальдеронъ де ля Барта* столь же націоналенъ и великъ, какъ *Левъ Николаевичъ Толстой*.

V.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ НЕМЕЦКАГО ОБЩЕСТВА XII И XIII В.

(По „Диалогу Чудесь“ Цезарія Гейстербохскаго).

Авторъ малоизвѣстнаго, но весьма богатаго содержаніемъ средневѣковаго латинскаго сборника „Dialogus miraculorum“ Цезарій Гейстербахскій род. во второй половинѣ XII ст. въ гор. Гейстербахѣ, близъ Кельна. Недавно (въ 1902 г.) родина почтила память своего замѣчательнаго сына памятникомъ.

О жизни Цезарія Гейстербахскаго мы имѣемъ мало свѣдѣній, по преимуществу, автобиографическихъ. Лѣтопись Гейстербахскаго монастыря называетъ Цезарія „учителемъ новиціевъ“ (послушниковъ).

Двумъ учителямъ обязанъ Цезарій какъ своимъ образованіемъ, такъ и нравственной зрѣлостью. Первый по имени Рудольфъ, пользовавшійся извѣстностью „даже въ Парижѣ“, руководилъ занятіями Цезарія въ области экзегетики и исторіи церкви, а также классическихъ писателей. Изъ церковныхъ писателей лучше другихъ извѣстны Цезарію: Св. Иеронимъ, св. Августинъ, св. Амвросій, Григорій Вел. (по образцу его „Диалога“ Цезарій написалъ свой). Подъ влияніемъ Энсфрида, кельнскаго священника (о немъ см. ниже) сложилось нравственно-религіозное міросозерцаніе Цезарія. Цезарій былъ строгимъ и примѣрной жизни монахомъ; это не мѣшало ему быть весьма наблюдательнымъ и любознательнымъ; плодомъ его досуговъ явился упомянутый нами „Диалогъ Чудесъ“. Ближайшее знакомство съ этимъ и другими трактатами Цезарія убѣждаетъ насъ, что мы имѣемъ

дѣло съ умнымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, объективнымъ и спокойнымъ рассказчикомъ, правдиво оцѣнивающимъ смыслъ излагаемыхъ событий и способнымъ къ рациональнымъ и логическимъ выводамъ. Цезарій умѣетъ въ немногихъ словахъ представить характеристику сложныхъ явленій. Для примѣра приведемъ очеркъ, сдѣланный Цезаріемъ, современнаго ему политическаго положенія вещей (1222 г.).

„... Въ наше время поднялся народъ Сарациновъ подъ предводительствомъ короля Саладина, сирійскаго полководца, онъ овладѣлъ Иерусалимомъ и св. землей. Противъ этого безбожнаго народа направлены три рати вѣрныхъ: первая подъ предводительствомъ Фридриха, вторая — его сына Генриха, третья съ Фридрихомъ, нынѣ царствующимъ во главѣ. Въ наше время латиняне вооружились противъ грековъ и завоевали Константинополь и часть этой имперіи. Въ это время возникла ересь альбигойцевъ, католическіе народы поколебались въ вѣрѣ, а государство французское и испанское влονται къ гибели — и не видно конца этихъ бѣдствій. Если умолчать о войнахъ между невѣрными, то окажется много войнъ и между христіанами: Франціей и Англійей, нѣмцами и французами — о нихъ мы всѣ знаемъ: въ прошломъ году неизвѣстный народъ напалъ на царство рутеновъ (русскихъ) и одно изъ племенъ уничтожилъ до тла; никто не знаетъ, что это за народъ, откуда онъ и куда направляется“.

Цезарій обладаетъ прекрасной памятью, даромъ легкаго и свободнаго изложенія и авторскою цепетильностью. Помѣщая въ свой сборникъ выдающіеся факты и рассказы, онъ тщательно провѣряетъ ихъ и вездѣ указываетъ на устные и даже письменные источники. Личнаго элемента и вымысла Цезарій не вноситъ, высоко цѣняя авторскую добросовѣстность.

„Диалогъ Чудесъ“ заключаетъ рядъ чрезвычайнаго интересныхъ бытовыхъ картинокъ, народныхъ преданій, повѣрій и вообще культурно-историческаго матеріала. Съ нѣкоторыми

отдѣлами этого матеріала мы познакомимъ читателя. Полагаемъ, что сообщаемые изъ первоисточника факты, освѣщающіе особенности давнопрошедшей жизни, могутъ имѣть интересъ для читателя; можетъ быть, ими воспользуются и специалисты-историки, принявъ во вниманіе значительный объемъ памятника и отсутствие не только въ русской, но и въ нѣмецкой литературѣ сколько-нибудь цѣльнаго этюда о Цезаріи Гейстербахскомъ.

Этому автору, кромѣ „Dialogus Miraculorum“, принадлежатъ трактаты „Vita Engelberti“, „Catalogus Archiepiscoporum Coloniensium“ „Vita S-ae Elisabeth Thuringensis“ и „Fasciculus moralitatum“.

Въ очеркъ, предлагаемый мною вниманію читателей, вошли факты, касающіеся духовенства, мірянъ, религиозныхъ суевѣрій и народныхъ преданій. Содержаніе сборника Цезарія этимъ, конечно, не исчерпывается, но все наиболѣе существенное нами, повидимому, отмѣчено.

I.

Трудъ Цезарія посвященъ разнообразнымъ явленіямъ жизни, но авторъ — монахъ, — вотъ почему большая часть діалога относится прямо или косвенно къ духовенству и религии. По прочтеніи діалога о духовенствѣ можно составить весьма округленное представленіе. Представленіе это далеко не отрадно: виновать въ этомъ отчасти самъ Цезарій, умѣющій только умалчивать о фактахъ, но не искажать ихъ. Онъ не всегда охотно передаетъ факты, черезчуръ ужъ компрометирующіе духовенство. При всемъ своемъ оптимистическомъ отношеніи къ нему, честный авторъ діалога мѣстами высказываетъ негодованіе. Такъ, напр., въ IX вн. 65 гл. обращается къ новіцію: „Ты видишь, какова небрежность нашихъ священниковъ“. Отъ умышленнаго умалчиванія

Цезарієм нѣкоторыхъ фактовъ діалогъ вовсе не пострадалъ; картинно, изображающихъ духовенство, болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы составить себѣ о немъ довольно ясное представление, далеко не оградное.

Если монастыри въ средніе вѣка и служили вообще убѣжищемъ лучшихъ людей своего времени, то относительно разсматриваемой эпохи этого сказать нельзя. Уже въ самомъ началѣ, толкуя о причинахъ, побуждающихъ поступать въ монастырь, Цезарій очень мало даетъ мѣста людямъ, надѣвающимъ клобуки по призванію. Вотъ какъ разсуждаетъ одинъ монахъ до поступленія: „Когда я сдѣлаюсь монахомъ и можно будетъ служить обѣдню, я сняну даже чашу и уйду“¹⁾. Но Богъ, по мѣтвію Цезарія, смилостивилъ его душу и сдѣлалъ изъ него примѣрнаго пріора. Въ 5-й гл. I кн. Цезарій говоритъ о причинахъ, побуждающихъ поступать въ монастырь; привожу эту характерную главу въ переводѣ: „Много есть причинъ обращенія: нѣкоторые дѣлаются монахами, повидимому²⁾, только по призванію или вдохновенію Бога, другіе по побужденію злого духа, нѣкоторые по какому-то легкомыслію, очень многіе по вліянію другихъ обстоятельствъ, какъ то: слова проповѣди, молитвы, примѣра набожности. Но есть *безчисленное множество* такихъ, которыхъ привлекаетъ къ ордену различнаго рода нужда, т.-е. бользни, бѣдность, плѣнь, стыдъ какой-нибудь вины, опасность жизни, боязнь или испытаніе³⁾ адскаго наказанія, стремленіе къ небесному отечеству“. Во многихъ главахъ Цезарій приводитъ примѣры поступающихъ изъ-за выгодъ въ монастырь. Вотъ нѣсколько довольно рельефныхъ. Когда магистръ Степанъ изъ Витре (на рѣкѣ Vilaine въ Бретани)

¹⁾ Гл. 3, V кн.

²⁾ Converti videntur.

³⁾ Бывали случаи, когда человекъ при жизни видывалъ адскія муки (объ этомъ ниже).

пришелъ въ Клервѣ и просилъ принять въ монастырь; всѣ монахи обрадовались ученому собрату, но Бернардъ вскричалъ: „Дьяволъ его привелъ, одинъ пришелъ одинъ и уйдетъ“. Онъ былъ правъ: Степанъ пришелъ съ дѣлюю заставить нѣкоторыхъ бѣльцевъ, бывшихъ его учениковъ, вернуться въ свѣтъ. Годъ онъ пробылъ въ монастырѣ, но его убѣжденія не дѣйствовали, и магистръ ушелъ со стыдомъ. Такъ сбылось предсказаніе Бернарда (I, 9). Въ этой же кн., 29 гл. разсказывается о каноникѣ, обокравшемъ кѣрику и поступившемъ въ монастырь, чтобы избѣжать наказанія. Въ 20-й гл. той же кн. юноша обезчестилъ монахиню, и это побудило его поступить въ монастырь. Гл. 31 разсказываетъ о баронѣ, который избѣжалъ смертной казни поступленіемъ въ монастырь. „Часто я слышалъ про подобныя этимъ факты, говоритъ Цезарій, т.-е., что люди порочные, преслѣдуемые за свои преступленія, спасались заступничествомъ ордена“.

Одинъ монахъ говоритъ: „Конечно, если бы я имѣлъ успѣхъ въ своихъ дѣлахъ, не поступилъ бы въ монахи“ (I, 28). Новицій Леоній возвращается въ свѣтъ, когда за него обѣщаютъ заплатить долги (I, 14)¹⁾. Схоластикъ поступаетъ въ монастырь, когда послѣдній покрываетъ его долги (IV, 62). Одна монахиня ушла изъ монастыря и сдѣлалась публичной жепщиной. Черезъ 15 л. опять вернулась въ келью. Никто не замѣтилъ ея отсутствія: Богородица за нее молилась въ монастырѣ (VII, 34). Въ 13 гл. XI книги разсказывается про монаха, который трижды уходилъ и возвращался въ монастырь. Наконецъ подъ старость съ пустымъ кошелькомъ и

¹⁾ Молодой человекъ поступаетъ въ монастырь, но когда друзья уплатили его долги, возвращается къ прежней жизни (I, 12); другой наказанъ за отступничество страшной смертью (I, 15). Какой-то человекъ обманулъ всѣхъ своимъ наружнымъ благочестіемъ, но скоро измѣнилъ образъ жизни; наконецъ онъ убѣжалъ, укравъ деньги порученнаго его попеченіямъ пріора (VI, 21) и пр.

разбитымъ здоровьемъ окончательно утвердился въ своей кельѣ, гдѣ скоро умеръ, получивъ, конечно, мѣстечко въ царствіи небесномъ.

Другихъ примѣровъ не привожу, но и упомянутого достаточно, чтобы заключить, что очень часто, если не въ большинствѣ случаевъ, голова украшалась тонзурою не изъ-за пріобрѣтенія только царствія небснаго, а изъ-за болѣе существенныхъ выгодъ. Бывали, правда, случаи, когда въ монастырь поступали по призванію, но объ нихъ ниже. Вообще въ монастырѣ замѣчаются люди двухъ категорій: правдивы съ расчетливымъ умомъ, или восторженные, искренно преданные религіи энтузіасты.

Посмотримъ, какъ вели себя монахи въ монастыряхъ, и приведемъ нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ жизнь инововъ въ обители. Человѣкъ не измѣняется мгновенно; весь его духовный міръ, составленный изъ безчисленныхъ моментовъ прошедшаго, требуетъ продолжительнаго времени для перерожденія. Буйный рыцарь, скупой бюргеръ, свѣтская женщина, не могутъ, говоря вообще (при сильномъ психическомъ потрясеніи человѣкъ нѣрѣдко отрѣшается отъ прошедшаго), сдѣлаться кроткими, смиренными отшельниками, — вотъ почему примѣры отступничества, женолюбія, чревоугодія, разврата мы находимъ въ діалогѣ въ большинствѣ случаевъ между лицами, прожитавшими жизнь въ молодости. Я сказалъ „въ большинствѣ случаевъ“, имѣя въ виду довольно многочисленные случаи, когда рыцари, усердно работавшіе мечемъ и копьемъ въ молодости, съ такимъ-же рвеніемъ предавались подлостямъ самоистязаній. Вотъ нѣсколько довольно характерныхъ, на мой взглядъ, примѣровъ непостоянства монаховъ. Монахъ уходитъ изъ монастыря и дѣлается разбойникомъ: „лучшій между добрыми, потому сдѣлался худшимъ между злыми“ (II, 2). ✓

Монахъ дѣлается священникомъ, приживаетъ съ паломни-

цей дѣтей; однажды къ нему пріѣзжаетъ св. Бернардь; священникъ съ радостью встрѣчаетъ святого. Нѣмой сынъ бывшего монаха начинаетъ говорить по приказанію Бернарда. Изумленный и обрадованный чудомъ отецъ проситъ святого принять его въ монастырь; тотъ обѣщаетъ сдѣлать это въ другой разъ. Когда священникъ, опасаясь умереть до вторичнаго пріѣзда Бернарда, высказываетъ это, святой увѣряетъ, что онъ умретъ монахомъ. Опасеніе священника сбылось: онъ умеръ до пріѣзда Бернарда и былъ похороненъ въ свѣтской рясѣ. Пріѣзжаетъ Бернардь, велитъ разрыть могилу, открываютъ гробъ и находятъ монаха съ тонзурой (III, 2).

Жизнь въ монастырѣ была вообще скучна. Немногіе могли находить развлеченіе въ литературѣ и самоистязаніяхъ. Люди съ посредственными способностями, умѣвше нѣрѣдко жить только животной жизнью, искали того же и въ монастырѣ. Цезарій рассказываетъ о засыпающихъ во время заутрени монахахъ, жадныхъ къ запрещенному мясу и прибѣгающихъ для оправданія себя къ грубымъ софизмамъ о невѣдѣніи. Требовалась нѣрѣдко сверхъестественная помощь, чтобы вывести монаховъ изъ апатіи и втолкнуть въ обычную колею; такая помощь являлась со стороны Христа, Богородицы, святыхъ, но чаще всего отъ діавола, играющаго роль безпристрастнаго и строгаго цензора.

Подъ старость монаху наскучили тяжелыя монастырскія работы; онъ жалуется на свое униженіе и хочетъ уйти изъ обители; ангелъ въ видѣ человѣка явился ночью и привелъ его на владбище; изъ гробовъ при ихъ появленіи поднялись полустыбшіе мертвецы. Монахъ въ ужасѣ. „Скоро ты будешь такимъ. Куда желаешь идти?“ спрашиваетъ провожатый. Испуганный монахъ обѣщаетъ отказаться отъ своего намѣренія (IV, 4).

Нѣрѣдко монахи впадали въ меланхолію, „Accidia“, говорить Цезарій, „бываетъ весьма тягостна духовнымъ“ (IV, 27).

- Дѣйствительно *accidia* (собств. кислотость, отсюда разочарованность) была слѣдствіемъ жизни, чуждой развлеченій; она доводила до самоубійства, отъ котораго не могли спасти ни религіозная дисциплина, ни опредѣленные свѣдѣнія о загробной жизни. Цезарій приводитъ 5 случаевъ самоубійствъ; изъ нихъ 3 относятся къ монахамъ, 2—къ свѣтскимъ лицамъ (къ опозоренной свѣтской дѣвушкѣ и къ полуумному юношѣ).
- Старикъ монахъ *примѣрнаго поведенія* отчаивается въ спасеніи и бросается въ рыбный садокъ (IV, 41); отъ чрезмѣрнаго усердія монахъ вѣшается; полуживого его снимаютъ, но онъ сходитъ съ ума (IV, 45); монахиня бросается въ колодезь (IV, 42).

Утреннія молитвы были особенно обременительны для монаховъ. Монахъ имѣлъ обыкновение дремать во время молитвы, зато Христосъ на крестѣ повернулся къ нему спиной (IV, 29). Одинъ болѣзненный монахъ спалъ во время молитвы; Богородица явилась къ нему и сдѣлала выговоръ (IV, 30).

Монахъ видитъ у спящаго во время пѣнія псалмовъ товарища змѣй на спинѣ (IV, 32).

Спящему монаху чортъ бросаетъ въ лицо связку грязной соломы (IV, 34). Около спящаго монаха видятъ свиней (IV, 35).

Монахи заснули во время молитвы; абб. Гевардъ обѣщаетъ имъ рассказать сказку объ Артурѣ; всѣ встrepенулись; аббать прочелъ имъ примѣрное наставленіе (IV, 36).

Какъ весело бывало въ церкви, видно изъ того, что одинъ рыцарь просилъ продать камень, на которомъ ему хорошо спалось во время покаянія: „Такова его природа, что, кто не можетъ спать, положивъ на него голову—тотчасъ засыпаетъ“ (IV, 37).

Монахъ спитъ, приходитъ распятіе и бьетъ его (IV, 38).

Скудная монастырская пища возбуждала часто неудовольствіе и служила иногда поводомъ курьезныхъ происшествій,

приписываемыхъ, конечно, несчастному діаволу. Монахъ во снѣ видитъ миску съ мясомъ, бросается на нее съ остервененіемъ; ему кажется, что онъ ѣстъ мясо „по собачьи“, и просыпается съ разбитой головой (IV, 82). Монахъ во время молитвы засыпаетъ, во снѣ видитъ мясо и грызетъ дерево (IV, 83). Деканъ пригласилъ къ обѣду гостей, между ними аббата съ молодымъ, неопытнымъ монахомъ. Супъ былъ безъ мяса, но по приказанію хозяйина, съ жиромъ. Монахъ замѣтилъ кусокъ жира и показалъ своему аббату; аббать запретилъ ѣсть. На обратномъ пути аббать упрекнулъ монаха: „Нехорошо ты поступилъ, отнявши у меня супъ. Еслибъ ты молчалъ, я, кушая безсознательно, не согрѣшилъ бы“ (VI, 3). Эти факты говорятъ за себя.

Нерѣдко аббатамъ, если они были лучше своихъ подчиненныхъ, приходилось обращаться къ своеобразнымъ уловкамъ, чтобы поймать ихъ на мѣстѣ преступленія и привести къ раскаянію.

Монахи собрались въ погребѣ и устроили пирушку съ выпивкой. Аббать првѣгнулъ къ хитрости, чтобы заставить ихъ раскаяться. Онъ явился къ пирующимъ и просилъ ихъ принять его въ компанію. Монахи съ радостью согласились. На другой день аббать исповѣдался и бичевался. Смущенные монахи должны были послѣдовать его примѣру (III, 49).

Монахъ и священникъ во время поста пировали; въ заключеніе приказали принести курицу. Курицу выпотрошили, въ ней оказалась лягушка (IV, 85).

Аббать, зная о проступкѣ товарища, исповѣдался ему и въ свою очередь требовалъ исповѣди (III, 48).

Аббаты пользовались огромною властью, которая нерѣдко вела къ злоупотребленіямъ. Власть эта иногда простиралась въ загробную жизнь.

Зависимость отъ аббатовъ была необыкновенно тяжела. Аббать, напр., преслѣдовалъ монаха за то только, что тотъ

зналъ о его преступленіи (III, 30). Монахъ, зная, что вновь избранный монахъ человекъ недостойный, молить Бога о смерти; просьба его исполнена (XI, 25). Послушаніе глубоко проникало сердце монаховъ. Келарь, нагрубившій пріору, видѣлъ во снѣ Христа; когда онъ хотѣлъ приложиться къ его ранамъ, Спаситель отвернулся, сказавъ, что онъ обидѣлъ его въ лицѣ пріора. Монахъ поспѣшилъ показаться (IV, 19). Приказаніе аббата имѣло силу и послѣ смерти; если было нужно, монахи возвращались даже изъ рая, побуждаемые Христомъ и святыми. Вотъ рельефный примѣръ. Монахъ Менгозъ заболѣлъ (перерубивъ себя топоромъ ногу) и находился при смерти. Аббату нужно было ухъхатъ; прощаясь съ большимъ, онъ запретилъ ему умирать до своего пріѣзда. Менгозъ оказался не изъ послушныхъ и умеръ. Аббатъ пріѣхалъ, когда уже готовились хоронить Менгоза, и, приблизившись къ тѣлу умершаго, трижды напомнилъ ему о своемъ запрещеніи. Менгозъ открылъ глаза. Онъ былъ въ раю, откуда Isenbardus (св. монахъ, у котораго было пятно на ногѣ—слѣдствіе отсутствія прилежанія) послалъ къ аббату. Разсказавъ по желанію монаховъ видѣнное въ раю, Менгозъ умолялъ аббата отпустить его; просьба была уважена, и монахъ скончался вторично.

Тяжело было повиненіе аббатамъ тѣмъ болѣе, что между ними бывали нерѣдко люди недостойные. Аббатство нерѣдко продавалось съ аукціона, а кандидаты предъ выборами пускали въ ходъ всѣ позволительныя и nepозволительныя средства.

Одинъ аббатъ спросилъ у вѣщей отшельницы, можно ли ему оставаться на своемъ мѣстѣ. Жепципа отвѣчала: „Нельзя, такъ какъ ты его занялъ, благодаря симоніи“. Удивленному аббату она напомнила, какъ онъ убѣждалъ монаховъ не выбирать никого изъ чужого монастыря, зная, что изъ среды своихъ онъ только можетъ быть избранъ (VI, 18).

Была вакансія на богатое королевское аббатство; къ Фи-

липпу Французскому приходили по очереди кандидаты и давали деньги съ просьбою оставить аббатство за ними; король обѣщала. Претенденты съ досадою увидѣли, что Филиппъ назначилъ аббатомъ простаго монаха и, когда тотъ отказывался, говоря, что въ аббатствѣ много долговъ, король обѣщала ему дать полученныя отъ претендентовъ деньги (IV, 14).

Чтобы получить богатое аббатство какой-то духовный приносить императору Фридриху большую сумму денегъ. Императоръ обѣщала, но о кандидатѣ дурная репутація. Императоръ прибѣгаетъ къ хитрости, чтобы выпутаться изъ затрудненія. Аббатомъ назначенъ болѣе внушающей довѣрія человекъ (VI, 15).

Монастыри сохранили многія черты нравовъ свѣтскаго общества. Никогда, быть можетъ, не стояли такъ близко другъ къ другу кашюшонъ и племъ: снять одинъ, надѣть другой не стоило большого труда. Въ каждой эпохѣ не мало контрастовъ, — разсматриваемая нами не была ихъ чужда; какъ въ свѣтскомъ обществѣ на ряду съ буйными разбойниками существовали кроткіе страдалцы за челоѣчество, такъ и въ духовенствѣ наряду съ тупыми, чревоугодливыми монахами стояли не только занимающіеся самонствизаніемъ, но искренно, хотя по необходимости платонически, любящіе челоѣчество личности.

Мы видѣли раньше, что монахи плохо отрѣшались отъ земного, подчасъ имъ трудно было отказаться отъ мелочей (напр., новицій не хотеть бриться III, 51). Грѣхъ, изгнавшій прародителей изъ рая, не переставала мучить ихъ потомковъ подъ кашюшономъ, причемъ отъ него больше всего страдали монахини, находившіяся въ самомъ невыгодномъ положеніи. Такой идеальной монахъ, какимъ былъ Эвергардъ, заявляетъ ищущему у него утѣшенія Герману, что самъ страдаетъ отъ страстей (IV, 18). Если старые монахи не были нечувствительны къ женскимъ прелестямъ, то о молодыхъ

новиціяхъ и говорить нечего. Курьезенъ разсказъ о новиціѣ, сопровождавшемъ аббата визитатора женскихъ монастырей и заглядѣвшемся на хорошенькую монахиню. Аббатъ замѣтилъ это и на дорогѣ сказалъ, что монахиня недурна, жаль только, что одноглаза. Новиція съ живостью поспѣшилъ протестовать, говоря, что хорошо присмотрѣлся. Разсерженный аббатъ обѣщавъ присмотрѣться къ его спицѣ и исполнилъ обѣщаніе (VI, 63).

Нерѣдко монахи, дѣлаясь воспитателями, служили своимъ питомцамъ не очень назидательнымъ примѣромъ; такъ, монахъ выстѣ съ своимъ воспитанникомъ согрѣшилъ и посоветовалъ исповѣдаться другъ другу. Монахъ скоро умеръ; на предсмертной исповѣди онъ раскаялся въ своемъ грѣхѣ, но не назвалъ соучастника. Немного спустя онъ явился во свѣтъ своему питомцу съ грустнымъ лицомъ, въ ветхой одеждѣ и объявилъ, что виситъ на раскаленной цѣпи; исповѣдь юноша можетъ облегчить его страданія и даже спасти. Рѣшившійся было подъ влияніемъ сна исповѣдаться, юноша скоро измѣняетъ рѣшеніе. Аббатъ, помня объ умершемъ и желая узнать соучастника грѣха, приказываетъ собраться всѣмъ въ назначенный день и приобщиться. Юноша, подходя къ алтарю, начинать трепетать, отходить къ аббату и исповѣдуется (III, 24).

Случай изнасилованія монахинь нерѣдки; героями въ большинствѣ случаевъ клирики (о нихъ будетъ сказано ниже).

Монахиня смущаетъ новиція, который выходитъ побѣдителемъ изъ продолжительной борьбы со страстью (IV, 94).

Нерѣдко монахи болѣли отъ воздержанія. Такъ одному больному аббату доктора приказали нарушить обѣтъ чистоты. Онъ повиновался, но черезъ три дня умеръ (IV, 101). Христость и Богородица, защитницы чистоты, спасаютъ отъ искушеній. Одной мучимой страстью монахинѣ явился Христосъ и обнялъ ее; монахиня тотчасъ успокоилась (VIII, 16). По-

слухники грозить Христу пожаловаться Богородицѣ, если Спаситель не освободитъ его отъ страстей. Угроза подействовала (VI, 36). Такихъ фактовъ въ трудѣ Цезарія не мало.

У Цезарія больше примѣровъ паденія монахинь, чѣмъ монаховъ. Причина понятна: въ монастырѣ были или незваншія свѣта дѣвушки или раскаявшіяся Магдалины, которыя не могли до конца выдержать своей роли. Всякое же миловидное личико подвергалось опасности со стороны ловеласовъ-клириковъ и посятителей. У Цезарія, впрочемъ, женщины всегда почти являются виновницами своего позора. Привожу 2—3 примѣра.

Очень красивый начальникъ одного женскаго монастыря сдѣлался предметомъ страсти монахини. Уступая ея просьбамъ, онъ согласился прийти на свиданіе. Когда онъ снялъ одежду, монахинѣ представилось извѣденное червями тѣло. Монахиня ужаснулась, монахъ прочелъ ей приличное наставленіе (IV, 113). Монахиня, боясь позора, умолчала о своемъ преступленіи на предсмертной исповѣди. Послѣ смерти она явилась къ своей родственницѣ съ огненнымъ младенцемъ на рукахъ, котораго должна была носить въ наказаніе въ аду (XII, 21). Чортъ въ видѣ монахини обнялъ и поцѣловалъ монаха. Черезъ 3 дня послѣдній умеръ (I, 39).

Выше я замѣтилъ, что монастырь не былъ вовсе отрѣзаннымъ ломтемъ по отношенію къ свѣтской жизни; время суровыхъ аскетовъ, собирающихъ вокругъ себя сподвижниковъ, безповоротно прошло. Это особенно ярко проявляется въ одной изъ язвъ, мучившихъ всегда человечество,—въ ростовщичествѣ. Понятно, въ монастырѣ оно должно было принимать болѣе мягкія формы: монахи не могли непосредственно давать деньги въ ростъ, но они дѣлали, что могли: припрятавали монастырскія суммы, помогая недостаточнымъ родственникамъ; иногда, впрочемъ, копили деньги изъ любви къ искусству и заходили въ своемъ рвеніи такъ далеко, что сами

аббаты должны были иногда придерживать черезчур усердствующих ревнителей.

✓ Аббат хотѣлъ купить виноградникъ, но владѣлец не хотѣлъ продавать; въ скоромъ времени онъ (владѣлец) умеръ; обрадованный аббатъ подкупаетъ подьячихъ, отправляется ночью къ могилѣ мертвеца, выкапываетъ его, суетъ въ руку деньги. Со вдовой заводитъ процессъ и заявляетъ на судѣ, что кушилъ виноградникъ и заплатилъ за него деньги, въ чемъ представляеть свидѣтелей. Судъ рѣшаетъ дѣло въ пользу аббата. Обиженная вдова жалуется королю. Король отводитъ въ сторону одного изъ свидѣтелей и говорить, что его упорство ни къ чему не поведетъ, такъ какъ товарищъ уже сознался. Злодѣй проситъ пощады и рассказываетъ о проискахъ аббата (V, 23).

У аббата есть очень бережливый келарь, затѣвующій постоянныя ссоры съ сосѣдями изъ-за границъ. Аббатъ упрекаетъ его; монахъ оправдывается, говоря, что радѣеть о монастырѣ; аббатъ возражаетъ: „когда все, что есть въ этой провинціи, будетъ прибрѣтено тобою, ты перейдешь за Рейнъ, оттуда въ горы и не раньше успокоишься, чѣмъ достигнешь моря“ (IV, 62). Какова же должна была быть жадность монаховъ, если аббаты, непосредственно заинтересованные въ приращеніи монастырскаго достоянія, громили подобнымъ образомъ усердныхъ служителей¹⁾.

¹⁾ Вотъ еще примѣры: Аббатъ чернаго ордена попустилъ въ Клерво. Въ скоромъ времени за заслуги его сдѣлалъ аббатою. У монастыря было дѣло съ частнымъ владѣльцемъ, дѣло нечестое (объ этомъ аббатъ не знаетъ). Когда судъ рѣшилъ въ пользу монастыря, келарь съ радостью шепнулъ аббату, что выигрыша нельзя было ожидать, такъ какъ дѣло было неправое. Аббатъ предъ кашигуломъ обвинилъ келаря и отдалъ заграбленное. Изумленный такой честностью владѣлецъ пожертвовалъ имущество монастырю (IV, 61).

Пріоръ въ Клерво явился послѣ смерти монахини въ ветхой одеждѣ. съ блѣднымъ лицомъ и объявилъ, что за чрезмѣрное усердіе въ собираніи денегъ для монастыря мучится въ чистилищѣ (XII, 25).

Гостепріимные монахи награждались въ духовныхъ завѣщаніяхъ (IV, 71). Негостепріимные должны были содержать епископа (IV, 73). До какой черствости и жадности доходили иногда монахи, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Въ одномъ монастырѣ былъ старикъ бѣлецъ, исцѣлявшій больныхъ возложеніемъ рукъ. Аббатъ запретилъ ему это дѣлать, такъ какъ стеченіе народа вело за собою издержки въ монастырѣ (X, 5).

Милосердый аббатъ раздавалъ деньги бѣднякамъ. Его преемникъ припрятывалъ деньги про черный день. Несмотря на скупость аббата, монастырь вскорѣ обдѣлѣлъ. Гость, предъ которымъ иноки извинялись въ скудномъ угощеніи, сказалъ: „Два брата изгнаны изъ этого монастыря; если они не вернутся, положеніе этого монастыря никогда не станетъ хорошимъ. Одинъ изъ нихъ называется „Давайте“, другой „Воздастся“. Гость мгновенно исчезъ; монахи узнали въ немъ ангела; убѣжденіе подѣйствовало, они снова стали помогать бѣднякамъ и разбогатѣли (IV, 68). Приведенныхъ фактовъ, кажется, достаточно.

Бросимъ завѣсу на темныя стороны монастырскаго жизни и посмотримъ, какъ вели себя лучшіе люди въ монастырѣ. То, что служить предметомъ умиленія для Цезарія, въ наше время считалось бы тупоуміемъ и даже сумасшествіемъ. Вотъ, напр., какіе подвиги совершали усердные монахи.

Новицій въ монастырѣ занимался стиркой грязнаго бѣлья, дьяволъ началъ смущать его, говоря, что такого рода работа недостойна его сана. Новицій выпилъ грязную воду; понятно, желудокъ отказался переварить этотъ христіанскій подвигъ.

Монахъ, при которомъ были деньги, не могъ принять причастія: ротъ не закрывался, хотя въ этотъ день слѣдъ члѣну курины (IX, 64) (монахамъ было строжайше запрещено имѣть при себѣ деньги).

Монахъ-келарь обманулъ бѣдную женщину: вино въ монастырскомъ погребѣ портится (наказаніе келаря) (IV, 58). Монахъ воруетъ монастырскія деньги и отдаетъ брату купцу (III, 36).

Продолженіе разсказа не идетъ къ дѣлу; стоитъ только замѣтить, что этотъ же монахъ ушелъ впоследствии изъ обители и умеръ внѣ ордена (IV, 6).

Женщины, способныя меньше мужчинъ знать мѣру, усердствовали больше. Одна монахиня, напр., такъ усердно клала поклоны, что повредила себѣ колѣно и слегла. Ночью является Богородица и излѣчиваетъ больную (VII, 48).

У монаховъ и монахинь, воспитывавшихся съ дѣтства въ монастырѣ, бывалъ очень небольшой кругъ наблюденій.

Въ одинъ монастырь принимался на воспитаніе дѣвочки съ 7 л. и дѣлалась впоследствии монахинями. Одна изъ таковыхъ питомицъ, замѣтивъ козу, которой она никогда не видывала, спросила у своей подруги, чтѣ это такое. Подруга, желая подшутить надъ ней, сказала, что это свѣтская женщина: „когда мірскія женщины старѣютъ, у нихъ вырастаютъ рога и бороды“. Спрашивавшая повѣрила и поблагодарила за объясненіе. Смерть ея сопровождалась видѣніями (VI, 37) ¹⁾.

Чтобы оцѣнить идеалы времени или учрежденія, нужно взглянуть на другого рода людей. Это, такъ сказать, идеальные люди эпохи. Преслѣдуя свою завѣтную цѣль, вѣчно мучимые надвигающимися отовсюду вопросами, любящіе человечество, они отражаютъ лучшія стороны своего вѣка. Что есть святого, чистаго, непочатаго въ сердцахъ современниковъ, отражается у нихъ съ особенной силой, достигается высокой сте-

¹⁾ Иногда подъ личиной простодумія скрывалось остроуміе. Баронъ опустошалъ владѣнія монастыря. Однажды онъ захватилъ скотъ. Никто изъ монаховъ не хотѣлъ идти къ буйному феодалу требовать заграбленнаго. Вызвался старшій смиренный монахъ и спросилъ, можно-ли взять часть отнятаго, если не пожелаютъ возвратитъ всего. Ему отвѣтили утвердительно. Прибывши къ барону, монахъ преспокойно ѣлъ мясные кушанья, догадываясь, что они приготовлены изъ монастырскаго скота. Когда баронъ упрекнулъ старика въ томъ, что онъ нарушаетъ монастырскія правила, кушая мясо, монахъ отвѣчалъ, что аббатъ позволилъ ему взять хозъ часть покищеннаго. Удивленный смиренной находчивостью баронъ, по совѣту жены, возвратилъ монастырю захваченное (VI, 2).

пени напряженія. Посмотримъ на лучшихъ монаховъ въ трудѣ Цезарія, на ихъ поступки и молитвы. Слѣдуя развъ принятому приему, я приведу нѣсколько фактовъ.

Готфридъ, монахъ Виляріенскій, — одна изъ рѣдкихъ личностей, поступающихъ въ монастырь по призванію. Размышляя о Спасителѣ, онъ доводитъ себя нерѣдко до экстаза; между прочимъ Спаситель омывалъ ему ноги. Истязаніями Готфридъ довелъ себя до болѣзни и смерти; въ день его кончины случилось чудо (I, 35).

Плате монаха исцѣляло надѣвающихъ или касающихся его. Аббатъ узнавъ, что причина этой милости Божьей — презрѣніе земного и любовь къ Богу (его не интересовали даже монашескія дѣла; убытки монастыря его не огорчали) (X, 6).

Проѣжающая телѣга обрызгала рыцаря грязью; онъ разсердился и отрубилъ сидѣвшему въ ней крестьянину ногу. Раскалвшись, онъ поступилъ въ монастырь, молился и постигалъ, но не могъ успокоиться, пока не увидѣлъ у себя на ногѣ signum Job: въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ перерѣзалъ ногу крестьянину, образовался рубецъ, изъ котораго выползали черви (XI, 18).

Величайшимъ счастьемъ для нѣкоторыхъ монаховъ былъ даръ проливанія слезъ при всякомъ воспоминаніи о Христѣ (VIII, 2).

Въ Кельнѣ былъ монахъ, поступившій въ монастырь вмѣстѣ со своей любовницей и подвергавшійся одинаковому наказанію: на поясницѣ они носили желѣзный обручъ. Исповѣдникъ велѣлъ монаху передъ смертью снять вериги; монахъ повиновался; но его подруга не говоритъ на исповѣди о своей эпитиміи, и вериги въ минуту смерти лопнули (XI, 27).

Гельгенинда, дочь богатыхъ родителей, 2 раза поступала въ монастырь и была ими уведима. Несмотря на препятствія, она 9 лѣтъ стояла упорно при своемъ рѣшеніи посвятить себя Богу (I, 43).

Въ 42 гл. I кн. передаются различныя приключенія дѣвухи, страстно желавшей поступить въ монастырь и могущей быть героиней романа.

Изъ немногихъ приведенныхъ выше примѣровъ видно, каковы бывали лучшіе монахи у Цезарія: они набожны, углублены въ размышленія о Спасителѣ и Его страданіяхъ, носятъ вериги, бичуются,—словомъ удовлетворяютъ тому аскетическому идеалу, который составляетъ существенный признакъ монашества. Людей, практически полезныхъ для своего ордена, дѣльцевъ и при томъ честныхъ, очень мало; изъ нихъ особенно выдается аббатъ Германъ, принесшій много пользы монастырю.

Чтобы покончить съ монашествомъ, остается сказать, какъ относилось общество къ обителямъ, пользовались ли онѣ симпатіей, или наоборотъ. Немногія изъ нихъ отворяли въ голодные годы свои житницы, за что, попятно, снискали благодарность бѣдняковъ. Но это исключенія. Вообще къ монастырямъ относились враждебно; бароны вели съ ними безпрестанные споры изъ-за границъ и захватывали монастырское имущество ¹⁾. Когда монастырскіе корабли (монастыри снаряжали дѣльцы торговля экспедиціи) не могли пройти по причинѣ непопутваго вѣтра около Зеландіи, пронеслась молва, что они разграблены, и *нѣкоторые радовались этому*, говоря, что монахи лучшаго не стоятъ: они жадны (VII, 41). Юноша каноникъ возненавидѣлъ такъ монаховъ, что не могъ говорить о нихъ хладнокровно, и потребовался строгій выговоръ Богородицы для того, чтобы образумить его (VII, 41). Солдаты не очень уважали монаховъ и пользовались случаемъ, чтобы ограбить ихъ ²⁾.

¹⁾ Нѣкоторые примѣры были приведены выше.

²⁾ Одинъ воинъ хотѣлъ отнять хорошую лошадь у монаха, говоря, что она ему нужнѣе, чѣмъ монаху. Ударъ грома, послѣдовавшій въ ту минуту, образумилъ солдата (V, 30)

Богатство, нарядность монаховъ возбуждаютъ неудовольствіе среди коронованныхъ даже особъ. Дѣло въ томъ, что монахи, несмотря на свои богатства, постоянно плакались на свою судьбу и выпрашивали подаваніе. Король Филиппъ упрекаетъ ихъ въ этомъ (IV, 12); почти то же дѣлаетъ императоръ (IV, 13).

Нѣсколько словъ объ образѣ жизни. Здѣсь, какъ видно, мало было общаго, и все зависѣло отъ аббатовъ и отъ настроенія братьевъ. Въ иныхъ обителяхъ развѣзжали на хорошихъ коняхъ, ѣли и пили хорошо и жили въ свое удовольствие; въ другихъ истязались, молились и въ презрѣнны къ земному доходили до крайности, погружаясь въ грязь и отличаясь нечистоплотностію. Около спящаго монаха видѣли свиней [*puto quia colligunt siliquas de ore ejus cadentes* (IV, 65)]. Рыцаря удерживаетъ отъ поступленія въ монастырь нечистоплотность монаховъ. Сдѣлавшись монахомъ, онъ такъ увлекся подвижническою жизнію, что говорилъ: „вѣрь мнѣ и считай доказаннымъ, что если бы всѣ насѣкомыя монаховъ были собраны въ одномъ тѣлѣ—они не отклонили бы меня отъ ордена“ (IV, 48).

Покончивъ съ монахами, переходжу къ свѣтскому духовенству.

Стѣсненные въ узкихъ рамкахъ монастырской жизни монахи не могли проявлять всѣхъ своихъ достоинствъ и недостатковъ тѣмъ болѣе, что монастырскій штатъ состоялъ отчасти изъ людей, искалѣченныхъ временемъ и обстоятельствами. Не то бѣлое духовенство. Во время апогея папской власти, когда духовенство было „status in statu“, много свѣдѣвшихъ силъ постоянно наполняло ряды римской арміи и въ годну усобицъ и бѣдствій покоилось на незаслуженныхъ лаврахъ, обирая десятины, продавалъ царство небесное и выпивая опьяняющую чашу жизни до дна. Съ другой стороны натуры неспорченныя, которыхъ не коснулась еще страсть вакханалій на

разваливахъ отечества, могли давать просторъ лучшимъ своимъ силамъ, могли не только словомъ, но и дѣломъ помогать страждущимъ. Монахи же въ силу эгоистическаго въ принципѣ учрежденія могли только: „молиться и молиться и впадать въ экстазъ“, по нѣмецкой поговоркѣ.

Посмотримъ на высшее духовенство—епископовъ и архиепископовъ. Епископъ могъ не только сулить награды и наказанія въ царствѣ тѣней, но и дѣлать всякаго по своему усмотрѣнью гражданивомъ этого царства. Отсюда тысячи злоупотребленій. Одинъ клирикъ говоритъ: „я всему могу вѣрить, но не могу предположить, чтобы когда нибудь нѣмецкій епископъ могъ удостоиться спасенія“. „Епископы, говоритъ Цезарій, постоянно воюютъ; они больше заботятся о жалованіи солдатамъ, нежели о спасеніи вѣрннхъ имъ душъ“ (XI, 27).

Одинъ монахъ, которому предложили епископство, наотрѣвъ отказался, несмотря на приказаніе аббата. Явившись послѣ смерти своему родственнику, онъ говоритъ, что за непослушаніе его не постигло наказаніе, такъ какъ „если бы я повиновался и принялъ епископство, я былъ бы осужденъ на вѣчныя муки. Онъ прибавилъ довольно страшное слово“ (Цезарій боится даже повторить).

Жизнь епископовъ — жизнь буйныхъ богачей-феодаловъ, проходящая то въ войнахъ, то въ развлеченіяхъ. Цезарій объ епископахъ анекдотовъ почти не приводитъ: вѣдь это его начальство; одинъ изъ нихъ покровительствовалъ автору Діалога (Egelbertus).

Непотизмъ былъ язвой духовенства при замѣщеніи каеодръ¹⁾.

Благочестивый деканъ Энсфридъ сообщаетъ, что большинство церковныхъ должностей замѣщалось или родственниками

¹⁾ Kauffmann. Caes. v. Heisterbach, стр. 105.

лицъ высокопоставленныхъ, или продавалось съ торговъ (I ч. с. 354).

Филиппу Французскому представили клирика, избраннаго въ епископы, такъ: „Domine, nos praesentamus vobis dominum Emebricum electum nostrum“. Король удивился такому необычному представленію и просилъ повторить. Духовные повторили. Король съ радостью заявляетъ, что онъ первый разъ слышитъ представленіе безъ титуловъ: всегда ему рекомендуютъ то архидіакона, то прелата, то декана, то схоластика. Схоластикъ выбирается канониками изъ-за знаній или изъ-за личнаго къ нему расположенія. Деканъ выводитъ въ люди выдвинувшихъ его. Архидіаконъ и прелать изъ знати навязываются скорѣй своими друзьями, чѣмъ выбираются (IV, 13).

Запрещеніе Григорія VII вступать священникамъ въ бракъ повело за собой, какъ и всякая великая реформа, и дурныя и хорошія послѣдствія. Глубокая мысль Григорія сдѣлать духовенство независимымъ отъ свѣтской власти, всецѣло преданнымъ папскому престолу, достигла только отчасти своей цѣли. Мѣсто законныхъ женъ заняли наложницы, положеніе которыхъ было далеко не завидно. Ихъ любовники грозили имъ перѣдко вѣчнымъ наказаніемъ, такъ что впечатлительныя натуры иногда совершали надъ собой насиліе.

Наложница одного священника сожгла себя на кострѣ, желая избѣгнуть вѣчнаго адскаго наказанія; душа ея голубкой взвилась къ небу¹⁾.

¹⁾ А. Шульцъ (Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger. Leipzig 1879 г., т. 1, стр. 452, 453) приводитъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что общество свыклось и даже считало нужнымъ, чтобы всякій священникъ имѣлъ mistress. Особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующее мѣсто изъ фрагмента „de Alsaticis“.

„Um das Jahr 1200 hatten auch die Priester ziemlich allgemein Beischläferinnen, weil gewöhnlich die Bauern sie selbst dazu anriethen. Dieselben sagten nämlich: enthaltsam wird nie Priester sein können; es ist darum besser, dass er ein Weib für sich hat, als dass er mit den Weibern Allersich zu schaffen macht“.

Дѣти священника были явленіемъ обыкновеннымъ¹⁾. Выше былъ приведенъ разсказъ о нѣмомъ сынѣ бывшаго монаха, заговорившемъ по приказанію Берварда. Вотъ еще характерный разсказъ. У священника есть дочь, которую онъ бережетъ, какъ зеницу ока, отъ молодыхъ людей, „преимущественно же отъ бонскихъ канониковъ“. Діаволь въ видѣ молодого человѣка воспользовался неопытностью дѣвушки. Дочь признается отцу, и тотъ отсылаетъ ее за Рейнъ. Разсерженный діаволь такъ ударилъ въ грудь священника, что тотъ скоро умеръ (III, 8).

Клирики и священники были большими ловеласами: преступныя связи съ монахинями были нерѣдки. Одинъ клирикъ обольстил монахиню, вслѣдствіе чего, по мнѣнію Цезарія, онъ заболѣлъ. „Я не могу объяснить этого, говорить Цезарій, пада скромность женщинъ, которыя, можетъ быть, будутъ читать то, что мы передаемъ“ (XI, 58). Юному монаху показывается во снѣ монахиня (изъ чистилища); ее, оказавшись вслѣдствіи, увлекъ клирикъ (XII, 26).

Курьезенъ слѣдующій анекдотъ. Молодой человѣкъ находился въ связи съ наложницей священника и объявилъ послѣднему это на исповѣди. Разсерженный священникъ налагаетъ строгую эпитимію (III, 29).

Женщина, на совѣсти которой лежалъ тяжелый грѣхъ, воспитала мальчика-сироту, который сдѣлался священникомъ. Когда его воспитательница пришла исповѣдаться, онъ дѣлаетъ ей позорныя предложенія. Женщина съ ужасомъ отвергаетъ ихъ (IV, 42). У священника, который „имѣлъ открыто наложницу“, хлѣбъ евхаристіи упалъ во время обѣдни и не былъ найденъ²⁾ (IX, 58).

Нерѣдко ловеласы духовные доходили до наглаго кощунства. Священникъ ухаживалъ за одной жепчиной, но бесплодно. Чтобы поддѣйствовать сильнѣе, онъ беретъ съ алтара причастіе, владеть въ ротъ, думалъ, что предметъ его страсти теперь не устоитъ предъ его поцѣлуемъ.

Нерѣдко священники переходили изъ объятій любовницы къ алтарю. Какой-то священникъ предъ мессою „согрѣшилъ“ и не исповѣдался. Во время обѣдни явился голубокъ, схватилъ хлѣбъ, выпилъ вино и улетѣлъ. Только послѣ раскаянія священника голубокъ возвратилъ похищенное.

Посмотримъ на другія стороны жизни священниковъ, на ихъ отношеніе къ обязанностямъ и образъ жизни. Главная обязанность священника и самая важная по отношенію къ мірянамъ — исповѣдь. Но исповѣдь въ это время обратилась въ комедію или паглыи, недорого оплачиваемый обманъ. Цезарій говоритъ (III, 41): „Я слышалъ, что нѣкоторые исповѣдники за пѣтуха или секстарій облегчаютъ наказаніе за многіе грѣхи“. Въ другомъ мѣстѣ: „Сколько зла дѣлаютъ злые исповѣдники, не боаясь Бога на исповѣди, я могу пояснить многими примѣрами, но надо падать полъ и религію“. Какъ обыкновенна была привычка получать отпущеніе грѣховъ за деньги, показывается слѣдующій разсказъ.

Кто-то исповѣдуются; священникъ требуетъ, чтобы онъ исправился. „Не могу“, коротко заявляетъ грѣшникъ и *предлагаетъ деньги*. Священникъ попался изъ честныхъ: онъ

мѣвъ подозрѣніе, хотѣлъ привести клирика къ бѣсоватому, высказывавшему грѣхи, о которыхъ было умолчено на исповѣди. Клирикъ, видя, что дѣло не ладно, зашелъ въ копушню и исповѣдался слугѣ рыцаря. Когда они предстали предъ бѣсоватымъ, демонъ „lingua Teutonica“ сказалъ: „Nihil de eo scio“, а по-латыни прибавилъ: „in stabulo justificatus est“ (III, 3). Изъ послѣднихъ словъ видно, что латынь была языкомъ духовенства, а міряне рѣдко понимали ее. Сестра Гельмбрехта Гитслинда говоритъ о своемъ братѣ, прѣдъстывавшемъ ее по-латыни: „это не нашъ языкъ, ко мнѣ онъ обратился по-латыни, это навѣрно — лопъ“ (Freitag. Bilder aus der deutschen Vergangenheit. Leipzig 1867).

¹⁾ Напомнимъ, что сынъ Петрарки въ XIV в. былъ узаконенъ напой.

²⁾ Вотъ еще подвиги клириковъ и священниковъ. Гл. 23, 24, 25 11-й вв. передаютъ подвиги клириковъ, причѣмъ жертвами являются еврейки.

Клирикъ находился въ связи съ женой одного рыцаря. Рыцарь, возы-

съ грѣвомъ прогналъ искушителя (III, 35). Нѣкто исповѣдуются священнику въ томъ, что не распространялъ поста на брачныя отношенія. Священникъ бранитъ его и приказываетъ заплатить 18 денаріевъ. Вслѣдъ за этимъ грѣшникомъ является другой, поступавшій совершенно противоположно. Священникъ и ему приказываетъ заплатить 18 ден., причѣмъ прибавляетъ, что грѣхъ его очень великъ. Грѣшники сходятся, рассказываютъ о своей бѣдѣ, узнаютъ о выходкѣ священника, идутъ жаловаться декану (III, 40). Въ гл. 31 II-ой кн. говорится о привычкѣ духовенства отпущать грѣхи за деньги. Для облегченія себѣ труда священникъ даетъ эпитимию цѣлымъ группамъ прихожанъ, не обращая вниманія на количество и качество проступковъ. Это ставитъ въ большое затрудненіе его менѣе изобрѣтательнаго преемника (III, 45). Прихожане нечестиваго священника бросаютъ въ аду на него каменные глыбы; священникъ низвергнутъ въ колодезь, и впредь не является (XII, 6).

Жизнь священниковъ не отличалась вообще отъ жизни мірянъ; мало того, она была еще хуже, такъ какъ увлеченіе удовольствіями вело за собой не только небрежное отношеніе къ обязанностямъ, но иногда и преступленія.

Въ Дитырихенѣ былъ священникъ, ведшій развратную жизнь. Однажды онъ играетъ въ кости; прибѣгаетъ какой-то человекъ и требуетъ его къ умирающей женѣ. Священникъ не хочетъ идти, тотъ настаиваетъ. Священникъ жалуется на навязчивость прихожанъ. Женщина безъ напутствія умираетъ, а другъ священника убиваетъ ея сына. Патеръ живетъ безнаказанно, но во время кончины его препровождаютъ въ адъ тысячи чертей (VI, 81).

Священникъ силѣлъ въ кабацкѣ; здѣсь застигла его буря. Въстѣ съ товарищемъ-міряниномъ онъ отправляется къ церкви, но у ея порога надъ ними разразился страшный громовой ударъ. Священникъ и мірянинъ упали, причѣмъ

послѣдній лежалъ подъ первымъ. Мірянинъ остался цѣлъ и невредимъ, священникъ погибъ. Мірянинъ видѣлъ демоновъ, старавшихся утащить священника, но явились святые изъ отпертаго ящика реликвій и сражались съ ними. Демоны успѣли только утащить часть одежды и потрѣпать священника. „Говорятъ, что священникъ получилъ за хоро- воды вѣнокъ, который повѣсилъ, какъ побѣдитель, подлѣ дома, чтобы здѣсь глупые люди забавлялись, водили хоро- воды“ (X, 29).

Священники бывали и въ театрахъ и на пародныхъ играхъ¹⁾. Къ язвамъ женолюбія, разгульной жизни присоединилось и корыстолюбіе. Выше мы видѣли священниковъ, торговавшихъ индულгенціями; вотъ еще примѣры жадности.

Каноникъ Готфридъ очень любилъ деньги. Въ аду его били молотомъ на наковальѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не достигъ толщины денарія (XI, 44).

Почти всегда священники оказывались жалкими шарлатанами. Угрожая всѣмъ и каждому адскими муками, внушая возвышенныя представленія объ евхаристіи, они нѣрѣдко очень мало вѣрили тому, что проповѣдывали.

Одному умирающему клирику принесли причастіе, но онъ отвернулся къ стѣнѣ и произнесъ „Въ аду играютъ трубы, пойдемъ туда“; вслѣдъ затѣмъ испустилъ духъ (XI, 50).

Каноникъ, покаявшись только формально, былъ осужденъ и самъ извѣстилъ объ этомъ аббата (II, 15).

Въ IX-й кн. перечислено много священниковъ, сомнѣвавшихся въ евхаристіи или совсѣмъ даже невѣровавшихъ въ это таинство. Подобные примѣры находимъ въ гл. 3, 5, 6, 21, 23, 54, 55, 56, 57, 58, 65 и проч. той же книги.

¹⁾ Въ театрѣ въ Саксоніи сгорѣло вѣстѣ съ другой публнккой 20 священниковъ (X, 28).

Все эти факты сводятся к следующим типам: сомневающийся священник видит мясо, кровь младенца (иногда на кресте); неврующий жуёт уголь.

Нередко священники отправляли обряды, исповывали и проч. никак не рукоположенные.

У священника, отправлявшего мессу, огонь жжёт руки (IX, 60). Другой, тоже нерукоположенный священник, обращаясь к народу, видит пред собою плачущее распятие (IX, 61).

Повторив с темными сторонами свѣтскаго духовенства, посмотрим на свѣтляя. Говоря об отрицательных или положительных сторонах какого-либо сословия, учреждения, возможно различать двѣ категоріи.

Первая, когда само учреждение фактически поставлено въ необходимость поступать хорошо въ известном направлении (напр., монашество не позволяло своимъ членамъ имѣть деньги); вторая, когда учреждение давало просторъ индивидуальности. Къ этому относится свѣтское духовенство. Не налагая почти никакихъ обязательствъ на своихъ членовъ, оно ставило ихъ въ привилегированное положеніе, которое обезпечивало свободу дѣйствій. Поэтому-то тамъ могли появиться такіа идеальныя личности, какъ Энсфридъ, и не только мечтать о принесеніи пользы страждущему человечеству, но и приносить ее.

Рельефно и симпатично изображенъ Энсфридъ, настоятель церкви св. Андрея. Эта свѣтлая, жертвующая всегда собою личность напоминаетъ намъ первыхъ дѣятелей христіанства. Цезарій посвятилъ ему довольно большую (5-ю) главу шестой книги. Энсфридъ „простой, справедливый мужъ, преданный дѣлу милосердія“. На юношей Энсфридъ имѣлъ громадное вліяніе, „многихъ онъ наставлялъ словомъ и примѣромъ не только въ наукѣ, но что важнѣе, въ хоршемъ образѣ жизни“. „Онъ — отецъ сиротъ, утѣшитель вдовъ, убѣжище грѣшниковъ“.

Дѣтямъ у Энсфрида было все позволено. Чистая любовь руководила имъ: все, что ни дѣлалось, дѣлалось „по большой сердечной вротости“. Иногда Энсфриду недоставало собственныхъ средствъ и ему приходилось обращаться къ добродушнымъ уловкамъ — „святую, благочестивую, достойную памяти хитрость выдумалъ онъ“; проще: не гнушался утащить у богатыхъ для своихъ любимцевъ-бѣдняковъ. Последнюю одежду отдастъ онъ бѣдняку, самъ полуобнаженный дрожитъ отъ холода. Бѣдняки всюду слѣдуютъ за нимъ, а Энсфридъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы добыть денегъ для своихъ питомцевъ. Такъ, женщина, разсерженная на мужа, бросаетъ деньги въ клоаку; раскаявшись, она исповѣдается Энсфриду; каноникъ обращается къ мужу, прося позволенія вычислить клоаку; изумленный страннымъ требованіемъ хозяинъ соглашается; деньги найдены и отданы нищимъ. Послушникъ замѣчаетъ, что вѣдь это деньги мужа, и Энсфридъ не имѣлъ права распоряжаться ими; Цезарій приводитъ слѣдующіе аргументы для оправданія св. мужа: 1) Деньги принадлежали мужу и женѣ. 2) „Были пропавшими, такъ какъ нельзя было указать ихъ по причинѣ исповѣди“. 3) „Энсфридъ взялъ не себѣ, а раздѣлилъ между бѣдняками“. Иногда деканъ бралъ хлѣбъ у богатыхъ и давалъ бѣднымъ. По этому поводу замѣчаетъ Цезарій: „много дозволено святымъ, чего нельзя тѣмъ, кто не святъ“. У дверей церкви видывали декана, помогающаго нищимъ собирать милостыню. Вротость его ангельская: какой-то пьяный шотландецъ требовалъ у него денегъ, угрожая смертью, но былъ во-время схваченъ, и, когда его собирались казнить, Энсфридъ вымолилъ пощаду. Къ роскоши монаховъ относился строго: аббатиса съ блестящей свитой монахинь читаетъ строгую нотацию. Приведенныхъ фактовъ достаточно для того, чтобы составить предположеніе объ Энсфридѣ. Типичное ли это лицо, или одно изъ немногихъ — трудно рѣшить.

Я не привожу эпизодовъ изъ жизни хорошихъ священниковъ: они ничѣмъ не отличаются отъ поступковъ Энсфрида, представляющаго собою лучшаго пастыря своего времени.

Но немногіе достойные священники не могутъ заставить забыть тѣ язвы, которыя точили духовенство, тѣ безобразныя оргіи, которымъ оно предавалось, авгуровскую улыбку на самодовольномъ лицѣ.

„Чье сердце не испортится въ эти времена, восклицаетъ Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде, когда самъ папа, этотъ истинно святой и богобоязненный человѣкъ, усиливаетъ безвѣріе! Посмотрите на дѣла поповъ и ихъ ученіе: прежде и дѣла, и ученіе были святы, теперь они тоже сходны, только въ другомъ отношеніи, такъ что мы видимъ нечестивыя дѣла и слышимъ нечестивыя рѣчи тѣхъ, кто долженъ бы подавать намъ благой примѣръ. Намъ, глухимъ мірянамъ, остается только на все махнуть рукой“.

II.

Мнѣ по необходимости приходится повторяться. Говоря о монастыряхъ, о тѣхъ причинахъ, которыя заставляли надѣвать капюшонъ, я долженъ былъ коснуться мірянъ, говоря о мірянахъ, я долженъ коснуться ихъ на порогахъ обители. Шульцъ ¹⁾ въ 7-й главѣ 2-го тома говоритъ между прочимъ о томъ, что болѣзнь, старость, разстройство финансовъ заставляли рыцарей искать пріюта въ обителяхъ. Такіе мотивы были разсмотрѣны въ предыдущей главѣ. Достойно замѣчана, что Цезарій почти не упоминаетъ о монахахъ-поселянахъ и горожанамъ; всюду монахами являлись бывшіе рыцари. Кажется, не будетъ неправильнымъ то заключеніе, что монастырь былъ рыцарскимъ учрежденіемъ, въ которомъ принималъ очень мало участія чуждый мистики, здоровый, хотя,

¹⁾ Das höffische Leben zur Zeit der Minnesinger.

можетъ быть, чрезчуръ практической простолюдинъ. Но рыцари не всегда дѣлались монахами изъ-за практическихъ цѣлей; существовали другія, болѣе возвышенныя стремленія, обусловливавшія по временамъ переходъ изъ свѣтской разгульной жизни въ монастырскую.

Объясненія этихъ побужденій слѣдуетъ, кажется, искать въ религиозномъ настроеніи, дѣлающемъ воображеніе чуткимъ къ мелкимъ, повидимому, фактамъ. Цезарій передаетъ причины, заставившія его постричься: рассказъ Геварда о томъ, что Богородица, св. Анна, Марія Магдалина утирали потъ монахамъ рѣшаетъ его судьбу навсегда, причемъ онъ поступаетъ въ монастырь безъ вѣдома своихъ друзей („nullo amico cogit meorum sciente“) (IV, 88).

Племянникъ одного рыцаря, выслушавъ рассказъ о чудесахъ, происходящихъ въ монастырѣ, постригся (I, 18).

Родственникъ короля Филиппа поступаетъ въ монастырь, не смотря на протесты друзей (I, 19).

Монахъ Теодорихъ постригся подъ влияніемъ молитвы „Domine, miserere super peccatore“ (I, 21).

Знатный юноша надѣваетъ рясу при видѣ бичующихся монаховъ (I, 22).

Gerlachus, „нашъ священникъ и монахъ“, поступаетъ въ монастырь, растроганный плавающимъ во время мессы монахомъ (I, 24).

Нерѣдко и женщины дѣлались монахами, скрывая свой полъ; одинокъ изъ такихъ случаевъ передаетъ Цезарій въ 40-й гл. I кн. Рассказъ этотъ — новелла, которая въ это время была особенно распространена.

Иногда рѣшившійся уходить изъ монастыря новицій остается, благодаря случайно попавшемуся мѣсту псалма (I, 49). Пропитанный религиознымъ и всякимъ другимъ суевѣріемъ воздухъ, дѣлавшій душу человѣка натянутой, какъ струна, обусловливалъ возможность такихъ переходовъ.

Оставляю въ сторонѣ рыцарей на границѣ монастыря и обращаюсь къ ихъ свѣтской жизни, быющей ключемъ, буйной, безпечной, насколько она отражается въ трудѣ Цезарія.

Смутное время имперіи, отсутствіе сильной руки, которая могла бы сдерживать неукротимыхъ феодаловъ (церковь только отчасти умиротворяла ихъ), давали просторъ стихійной силѣ, переходившей отъ благородныхъ сравнительно турнировъ и поединковъ въ простое разбойничанье. Цезарій не разъ жалуются на безсовѣстныхъ феодаловъ, не разъ употребляетъ эпитетъ „tirannus“. Для нихъ нѣтъ достойнаго наказанія: Людовикъ Landgravius попалъ прямо въ адъ (maximus tirannus fuit), несмотря на надѣтый передъ смертью капюшонъ цистерціанскаго ордена. Дьяволы поятъ его сѣрой и смолой, въ заключеніе бросаютъ въ колодезь (XII, 12).

Сынъ этого барона былъ не лучше отца: грабилъ, совершалъ преступленія безъ угрывенія совѣсти. Священнику, молившемуся за него, запрещаетъ это дѣлать явившійся во снѣ святой (XII, 3). Этого барона Цезарій называетъ довольно человѣколюбивымъ, „вѣрнѣе сказать, онъ менѣе золь, нежели другіе тиранны“ (I, 34).

Рыцарь послѣ смерти носить на плечахъ овчину, заграбленную у вдовы и прожигающую гѣло, на головѣ глыбу земли, отнятую у сосѣда (XII, 14).

Вильгельмъ, „comes Juliacensis“, былъ, по мнѣнію Цезарія, похожъ „на импер. Максенція, не будучи равнымъ ему по могуществу, не былъ не равенъ по желаніямъ“. Послѣ смерти Вильгельмъ горѣлъ въ безпрерывномъ пламени¹⁾ (XII, 5).

¹⁾ Привожу еще нѣсколько фактовъ.

Два барона гра. Реймскаго творили беззачинства и притѣсняли монаховъ. Въ день рожденія Богородицы они угнали скотъ и ограбили жителей. Какую-то солдатку изъ ихъ шапки явилась Богородица и сказала, что идти жаловаться Христу. Бароны не повѣрили, но скоро жестоко заплатились за свои беззачинства: на нихъ напали ихъ враги и убили обоихъ (VII, 42).

Рыцарь знатный, но *творившій во всю свою жизнь безобразія*, былъ

Между рыцарскими родами нерѣдко происходила ожесточенная борьба, характеризующая феодальный порядокъ и отличающаяся жестокостями и безчеловѣчіемъ. Вотъ образчикъ.

Два рода рыцарей Кельнской епархіи вели между собою ожесточенныя войны. Епископъ не былъ въ состояніи умиротворить ихъ. Одна изъ враждующихъ сторонъ построила въ роцѣ замокъ — убѣжище во время войны для неповинныхъ ни въ чемъ женщинъ, дѣтей и стариковъ. Подкупленный врагомъ слуга предаетъ своихъ господъ; всѣ жители замка перебиты.

Позволю себѣ на этомъ остановиться: продолженіе разсказа не важно въ настоящемъ случаѣ.

Между 2 семьями рыцарей разгорѣлась такая вражда, что члены одного рода убивали членовъ другого при всякомъ удобномъ случаѣ. Однажды нѣсколько человѣкъ изъ среды одной изъ враждующихъ сторонъ собрались въ церковь. Узнавъ объ этомъ, враги напали на безоружныхъ и рубили даже иконы. Такимъ образомъ, было убито 8 человѣкъ. Впослѣдствіи злодѣи жестоко поплатились: всѣ, кромѣ двухъ, были перебиты. Предательница старуха погибла ужасною смертью (VIII, 26). Надо сознаться, что не было недостатка

захваченъ и осужденъ на смерть врагами. Такъ какъ ему не дали священника, то онъ умеръ безъ исповѣди, умоляя о заступничествѣ Богородицы и Христа. Всѣ въ какой-то женщинѣ спросили: „вѣроятно, ты радуешься смерти преступнаго рыцаря“, но чортъ съ торжествомъ замѣтилъ, что одно его слово спасло: Богородица заступилась (VII, 57).

Баронъ Оттонъ изъ Sconinberg (Schönberg) въ то время, когда отецъ его былъ въ Св. Землѣ, грабилъ окрестныхъ жителей. Во время великаго поста и на страстной недѣлѣ онъ ѣлъ мясо, но зато въ продолженіе всей своей жизни не могъ ѣсть ничего, кромѣ рыбы (X, 18). Рыцаря, грѣшившаго всю свою жизнь, спасаютъ отъ адскихъ мукъ слова, произнесенныя при послѣднемъ издыханіи „Господи, помилуй мя“ (XI, 20).

Рыцарь былъ обвиненъ предъ Фридрихомъ въ грабительствѣ и, по приказанію императора, повѣшенъ. Когда его хотѣли хоронить, онъ вскричалъ, что еще живъ: Богъ не допустилъ умереть безъ причастія. Явился священникъ; послѣ исповѣди и причастія рыцарь снова поно умеръ (IX, 49).

въ рыцаряхъ — образцахъ рыцарской доблести: борьба съ невѣрными, служеніе женщинѣ въ молодости и тихая монастырская жизнь въ старости — составляли тотъ идеалъ, къ которому стремились лучшие рыцари. Цезарій нигдѣ не указываетъ на культъ женщинѣ, но уже поклоненіе дѣвѣ Маріи можетъ служить косвеннымъ указаніемъ на это, независимо отъ другихъ свѣдѣній.

Возьмемъ 2—3 примѣра хорошихъ рыцарей.

Первое здѣсь мѣсто долженъ занять Вальтеръ изъ Bierbeck (Bierbeck). Онъ храбрый рыцарь и поклонникъ Маріи: изъ-за желанія помолиться въ ея часовнѣ пропускаетъ турниръ (это влекло за собой позоръ). Но на турниръ отличался за него Богородица и достойно поддержала честь его оружія ¹⁾. Отъ Маріи онъ получилъ крестъ и, благодаря ей, испытывалъ многочисленныя чудеса (VII, 38).

Быль рыцарь такой сильный и храбрый, что на первомъ своемъ дебютѣ приобрѣлъ 40 лошадей. Онъ оставилъ обещающій завидное будущее свѣтъ и поступилъ въ монастырь. Здѣсь онъ заболѣлъ: тѣло его кишѣло червями, а послѣ смерти издавало благоуханіе (XI, 14).

Всея знать занескинала расположенія одного доблестнаго рыцаря. Однажды одержимая бѣсомъ дѣвушка назвала его другомъ. Тронутой упреками чортъ поселился, съ его согласія, въ складахъ его одежды, помогалъ на турнирахъ, при помощи его рыцарь скоро разбогатѣлъ и, наконецъ, прогналъ вѣрнаго слугу въ адъ; послѣ этого подвига онъ отправился въ Иерусалимъ, воевалъ съ невѣрными, благополучно вернулъ, построилъ приютъ для бѣдныхъ и дожилъ спокойно свои дни въ монастырѣ (X, 11).

Вотъ, кажется, почти всѣ хорошіе рыцари въ трудѣ Це-

¹⁾ Здѣсь Цезарій поставленъ въ неловкое положеніе: турниры—бѣсовскія игры, какъ же Марія могла принимать въ нихъ участіе? Видѣ она должна была наградить Вальтера, рѣшаетъ Цезарій.

зарія; ихъ очень мало сравнительно съ многочисленными фактами, передаваемыми о буйныхъ, неукротимыхъ, иногда безчеловѣчныхъ феодалахъ.

Лучшее достоинство рыцаря въ приведенныхъ примѣрахъ: личная храбрость и борьба съ невѣрными; такая симпатичная черта, какъ культъ женщинѣ, у Цезарія, какъ замѣчено, не существуетъ ¹⁾.

Кромѣ рыцарей, разбойничавшихъ легально, былъ цѣлый классъ разбойниковъ-специалистовъ, находившихся внѣ суда и повровительства законовъ: расправа съ ними была коротка; ихъ вѣшали на первомъ повалшемся на дорогѣ деревѣ. Ряды такихъ героевъ пополнялись крестьянами, отчасти горожанами и вообще всякимъ сбродомъ, ищущимъ или легкаго хлѣба, или беззаботной, независимой жизни. Жизнь этихъ разбойниковъ особенно хорошо изображена въ поэмѣ „Гельмбрехтъ“

¹⁾ Замѣчательна во многихъ отношеніяхъ 15 гл. IV кн. Здѣсь мы узнаемъ про жизнь христіанъ-рыцарей въ Иерусалимѣ послѣ 1-го крест. похода; здѣсь знакомимся также съ свѣтлой, гуманной личностью Нурредина. Христіане были загнаны бурей къ его городу, приняты гостеприимно, а для охраны отъ сарацинъ въ глубинѣ страны Нуррединъ далъ имъ своихъ воиновъ. Одинъ изъ нихъ началъ разспрашивать ихъ, какъ съ нимъ рядомъ христіанѣ, какъ ведутъ теперь себя христіане въ Иерусалимѣ. Монахъ Вильгельмъ, „не желая говорить истины“, отвѣчалъ: „satis bene“. Тогда сарацинѣ сталъ рассказывать про преданную жизнь христіанъ въ Иерусалимѣ, на которую онъ посмотрѣлъ: „Не было столь богатаго гражданина въ Иерусалимѣ, который бы не предложилъ за деньги сестры и дочери и, что всего уяснѣе, своей жены распуству путешественниковъ“. Они были такъ преданы удовольствіямъ обжорства и плоти, что совсѣмъ не отличались отъ скотовъ. Они отличались роскошью и въ одеждѣ, и въ обуви, и цюцряли все свое остроуміе для выдумыванія новыхъ моль. Сарацинъ сравниваетъ свое платье и обувь съ христіанской, противопоставляя простоту своихъ роскоши христіанъ. Сарацинъ, утверждаетъ онъ, не боится ничего изъ христіанъ, даже императора Фридриха, но въ книгѣ ихъ сказано про императора Оттона, который завладѣлъ Иерусалимомъ. Саладинъ, какъ извѣстно, отличался замѣчательной терпимостью и гуманностью. Извѣстіе это повторяетъ Цезарій. Послѣ завоеванія Иерусалима и Св. Земли онъ позволилъ христіанамъ жить въ городахъ. Отъ безпристрастныхъ сарацинъ Саладинъ узналъ, что они „дивуютъ, какъ скоты, предаваясь неправѣ, обжорству и удовольствіямъ“.

($\frac{1}{2}$ 13 в.) (Freitag „Bilder aus der Deutschen Vergangenheit“ 2 ч. 1866 г. стр. 52—62). Замѣчательно, что разбойники у Цезарія умирають не раскаявшись и пародируютъ клиръ. Въ первомъ не нужно ли видѣть послѣдовательности, характеризующей грубоватаго крестьянина того времени въ отличіе отъ шаткости рыцаря? Второе безъ сомнѣнія указываетъ на появленіе въ средѣ мірянъ неудовольствія, почти вражды къ клиру, которое, понятно, должно было прежде всего коснуться людей, выбившихся изъ житейской колеи и не оглядывающихся на сильныхъ міра.

Вотъ какъ разбойники осмѣивали духовенство.

Атаманъ назвался епископомъ и щедро раздавалъ индульгенціи; его, по словамъ Цезаря, постигло за это наказаніе; 2 собаки такъ искусили, что черезъ нѣсколько дней онъ умеръ (XI, 53).

Вотъ нѣсколько типичныхъ, упоминаемыхъ у Цезарія, разбойниковъ. Разбойникъ Іоаннъ (Датчанинъ) грабилъ провинціи; зато въ минуту смерти видѣлъ предъ собой діавола (XI, 52).

Трехъ разбойниковъ колесовали; на другой день оставшіяся въ живыхъ рассказывали, что во время смерти его товарищей все поле было покрыто воронами — чертями; онъ все-таки умеръ не раскаявшись (XI, 55).

Въ 56 гл. VII вѣ. разбойникъ спасается, благодаря заступничеству Богородицы.

Указаніи на спокойную, чуждую увлеченій жизнь бюргеровъ у Цезарія немного. Тамъ, гдѣ является бюргеръ, мы видимъ сповойнаго самодовольнаго человѣка съ расчетливостью, даже въ религіи. Бюргеръ разсуждаетъ такъ: апостолы будутъ судить по смерти; грѣхи тяжелы, но и камни—апостолы—тоже; — накупило ихъ и пожертвую церкви; положенныя на вѣсы они перетянутъ грѣхи (VIII, 53).

Въ III кн. 37 гл. рассказывается о купцахъ, жалую-

щихся священнику на исповѣди, что, сколько они ни надувають покупателей, торговля идетъ изъ рукъ вонъ плохо. Священникъ совѣтуетъ торговать честно; купцы слѣдуютъ этому указанію и богатѣютъ. Купцы торговали, какъ увидимъ ниже, и реликвіями (ср. 53 гл., 8 вѣ.).

Страсбургскій бюргеръ умеръ и лежалъ уже въ церкви, въ гробу. Внезапно онъ поднимается и говоритъ женѣ, что если все, что они имѣютъ, не будетъ роздано, — нѣтъ для нихъ спасенія. Его имущество было приобретено всѣми правдами и неправдами (XI, 37).

Но общей антипатіей общества пользовался scultetus (по объясненію лексикона Du-Cange'a ¹⁾ Prefectus, Ballivus, iudex oppidi (с. 339). Слѣдовательно это была личность, облеченная большою гражданскою властью, выбираемая изъ среды бюргеровъ. Въ 7-й гл. XII вѣ. пробѣжавшіе около Вулкана (на Липарскихъ островахъ; Вулканъ отождествляется съ адомъ) крестоносцы слышали голосъ, призывавшій одного изъ скульпетовъ, отличавшагося преступной жизнью. Въ 8-й гл. той же кн. передается подобный случай, причемъ прибавлено, „такъ какъ и этотъ былъ весьма золъ, какъ и прежній“. Въ гл. 9 и 10 той же кн. передаются такіе же почти чудеса, впрочемъ о званіи осужденныхъ Цезарій не говоритъ положительно.

Сухой умъ бюргера довольно скептически относился къ таинствамъ: одинъ горожанинъ, сомнѣвавшійся въ таинства евхаристіи, видѣлъ кровь въ чашѣ (IX, 19).

О горожанахъ-аскетахъ и монахахъ Цезарій не упоминаетъ; впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ постоянно молились отъ нечего дѣлать; одинъ горожанинъ безпрестанно твердилъ: „Ave Maria“ и послѣ смерти явился кому-то въ одеждѣ, исписанной словами ангельскаго пріѣтствія (XII, 50).

¹⁾ Glossarium ad scriptores mediae et infimae Latinitatis 1710.

Между поселянами и бюргерами сходства гораздо больше, чѣмъ между рыцарями и какамъ-нибудь изъ этихъ классовъ. Какъ у горожанъ, такъ и у крестьянъ преобладаетъ реализмъ. Сходство послѣднихъ съ рыцарями чисто внѣшнее (крестьяне раздѣлялись на крѣпостныхъ—*Leibeigene*,—посадичихъ короткіе волоса ¹⁾ и свободныхъ—*freie*,—пользовавшихся полной свободой. Положеніе крѣпостныхъ было довольно тяжело.

Крестьяне подражали рыцарямъ въ одеждѣ, въ удали (составляли шайки грабителей, ср. поэмѣ „Гельмбрехтъ“), нерѣдко роднились съ ними. Борьба между отдѣльными родами (я говорю о свободныхъ крестьянахъ: о крѣпостныхъ Цезарій не упоминаетъ) была такъ же жестока, какъ и у рыцарей: они безъ милосердія избиваютъ другъ друга, за плѣнныхъ берется выкупъ по всѣмъ правиламъ войны. Вражда крестьянъ не прекращается иногда со смертью. Вотъ рельефный примѣръ.

Два рода крестьянъ постоянно враждовали. Главы ихъ умерли въ одно и то же время, и тѣла ихъ были случайно положены рядомъ. Не успѣли зрители оглянуться, какъ старики съ остервененіемъ бросились другъ на друга и стали грызться, „какъ собаки“ (XI, 56).

*Подкупленный поселянин*омъ монахъ страстующаго ордена, недостойный человѣкъ (*quales multi sunt*), поджигаетъ домъ, гдѣ онъ пользовался гостепрѣмствомъ (X, 36). Въ гл. 7 той же (X) кн. рассказывается о непрерывной враждѣ 2 родовъ поселянъ, о взятіи въ плѣнъ врагами члена одного изъ нихъ и о чудесномъ избавленіи св. Степаномъ.

Изъ-за чего велись эти домашнія войны? Изъ-за чего

¹⁾ Объ обычѣ посвящать Маріи волоса упоминаетъ Цезарій въ VI кн. 38 гл. „Онъ (рыцарь Вальтеръ) былъ такъ воспламененъ любовью къ Ней (Вогородицѣ), что въ какой-то бѣдной церкви. Ей посвященной, съ вѣдомъ священника, надѣвалъ на шею веревку, предлагая себя, какъ раба земли, на алтарь, платя ежегодно дань съ своей головы, какую обыкновенно даютъ простые рабы“.

доходить до остервенѣнія крестьяне? Разрѣшить этотъ вопросъ не трудно, даже а priori: изъ-за земельной собственности,¹⁾ споровъ изъ-за границъ. У Цезарія мы находимъ на это указанія.

Поселянинъ, умирая, видѣлъ надъ своей головой огненную глыбу; на исповѣди онъ признался, что переставилъ межевой камень (XI, 47).

Огненный столбъ висѣлъ, какъ Дамокловъ мечъ, надъ умирающимъ поселяниномъ, перенесшимъ межевой знакъ. Видѣніе только тогда перестало мучить, когда обиженный былъ удовлетворенъ и простилъ (XI, 48).

Выше было замѣчено, какъ ужасно страдало тогдашнее общество отъ ростовщиковъ. Но ростовщики являютъ слѣдствіемъ, порожденіемъ извѣстныхъ обстоятельствъ. Кто давалъ имъ пищу, и кто они были? На первый вопросъ можно отвѣтить рѣшительно: рыцари, на 2-й съ нѣкоторой вѣроятностью—не рыцари. Придворная жизнь, турниры, войны, служеніе дамамъ—все это требовало большихъ издержекъ, а лень очень часто могъ покрывать только домашніе расходы. Давая взаимныя деньги рыцарямъ на громадныя проценты, ростовщики получали ихъ въ случаѣ удачи на турнирѣ, войнѣ и проч. О томъ, какъ поступали они при несостоятельности должника, Цезарій не говоритъ, и потому это лежитъ за предѣлами моей задачи. Какимъ бременемъ были ростовщики, какъ выжимали они жизненные соки у своихъ жертвъ, видно изъ того, что для нихъ нѣтъ достойныхъ наказаній. Цезарій, котораго даже косвенно не могло касаться ростовничество, посвящаетъ ему много главъ, съ отвращеніемъ говоритъ о немъ, считая лихву самымъ ужаснымъ грѣхомъ (одна глава озаглавлена: „*quam grave peccatum sit usura*“) (ср. II, 8).

Иногда ростовщики раскаявались; одинъ изъ нихъ не послѣдовалъ убѣжденіемъ корыстолюбиваго епископа, совѣтовавшаго отдать деньги на церковь, и возвращаетъ ихъ, по

совѣту другого духовнаго, своимъ должникамъ; потомъ проходить по городу обнаженный и бичуемый своимъ рабомъ (II, 33).

Но подобные случаи бывали очень рѣдки. Всю жизнь, наслаждаясь деньгами, ростовщики не разставались съ ними и переть смертью: нѣкоторые приказывали класть даже въ гробъ золото. Одинъ изъ такихъ любителей металла приказалъ похоронить себя съ мѣшкомъ червонцевъ. Воры раскопали ночью могилу, желая ограбить тѣло, но когда они открыли гробъ, ихъ взорамъ представило слѣдующее: двѣ лягушки сидѣли въ гробу, одна у отверстія мѣшка, другая на груди трупа; первая вынимала монеты, вторая клала въ сердце ненасытнаго скупца (XI, 139). Ростовщица по смерти не переставала считать деньги (XI, 40).

По смерти ростовщика изъ Bosheim (близъ Кельна) черти въ видѣ черныхъ вороновъ во множествѣ слетѣлись; душа его со свистомъ и стономъ вылетѣла изъ тѣла, которое въ присутствіи многихъ было поднято чертами и брошено на полъ (XI, 41).

Среди культурныхъ фактовъ, приводимыхъ Цезаріемъ, всегда интересными представляются примѣры судебного производства. „Судъ Божій“ въ видѣ поединковъ или пытокъ является руководящимъ началомъ для Цезарія и его современниковъ.

Однаго рыбака, обвиняемаго въ противозаконной связи съ женой товарища, пытали огнемъ; благодаря заступничеству святого, раскаленное желѣзо не обожгло виновнаго; но когда онъ, кощунственно хвасталъ этимъ и говорилъ, коснувшись рукой поверхности воды: „вотъ какъ повредилъ мнѣ этотъ огонь“ — вода обожгла ему пальцы (X, 35, срв. 37).

Одинъ клирикъ вмѣстѣ съ сестрой своей совершилъ убійство. Ихъ осудили на сожженіе на кострѣ: огонь снегъ клирика и не тронулъ его сестры, такъ какъ виновная раская-

лась, иди на казнь, на исповѣди (XII, 15). Иногда случайное сновидѣніе рѣшало жизнь человѣка. Виттельсбахъ, знаменитый представитель извѣстнаго царственнаго рода, видѣлъ пророческій сонъ, предсказавшій ему гибель отъ перваго встрѣчнаго. Утромъ Виттельсбахъ отправляется въ поиски своего предполагаемаго врага и встрѣчаетъ близкаго друга; не задумываясь, онъ казнить его, чтобы избѣжать неминуемой опасности (II, 24).

Дѣдъ задушилъ юношу, обольстителя своей внучки. Считал себя вполне правымъ, онъ сказалъ объ этомъ лишь на исповѣди передъ смертью. Епископъ не хотѣлъ разрѣшать ему причастія, такъ какъ грѣшникъ не выразилъ сожалѣнія о своемъ грѣхѣ. Но старикъ удостоился чудеснымъ образомъ причастія (IX, 38).

Судебные поединки были распространены во время Цезарія, который приводитъ много данныхъ. Привожу наиболѣе интересный случай, напоминающій поединковъ между Пинабелемъ и Тьерри (Chanson de Roland).

„Людвигъ, графъ Losensis, отецъ нынѣ здравствующаго, владѣлъ также графствомъ Ренгене. Пользуясь отсутствіемъ графа, одинъ изъ его министераловъ, благороднаго происхожденія, во многомъ провинился, нападая на подданныхъ графа и грабя ихъ имущество. Графъ неоднократно жаловался своимъ друзьямъ и однажды, обратившись къ рыцарю, имѣвшему отъ него ленъ, сказалъ: „Отчего ты не поймалъ этого разбойника?“ Рыцарь въ отвѣтъ: „Я бы давно захватилъ его, если бы былъ увѣренъ, что ты не коснешся его тѣла“. Получивъ желанное обѣщаніе графа, рыцарь поймалъ грабителя и выдалъ графу, который прибѣгнувъ къ слѣдующему софизму: онъ велѣлъ выкопать могилу и положить въ нее рыцаря, обернутаго въ мягкую ткань, и задушилъ его, засыпавъ землей. Родственники убитаго въ ярости съ воплемъ принесли жалобу императору Фридриху, дѣду нынѣ царствующа-

цаго, говоря, что рыцарь, будучи подкупленъ, выдалъ убитаго графу. Когда императоръ, полный гнѣва, забывая обо всемъ, хотѣлъ осудить невиннаго, одинъ рыцарь знатнаго происхожденія, вставъ и получивъ разрѣшеніе, произнесъ слѣдующее заявленіе: „Государь, ты слышалъ только половину дѣла; если бы отвѣтчикъ былъ здѣсь, онъ, можетъ быть, сумѣлъ бы оправдаться. Такъ какъ императоръ заявилъ: „разрѣшается тебѣ его привести“, рыцарь привелъ того рыцаря. Когда обвиняемый устами адвоката весьма пространно оправдывался, императоръ, подъ давленіемъ его враговъ, сказалъ: „Это только слова, наказаніе не минуетъ его“. Рыцарь, приведшій обвиняемаго, протестовалъ, говоря: „Государь, если ты обилишь его, никогда не будутъ тебѣ вѣрить. „Хорошо, сказалъ императоръ, онъ теперь свободенъ, но если впоследствии онъ будетъ пойманъ мною или моими,—онъ не избѣжитъ наказанія“. Рыцарь остановился на порогѣ дворца и разсудивъ, что у царей длинныя руки, вернулся къ его величеству и сказалъ: „Государь, я не могу избѣжать рукъ твоихъ, но я такъ увѣренъ въ своей невинности и Божьемъ милосердіи, что немедленно готовъ вступить въ единоборство, а такъ какъ я благороднаго происхожденія, то ссылаюсь на свое право“. Императоръ отвѣтилъ: „Теперь ты говоришь, какъ подобаетъ храброму рыцарю“. Между врагами нашли очень сильнаго рыцаря для единоборства съ нимъ. Завтра, послѣ исповѣди, баронъ приступилъ къ Св. Причастію и, полагаясь на помощь этого Тайнства, вступилъ на арену со своимъ противникомъ! Послѣдній, очень сильный воинъ, гонялъ рыцаря по аренѣ. Они остановились передъ императоромъ, который вмѣстѣ съ окружающими слышалъ, какъ противникъ рыцаря громко спросилъ его: „Скажи мнѣ, ѣлъ ли ты что-либо сегодня?“ Рыцарь: „Я вкусилъ Тѣло моего Господа!“ Еслибы ты съѣлъ даже чорта, а тебя убью“. Но Господь, желая показать силу своего Тайнства,

немедленно послѣ хулы лишилъ произнесшаго ее силъ, а своего рыцаря такъ укрѣпилъ, что тотъ отбросилъ своего противника какъ мальчишку.

Повергнутый долженъ былъ покориться рыцарю. Такимъ образомъ вѣрный рыцарь побѣдилъ благодаря Тѣлу и Крови Господней и освобожденный съ большою славой вернулся домой“.

Къ женщинамъ Цезарій относится вообще отрицательно, какъ и подобаетъ средневѣковому монаху. Приводя анекдоты о прекрасномъ полѣ, авторъ „Д. Ч.“ мѣстами напоминаетъ автора Декамерона. Особенно казнить онъ чувственность и любопытство женщинъ.

Нѣкоторыя изъ изображаемыхъ у нашего монаха дочерей Евы доходятъ въ своемъ сладострастіи до удивительныхъ причудъ. Такъ, одна дама пытается соблазнить старика-исповѣдника (III, 43). Цезарій называетъ ее „matrona“; отсюда можно заключить, что она была замужемъ, не первой молодости и знатна (незнатныхъ Цезарій называетъ „femina“). Не разъ рассказывается о связи замужнихъ женщинъ съ демонами; нерѣдко замужнія женщины заводили интриги со священниками (XI, 29 и др.). Иногда проступки этого рода принимали противоестественный характеръ: связь съ сыномъ (II, 11). О нарядахъ женщинъ Цезарій упоминаетъ только одинъ разъ: въ церковь вошла „на подобіе павы“ разряженная дама; на ея плечѣ сидѣло множество маленькихъ, какъ черви, чортиковъ; они смѣялись и хлопали въ ладоши („въ самомъ дѣлѣ одежда женщинъ—сѣть діавола“). Священникъ остановилъ даму, разгромилъ ее: всѣ видѣли ея свиту, и она со стыдомъ отправилась домой (V, 7).

На ряду съ распутствомъ женщинъ, о которомъ Цезарій говоритъ, какъ о явленіи обыкновенномъ, стоитъ грубое ханжество. Ханжество переходитъ въ фарисейство: одна женщина перечисляетъ на исповѣди свои благодѣянія вмѣсто грѣховъ. Когда священникъ началъ спрашивать ее объ образѣ

жизни, оказалось, что за ней числится достаточное для получения почетнаго мѣста въ аду число преступленій (III, 46).

Поклоненіе святымъ и угодникамъ принимало въ частности у женщинъ уродливыя формы: святые и апостолы имѣли у нихъ ранги, и изъ-за нихъ они нерѣдко ссорились. Въ Кельнѣ и его окрестностяхъ, напр., существовалъ у женщинъ обычай выбирать по жребію апостоловъ. Одной попался Андрей; она съ гнѣвомъ бросила жребій, но еще 2 раза онъ ей попадался, за третьимъ, наконецъ, она вынула жребій по вкусу.

Иногда, впрочемъ, святые мстили за презрѣніе. Одну женщину, бросившую съ гнѣвомъ подсвѣчникъ съ именемъ Іуды, этотъ апостолъ выбранилъ и разбилъ параличемъ. Священники протестовали противъ такихъ выборовъ (VIII, 61) ¹⁾.

Упоминаетъ Цезарій и о дѣвухахъ легкаго поведенія, которыя являюся часто неисправимыми, хотя Христосъ и заботится о нихъ.

Одной приснился Страшный Судъ; она видѣла страшныя мученія, ожидающія грѣшниковъ, и стала молить Христа о пощаждѣ. „О чемъ просишь?“ говоритъ Христосъ, „дай мнѣ меньшій палець, а я дамъ тебѣ руку“, т. е. покайся немного, а я дамъ тебѣ царствіе небесное. Несмотря на явное предостереженіе, дѣвушка не измѣнила образа жизни; надъ ея гробомъ грѣшныя собаки (XI, 59).

Жены пускали иной разъ колдовства для привлеченія мужей: одному рыцарю явилась умершая жена и сказала, что страдаетъ въ чистилищѣ за то, что употребляла магическія средства для возбужденія его любви (XII, 27).

Въ такомъ непривлекательномъ видѣ выступаютъ предъ

¹⁾ Иногда святые и даже Богородица бывали черезчуръ чувствительны къ обидѣ; такъ одна старуха, называвшая безобразную икону Богоматери хамомъ (Hampel, вѣм. Gerümpel), была, благодаря Маріи, выгнана собственнымъ сыномъ изъ дому (VII, 44).

нами дочери Евы того времени; къ этому надо прибавить любопытство и упрямство—качества, съ которыми женщина является въ народныхъ сказкахъ и анекдотахъ.

Тѣ рассказы, въ которыхъ Цезарій изображаетъ женщинъ любопытными и упрямыми, представляютъ, безъ сомнѣнія, какъ и многія главы Діалога, отзвукъ народныхъ преданій. Вотъ 2—3 рассказа.

Жена удивляется любопытству Евы, утверждалъ, что на ея мѣстѣ не вкусила бы запретнаго плода. Мужъ говоритъ, что она поступила бы не лучше Евы, и запрещаетъ ей ходить въ извѣстный день безъ обуви въ лужѣ, находящейся близъ бани; въ награду за воздержаніе она получить 40 марокъ сереб. ¹⁾, въ противномъ случаѣ—столько же отдастъ мужу. Жена съ радостью принимаетъ условіе. Но въ назначенный день выйдя изъ бани и не замѣчалъ никого, женщина погружается до колѣнъ въ грязь и съ наслажденіемъ гуляетъ нѣсколько минутъ. Мужъ, котораго извѣстили объ этомъ, отнялъ у нея всѣ наряды, такъ какъ у нея нечѣмъ было заплатить (IV, 76).

Отъ бессмысленнаго любопытства и упрямства не были свободны и мужчины того времени, и Цезарій приводитъ по этому поводу интересные анекдоты.

Гл. 75, IV кн. рассказываетъ о любопытномъ рабѣ, выпустившемъ изъ ящика запертую туда хозяиномъ птичку. Запрещеніе не ѣсть какого-либо плода, даже особенно нелюбимаго виновнымъ встрѣчается какъ эпитимія, и, какъ ни страшна она, и, повидимому, легка, рѣдко удавалось грѣшнику устоять противъ искушенія (IV, 77), послѣ неимовѣрныхъ усилій. Въ 88 гл., IV кн. передается своеобразное наказаніе предателя папой Иннокентіемъ. Грѣшнику этому всякая эпитимія была непосильна; наконецъ онъ, съ согла-

¹⁾ Сумма, для того времени, громадная.

сія папы, выбравъ себѣ слѣдующее наказаніе: не ѣсть тѣхъ овощей, на которыя онъ не могъ смотрѣть безъ отвращенія; грѣшнику оно было не подѣ силу: онъ грызъ въ огородѣ сырые овощи при первомъ случаѣ.

Говоря о свѣтскомъ обществѣ того времени, нельзя обойти евреевъ. Это даровитое племя, поставленное въ самыя невыгодныя для производительнаго труда условія, давно уже обратило все свое вниманіе на торговлю и эксплуатацію.

Цезарій въ силу уже самой дѣли Діалога мало даетъ намъ фактическихъ указаній; зато изъ нѣсколькихъ анекдотовъ можно видѣть, какъ относилась публика къ тому или другому явленію. Разсматриваемая эпоха совпадаетъ съ крестовыми походами, а слѣдовательно съ гоненіемъ евреевъ. Всякій имѣлъ благовидный предлогъ и могъ, когда желалъ, поживиться еврейскимъ добромъ, принявъ на себя роль мстителя за Христа. Преслѣдованія евреевъ, страшныя насилія надъ ними достигли апогея въ XIV в.; причины этихъ гоненій не были исключительно религіозныя; евреевъ преслѣдовали и какъ колдуновъ, какъ „отравителей колодець“, во время свирѣпствовавшей чумы. Среди политическихъ и экономическихъ неурядиць евреи служили такимъ же козломъ отпущенія для массы, какъ въ бывшее время христіане, и чѣмъ они отчасти служатъ и доселѣ.

Замѣчательно, что такая развитая и гуманная личность, какъ Цезарій, относится съ ненавистью къ евреямъ. Несчастье, вызывающее въ другихъ случаяхъ соболѣзнованіе, по отношенію къ евреямъ вызываетъ у него злобную улыбку. Несчастливымъ положеніемъ племени Авраама, находившагося почти внѣ покровительства законовъ, пользовался всякій, между прочимъ и ловеласы-клирики, не переносившіе ненависти и отвращенія на хорошенькихъ іудеевъ. Въ трехъ гл. Цезарій рассказываетъ объ оболещеніи евреевъ, и въ этихъ случаяхъ героями являются клирики. Одинъ молодой кли-

рикъ, родственникъ епископа, отправляется на свиданіе съ еврейкой въ Страстную Пятницу — преступленіе для духовнаго громадное. Отецъ застаётъ любовника у дочери и хочетъ убить, но, „узнавъ въ немъ родственника епископа“, отказывается отъ своего намѣренія; на другой день отправляется съ друзьями въ церковь жаловаться владыкѣ на оболещителя. Клирикъ, замѣтивъ еврея, испугался и сталъ молить Бога изъбавить его отъ позора. Евреи, испуганные внезапнымъ вопросомъ епископа, не могли тотчасъ отвѣтить ему и были выгнаны изъ храма. Впослѣдствіи и клирикъ и еврейка поступили въ монастырь (II, 23).

Приведу еще разсказъ о евреяхъ, замѣчательный еще тѣмъ, что въ немъ проявляется всегда мучившее еврейскій народъ ожиданіе Мессіи, которое можно поставить на ряду съ надеждой на золотой вѣкъ и царство Божіе на землѣ. Ожиданія эти происходятъ изъ самаго идеальнаго источника человѣческой природы — оптимизма. Извѣстно, что бывали случаи появленія Лже-Мессій, и несчастное племя со всей силой восточной фантазіи увлекалось ими.

Клирикъ сошелся съ дѣвушкой-еврейкой; послѣдствіи связи обнаружилась. Клирикъ, одѣвшись въ костюмъ небожителя, явился къ родителямъ и сказалъ, что у нихъ дочери родится Мессія. Родители обратились къ ней съ вопросами. Наставленная любовникомъ дѣвушка отвѣтила: „я знаю точно, что я дѣва и мужа не знала до сихъ поръ“. Родители обрадовались, и слава о будущей матери Мессіи разнеслась быстро. Но въ ожидаемый съ нетерпѣніемъ день родилась дочь. Евреи были внѣ себя отъ горя и стыда: старикъ-отецъ размозилъ голову ребенку; мученіями онъ вынудилъ у дочери признаніе. Клирикъ не постарался даже окрестить свою жертву, „можетъ быть клирикъ этого не могъ сдѣлать говорить Цезарій, или вѣрнѣе не старался“ (VIII, 24).

Евреи не находили нигдѣ правосудія. Подѣ вліяніемъ

клириковъ дѣвочка-еврейка убѣгаетъ отъ отца и поселяется въ монастырѣ. Подъ давленіемъ монахинь она не хочетъ даже видѣть родителей. Отецъ въ отчаяніи обращается къ герцогу, предлагаетъ ему крупную сумму за возвращеніе дочери, но священникъ грозитъ вельможѣ утратой царства Божія за содѣйствіе невѣрному, и герцогъ, получивъ деньги съ еврея, предоставляетъ его горькой судьбѣ. Еврей обращается къ епископу; владыка оказывается добросовѣстнѣе и, получивъ приличную сумму денегъ, требуетъ у монастыря выдачи дѣвушки. Для переговоровъ съ монахами еврей послалъ магистра, который признался аббату, что взялся за дѣло съ цѣлью выманить деньги у еврея, что и исполнилъ: взявъ взятку, отказался отъ веденія процесса. Епископъ, осаждаемый мольбама еврея, настойчиво требуетъ у монаховъ выдачи дѣвочки, но монастырь получаетъ позволеніе задерживать ее вопреки желанію епископа, и несчастный еврей покинута на произволъ судьбы, потерявъ громадную, по всей вѣроятности, сумму денегъ (II, 25).

Ненависть къ евреямъ разжигалась нелѣпыми разсказами о нихъ; одна еврейка, желая смыть съ дочери крещеніе, говоритъ, будто бы, что для этого нужно ее отпустить нѣсколько разъ въ kloau (II, 26). Евреи во время религиозныхъ торжествъ находятъ у себя на престолѣ лагушку (вѣроятно, положенную услужливымъ христіаниномъ); это событіе вызываетъ крики радости у присутствующей христіанской публики.

Чтобы покончить съ вѣдностью, такъ сказать, свѣтскаго общества, необходимо сказать о развлеченіяхъ, которымъ оно предавалось; два слова о врачахъ, юристахъ, учителяхъ и проч. О турнирахъ было сказано выше. Изъ другихъ доступныхъ всѣмъ увеселеній Цезарій упоминаетъ о театрѣ, къ которому ревностное духовенство относилось враждебно, хотя сами священники иногда посѣщали его. О театрѣ упоми-

нается между прочимъ въ 17 гл. фрагмента (приложеніе къ труду Кауфмана). Цезарій находитъ весьма основательнымъ, чтобы легкая стихія (огонь) наказывала легкомысленныхъ. Богъ по смерти влеймитъ посѣтителей театровъ и кабаковъ: умершіе въ кабакахъ и театрахъ послѣ смерти черны, какъ уголь; умершіе въ церкви — бѣлы, какъ снѣгъ (X, 41). Въ 24 гл., VIII кн. Цезарій упоминаетъ о мистеріяхъ и монахѣ-живописцѣ, умѣвшемъ изображать очень хорошо кресты, расписавшемъ и Гейстербахскую церковь.

Странствующіе ученики пользовались славою хорошихъ врачей; такъ одна женщина увѣрила, что „много средствъ знаютъ ученики“, и требовала, чтобы одинъ изъ нихъ вылѣчилъ ее больную дочь. Школьникъ прописалъ рецептъ: „Accipe barbam Jovis“¹⁾ fuliginem et sal, fac ex eis unguentum. Видно сажа, соль, Barba Jovis играли важную роль въ медицинѣ того времени. Монахи чаще всего бывали лѣвьярями; нѣкоторые проводили всю жизнь въ странствованіяхъ. Шульцъ²⁾ (2 ч. стр. 401) говоритъ: „въ монастыряхъ бывалъ всегда опытный въ медицинѣ братъ“. Цезарій тоже упоминаетъ о братьяхъ-медикахъ. Странствующіе ордена пользовались не очень завидной репутацией. Выше я говорилъ о монахѣ-поджигателѣ (ср. VI, 20).

Объ ученыхъ того времени теологахъ и магистрахъ Цезарій довольно хорошаго мнѣнія, хотя иногда и пеняетъ на нихъ, особенно, говоря о евреяхъ.

Теологъ Тома „doctor... bonus“, что не мѣшаетъ ему, умирая, разговаривать съ чортомъ (XI, 38). Умершій магистръ издаетъ благоуханіе (XII, 48); въ 54 гл. той же книги (XII) ноги магистра сияютъ. Отношеніе магистра къ ученикамъ далеко не гуманно; въ свою очередь школьники не очень

¹⁾ Barba Jovis (Macer Florinus) Donnenbart, посаженная на крышу, спасаетъ домъ отъ молніи (Grimm. Deutsche Mythologie, с. 267).

²⁾ Das höffische Leben zur Zeit der Minnesinger.

уважали своих педагогов: когда одинъ ученикъ былъ похищенъ чертомъ, его товарищи грозили смертью магистру, требуя возвращенія товарища (V, 4).

Упоминаются и странствующие поэты изъ духовныхъ; такъ, въ 15 гл., II кн. рассказывается о Николаѣ, называемомъ „*agchiroëta*“, который, боясь смерти, надѣлъ рясу; выздоровѣвъ, со смѣхомъ бросилъ ее и отправился гулять по свѣту.

Существовали и юристы-подьячие (*legistae*), но они пользовались не очень хорошей репутацией за эластичность совѣсти: у одного изъ нихъ, злоупотреблявшаго при жизни языкомъ, по смерти не оказалось этого органа (X, 66).

Сказавъ о главныхъ, упоминаемыхъ у Цезарія составныхъ частяхъ свѣтскаго общества того времени, попробую взглянуть въ его духовную жизнь, опредѣлить, куда направлялась дѣятельность ума и фантази; причемъ демонологіи, остаткамъ языческой мнѳологіи, представленіямъ о загробной жизни, какъ занимающимъ почтенное по количеству и качеству разказовъ мѣсто, будетъ посвящена особая глава.

III.

Грубость представленій въ разсматриваемый періодъ доходить до громадныхъ размѣровъ; на все смотритъ съ меркантильной точки зрѣнія; святыхъ, Христа, Богородицу готовы эксплуатировать: жалуются одному на другого, торгуются съ ними. Съ особенной рельефностью отражается это на пониженіи культа тѣла Христова, съ котораго любопытство сняло покровъ таинственности. Извѣстно, что умъ и фантазія въ то время были опутаны теологической паутиной; фантазія, въ какихъ-бы грубыхъ формахъ она ни проявлялась, была направлена исключительно почти на предметы религіи. Рыцарство своимъ культомъ женщинъ возвысило

культъ Маріи, которая въ свою очередь дѣйствовала благотворнымъ на него образомъ, смягчая силой женской прелести и чистоты грубыя натурь.

На первомъ планѣ по силѣ и распространенности представленій нужно поставить культъ Христа. Рожденіе Спасителя представляется не разъ многимъ набожнымъ. Монахъ, которому такъ хотѣлось видѣть младенца-Христа, что наканунѣ Рождества онъ не могъ ни ѣсть, ни пить отъ волненія, наконецъ удостоился этой милости (VIII, 5).

Свѣтская дѣвушка видѣть Христа въ пеленкахъ, вокругъ Него „*quasi thronum aereum ad similitudinem uris*“, по сторонамъ ангелы.

Трехлѣтняя дѣвочка (*sic*) видѣла послѣ продолжительныхъ молитвъ Христа въ видѣ трехлѣтняго мальчика, который произнесъ: „*Ave Maria*“, и, когда дошелъ до словъ „и благословенъ плодъ чрева Твоего“, поднялся на небо (VIII, 8).

Страданія Спасителя еще больше возбуждали фантазію. Нѣкоторыя женщины не могли думать и говорить объ этомъ безъ слезъ. Видѣнія, особенно во время Страстной недѣли, были перѣдвиги; одна дѣвочка видѣла Его предъ Пасхой съ грустнымъ лицомъ, опущенной головой, босоногого въ желтой туникѣ; въ углу стояли 10 или 12 гонителей, раскулажившихъ о смерти (VIII, 9).

Женщина, безъ слезъ не думавшая о страданіяхъ Христа, наяву видѣла Его на крестѣ (VIII, 10).

Еслибъ я пожелалъ перечислить всѣ явленія Христа вѣрнымъ, мнѣ пришлось бы выписать по крайней мѣрѣ десятую часть Діалога; въ этомъ нѣтъ нужды, тѣмъ болѣе, что всѣ эти видѣнія имѣютъ много общаго.

Иногда Христосъ творить судъ и расправу: церковный служитель, воровавшій свѣчи, стоявшій предъ чудотворнымъ распятымъ, былъ избитъ послѣднимъ такъ, что кровь хлынула у него изъ горла. Преданіе, глубокохристіанское о

томъ, что Христосъ является въ видѣ бѣдняковъ, прокаженныхъ, жило еще и въ то время; одного бѣдняка прогоняетъ палкой придворный герцога Lovaniæ (Löwen); присутствовавшій при томъ бѣлецъ былъ растроганъ до слезъ; ночью является къ нему Христосъ и благодаритъ за состраданіе (VIII, 27).

Въ гл. 31 той же (VIII) кн. Христосъ принимаетъ видъ прокаженного; въ гл. 32 (VIII) Спаситель принимаетъ тотъ же видъ, при томъ здѣсь очень хорошо обрисованъ типъ сострадательнаго священника, не погнушавшагося языкомъ оказать услугу прокаженному; въ награду за этотъ подвигъ на языкъ его упалъ драгоценный камень (gemma).

Болѣе всего любопытства, естественно, возбуждало таинство Евхаристіи; оно-же было предметомъ высшаго почитанія. Неудивительно, что разсказовъ о чудесахъ тѣла Христова довольно въ Dialogis; имъ же посвящено нѣсколько главъ приложенія Кауфмана¹⁾.

Видѣнія эти происходятъ, становясь на точку зрѣнія человека того времени, изъ 2 источниковъ: 1) Это—награда за вѣру, набожность, милосердіе, во 2) средство, употребляемое Христомъ для убѣжденія въ истинности своего таинства. Христосъ является во время литургіи въ видѣ мальчика, въ видѣ сырого мяса или крови. Мальчикомъ онъ является и въ награду, и въ наказаніе; въ первомъ случаѣ онъ смотритъ ласково, легко проглатывается (напр. въ IX кн. 28, 42), и даже для большаго удобства превращается при вкушеніи въ хлѣбъ (IX, 2). Въ гл. 8 фрагмента разсказывается про священника, который вкушалъ причастіе въ видѣ мальчика и, такъ какъ за нимъ водились грѣхи, мальчикъ болталъ ногами, упирался, и священникъ съ трудомъ могъ его проглотить. Но когда онъ, по совѣту своего товарища, исповѣ-

дался, ребенокъ опрометью бросился ему въ ротъ. Отъ преступнаго священника ребенокъ-причастіе отворачиваетъ языкъ (IX, 57); священникъ видѣлъ то дѣву, то агнца, то распятіе: у него была наложница (IX, 3).

Невѣрующіе или сомнѣвающіеся видятъ кровь въ чашѣ; даже вода, которой священникъ омываетъ руки, превращается иногда въ кровь. У недостойнаго священника хлѣбъ превращается въ мясо (IX, 5). Кровь видятъ священники и миряне въ гл. 1, 2, 3 фрагмента, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 66 IX кн. и др.

Иногда недостойно вкушающіе евхаристію жуютъ уголья: такой процессъ видѣлъ, напр., монахъ Теодорикъ въ 54 гл. IX кн. (тоже въ 62 той же к.). Замѣчательна та безцеремонность, съ какою употребляли евхаристію для своихъ цѣлей. Выше былъ приведенъ разсказъ о томъ священникѣ, который, надѣясь прельстить свою даму, положилъ въ ротъ причастіе. Подобный случай передается въ 1-й гл. фрагмента; здѣсь женщина послѣ поцѣлуевъ любовника не могла проглотить причастія; выпнувъ хлѣбъ, завернула его въ тряпку и бросила; хлѣбъ обнаруживалъ всѣ признаки живого тѣла: одна сторона была красная, кровавая, другая бѣлая. Почти то же случилось во второй гл. фрагмента, причемъ женщина приобщается 2 раза въ день. Евхаристія употребляется даже для хозяйственныхъ надобностей; такъ, одна женщина разжевала на мелкіе куски гостію и разбросала по грядамъ для предохраненія капусты отъ червей. Зато чортъ сдѣлалъ ее своимъ мѣстопробываніемъ (IX, 6); подобный случай, впрочемъ не такой рѣзкій, находимъ въ гл. 25-й IX кн., гдѣ женщина беретъ воду, въ которой священникъ мылъ руки во время обѣды для орошенія полей.

Замѣчательно, что на корабляхъ нельзя было возить причастія; на это мы имѣемъ прямое указаніе въ фрагментѣ (12 гл.).

Послѣ взятія Сарацинами Даміетты множество духовныхъ

¹⁾ С. v. Heistherbach.

возвращалось на одномъ венеціанскомъ кораблѣ; путешествіе ихъ не было благополучно: они плавали 3 недѣли, тогда какъ при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ можно было проѣхать это пространство въ 3 дня. Когда путешественники отправились изъ Каира, поднялась такая буря, что всѣ ожидали смерти. Священникъ изъ Венеціи принесъ для причастія больного причастіе: причина бури узнана. Генрихъ, каноникъ Кельнскій, сказалъ: „По заслугамъ наказываетъ васъ Богъ; не слѣдуетъ имѣть (причастіе) на кораблѣ“.

Во время одной экспедиціи было запрещено держать на кораблѣ причастіе. На это запрещеніе не обратили вниманія на кораблѣ фризовъ; онъ не могъ двинуться съ мѣста, былъ разбитъ, причѣмъ люди спаслись, весь багажъ потонулъ, во ящикъ съ причастіемъ догнавъ ушедшіе впередъ корабли и былъ взятъ съ благоговѣніемъ пассажирами; вода не коснулась его, хотя въ ящикѣ было отверстіе (IX, 13).

Несмотря на то, что Христосъ мстил за поруганіе своего таинства [даже муха, мѣшавшая священнику при жертвоприношеніи, падаетъ мертвой (IX, 10)], священники относятся къ таинству далеко не съ должнымъ почтеніемъ (и здѣсь не безъ исключенія, напр., 30, 31, 32 гл. IX кн.). Одинъ священникъ, пролившій вино, думаетъ скрыть свою оплошность; другой даже попираетъ ногой упавшую гостію (IX, 55).

Въ гл. 3 VII кн. разсказывается о святотатствѣ фриза. бросившаго причастіе на полъ.

Хлѣбъ для евхаристіи пекся иногда небрежно; такъ, гостія, въ которой былъ оводъ, пригала на алтарѣ. Замѣчательно, что многіе еретики вламывались въ церкви и ничего тамъ не брали, кромѣ гостіи (IX, 52).

Но эти единичные случаи, указывающіе, правда, на нѣкоторое пониженіе религиозныхъ чувствъ, не мѣшали массѣ вообще относиться къ евхаристіи съ благоговѣніемъ, граничащимъ съ любопитствомъ.

Перейду къ культу Маріи, — культу, достигшему значительной степени распространенности къ тому времени и отразившемуся въ трудѣ Цезаря, гдѣ, кромѣ 7-ой книги, Маріи посвящены нѣкоторыя главы другихъ.

Въ культѣ Маріи нельзя не видѣть перенесенія свойствъ языческой Гольды („Holda ist die freundliche, milde, gnädige Gattin und Frau“; говоритъ Гриммъ 244 стр., D. M.) на Богородицу. Объ этомъ упоминаетъ Гриммъ въ примѣчаніи къ стр. 246 ¹⁾. Но такъ какъ правильности въ перенесеніи свойствъ языческихъ божествъ на христіанскія не было и быть не могло, то нѣкоторыя изъ обожаемыхъ христіанствомъ лицъ совместили нѣсколько божествъ; такъ Марія удержала нѣкоторыя качества Фрейи. Выше былъ приведенъ разсказъ о томъ рыцарѣ, котораго замѣнила на турнирѣ Марія (VII, 38).

Указанный выше обычай посвящать Богородицѣ волосы безъ сомнѣнія относится къ удѣлѣвшимся въ XII, XIII вв. остаткамъ язычества „mutato nomine“.

Если-бы потребовалось указать на самую идеальную сторону разсматриваемаго періода, необходимо было бы назвать культъ Маріи. Правда, Она иногда даетъ выговоръ своимъ сновьямъ ²⁾, не позволяетъ монахамъ спать (IV, 30), но вообще является идеальной защитницей угнетенныхъ во время царства силы. Какой милостивой, снисходительной заступницей несчастнаго человѣчества является Она передъ Сыномъ! Какой чистой, стыдливой во время всеобщаго разврата!

Можно утверждать, что для того, чтобы создать такой совершенный культъ, нужно имѣть много любви къ человѣ-

¹⁾ Da andere eigenschaften Holdas auf Maria übergehen, so darf hier auf die *Maria ad nives* notre Dame *aux neiges* verglichen werden, deren fest am 5 aug. feierte; auf diesen Tag beten zu ihr die Brüsseler spitzmacheherinnen, damit ihr Werk weiss wie der Schnee bleibe. In einem Bretagnen in Volkslied heisst es: notre Dame Marie sur votre trone de neige!

²⁾ Каноникъ, умирая, видѣлъ Марію и разсказывалъ о видѣніи причастію; за тѣшеславіе оль получилъ ударъ по лицу.

честву, много уваженія къ женщинѣ, много глубокой, наивной вѣры. Этотъ возвышенный культъ Маріи искупаетъ много пороки времени. Посмотримъ, чѣмъ является Богородица въ отношеніяхъ къ людямъ. Она гораздо добрѣ Христа, и человекѣ, отказывающейся отъ Бога и отъ Христа, на предложеніе отказаться отъ Маріи съ гнѣвомъ отвѣчаетъ: „Никогда не откажусь отъ Нея, хотя бы мнѣ пришлось всю жизнь отъ воротъ до воротъ просить „Христа ради“ (ч. I, стр. 80). Онъ не обманывается въ своей надеждѣ; Христосъ хочетъ оставить преступника, Марія падаетъ предъ Нимъ на колѣни, и Сынъ наконецъ прощаетъ преступника ради Матери. „Rogo, fili, ut propter me demittas ei peccatum hoc“ (ч. I, стр. 8).

Священникъ изъ Клерво былъ перенесенъ на небо. Около Христа стоялъ ангелъ съ трубой. Спаситель приказалъ ему трубить; земля задрожала. Когда Христосъ приказалъ трубить вторично, Богородица, зная, что весь міръ тогда рассыпется въ прахъ, бросилась къ ногамъ сына и молила о помилуванні. Монашеская снѣсь заставила Цезарія прибавить, что это сдѣлано было изъ-за Цистерціанцевъ (XII, 58).

Богородица переживаетъ съ людьми ихъ невзгоды; однажды во время бури люди въ испугѣ столпились въ церкви; икона Богоматери потѣла (VII, 2). Какое глубокое довѣріе къ Ней выразилось въ этомъ наивномъ разсказѣ!

Священника-идіота, отрѣшеннаго отъ обѣдні за то, что онъ отправлялъ ежедневно мессу въ честь Богородицы, Она посылаетъ къ епископу, снабдивъ наставленіями; удивленный епископъ позволяетъ ему служить литургію, какъ угодно (VII, 4).

То же почти оказано священнику, котораго изъ жадности деканъ отрѣшилъ отъ обѣдні, найди благовидный предлогъ въ томъ, что священникъ нехотѣлъ пѣть гимнъ Богородицѣ (VII, 7).

Даже папѣ Иннокентію Марія грозитъ наказаніемъ за

реформы въ Цистерціанскомъ орднѣ (VII, 6). Она предохраняетъ грѣшниковъ (VII, 8); въ минуту смерти защищаетъ монаха, котораго черти считаютъ своимъ и хлопаютъ въ ладоши (VII, 9), заботится о бѣднякахъ и грѣшникахъ (VII, 10), благословляетъ добрыхъ (VII, 11, 12, 3 и др.), навѣщаетъ благочестивыхъ монаховъ и является однажды въ монастырь, чтобы присутствовать при смерти своего любимца-юноши, въ видѣ прекрасной женщины, что заставляетъ стараго монаха сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: „Любезная госпожа, зачѣмъ ты пришла къ намъ; это не дозволено женщинамъ?“

Для своихъ вѣрныхъ служителей Марія творитъ чудеса. Ради благочестиваго священника излѣчиваетъ раненаго имъ графскаго сына. (Этотъ молодой человекъ, думая напугать добродушнаго старика, надѣлъ медвѣжьей шкуру и попользъ къ алтарю; священникъ виѣ себя отъ страха схватилъ ножъ и ударилъ мнимаго медвѣдя въ горло). Того же священника Богородица во время полноудія переноситъ чрезъ рѣку (Она посылаетъ Марію Магдалину, присутствуетъ при смерти, охраняетъ отъ демоновъ, возвращаетъ душу въ тѣло и проч. и проч. (VII, 16).

Клирика, лишеннаго еретиками языка за служеніе Ей, Богородица исцѣляетъ (VII, 23); Она не гнушается коснуться гнойной головы мальчика, читавшаго часто ангельское привѣстіе. Богородица—лучшій защитникъ чистоты: спасаетъ отъ навязчиваго любовника жену одного рыцаря (VII, 2), освобождаетъ своимъ поплѣумъ юношу отъ страсти къ женѣ хозяина (VII, 32). Она чутка ко всему, что нарушаетъ благопристойность: благословляетъ ночью всѣхъ монаховъ, не удостоивъ взглядомъ спавшаго неприлично (VII, 14).

Марія присутствуетъ при послѣднихъ минутахъ жизни умирающихъ грѣшниковъ, спасаетъ ихъ нерѣдко: одного слова, обращенія къ Богородицѣ достаточно для спасенія (напр. 57,

VII). Ея присутствіе наполняетъ радостью умирающихъ: юности, монахинѣ, крестовосцу Она является въ моментъ кончины; они забываютъ обо всемъ, довольные смѣются (VII, 52, 53, 56), хотя послѣдній оставляетъ бѣдную семью. Разбойникъ, посвятившій субботу Маріи, не убивавшій, не грабившій въ этотъ день, дѣлается чуть не святымъ.

Зато какъ любятъ Марію монахи, монахини, рыцари, ученики и проч. Монахъ Бертрамъ такъ благоговѣетъ предъ Богородицей, что не позволяетъ никому говорить о ней съ недовѣріемъ (VII, 37)¹⁾.

Жаль, что у Цезарія почти нѣтъ указаній на отношеніе горожанъ и крестьянъ къ Маріи. Оставляю въ сторонѣ этотъ симпатичный культъ, далеко не полно разсмотрѣнный. Довольно, напр., важны тѣ виды, въ которыхъ Богородица являлась своимъ вѣрнымъ, такъ какъ они, естественно, должны были отразиться въ живописи.

Обращаясь къ Духу св.²⁾ Духъ св., по мнѣнію Цезарія, является въ двухъ формахъ: въ видѣ огненныхъ языковъ и голубя. Объ огненныхъ языкахъ не упоминается у Цезарія, только иногда надъ головой ревностно молящагося показывается огонь (VIII, 49). Вокругъ гости дѣва Richmundis (о ней Цезарій много рассказываетъ) видѣла сіявіе (IX, 34). Цезарій объясняетъ это явленіемъ св. Духа (VIII, 38). Въ видѣ голубя Духъ св. является чаще. Надъ головой аббата, обходящаго бѣльцевъ, видятъ голубя. Одинъ монахъ видѣлъ голубя, слетающаго къ тому же аббату съ креста. Когда начиналось чтеніе евангелія, являлся голубь и садился вблизи иопитра; по окончаніи чтенія возвращался на свое мѣсто (подъ крестомъ). Всякій разъ, когда аббатъ входилъ на хоры и преклонялся предъ алтаремъ, голубокъ садился

¹⁾ Богородицѣ повинуются и животные: волкъ возвращаетъ матери похищенную дочь (VII, 43).

²⁾ Spiritus Sanctus.

ему на голову; онъ такъ громко махалъ крыльями и такъ сіялъ, по рассказамъ этого монаха, что всѣ могли бы это видѣть и слышать, „если бы имъ позволено было слышать или видѣть“ (VIII, 37).

Когда монахъ читалъ евангеліе, голубокъ слеталъ и садился ему на голову, спокойно сиди до конца чтенія. То же случилось съ этимъ монахомъ, когда онъ впослѣдствіи, сдѣлавшись священникомъ, отправлялъ мессу (VIII, 38).

У священника, перешедшаго къ алтарю съ ложа любовницы, голубокъ трижды выпивалъ вино изъ чаши, а когда священникъ покался, возвратилъ захваченное (II, 5).

Ангелы у Цезарія являются защитниками людей отъ духовной и даже тѣлесной гибели.

Такъ въ гл. 42 VIII кн. ангель освобождаетъ монахиню отъ блуда и богохульства, приказавъ ей пѣть известные псалмы; ангелы сражаются съ демонами оружіемъ цитаты и рукъ (II, 31); канонику Рудольфу, ослабѣвшему отъ чрезмѣрнаго усердія, являются ангелы „въ бѣлыхъ одеждахъ“ (VIII, 97). Иногда ангелы спасаютъ вѣрныхъ силой оружія; въ гл. 47 VIII кн. защищаютъ молящихся темплеровъ, сдѣлавъ ихъ невидимыми и сражаясь за нихъ, превратившись въ толпу воителей. Выше всѣхъ ангеловъ и архангеловъ Михаилъ: онъ представляетъ души Богу и дѣлаетъ о нихъ доклады (VIII, 45). Видъ Михаила хорошо извѣстенъ, по мнѣнію Цезарія, и онъ видѣлъ не описываетъ его (священникъ видѣлъ летящаго Михаила „in specie bene nota“: онъ переселялся, будучи недоволенъ новыми хозяевами своей квартиры) (VIII, 46).

У человѣка два совѣтника, разсуждаетъ Цезарій, добрый и злой; слѣдуй любому. Ангелы являются то „въ видѣ прекраснѣйшихъ дѣвицъ“ (VII, 16), то, что всего чаще, въ видѣ „hominum alborum“ (XI, 8) (viri candidati—приведено выше [VIII, 97]); иногда принимаютъ видъ монаха (I, 6), иногда видъ голубка (XI, 16).

Душа является въ трехъ формахъ: 1) въ видѣ ребенка, 2) въ видѣ голубя и 3) въ одномъ мѣстѣ (больше я не замѣтила) „ad similitudinem globi lunaris“ (на подобіе луннаго шара).

Душа набожнаго монаха Гильдебранда была взята на небо сонмомъ ангеловъ въ видѣ ребенка (XI, 8). Монахъ въ экстазѣ созерцалъ въ своемъ лонѣ прекраснѣйшаго мальчика. Любопытно при томъ слово производство „puer“, предлагаемое Цезаріемъ „puer (enim), a puritate (вариантъ pueritia) „dictus est“ (VIII, 93). Въ видѣ голубя является душа нѣсколько разъ; напр., въ приведенномъ въ I гл. рассказѣ, душа наложницы священника взвилась на небо въ видѣ голубка (IV, 25). Богородица принимаетъ душу умирающаго и прячетъ за пазуху (бѣлаго голубя) (XII, 46).

Душа знаетъ все и видитъ все: она снабжена отовсюду глазами (VII, 16).

Необходимо посвятить нѣсколько словъ святымъ всякихъ ранговъ и связанному съ ними тѣсно культъ реликвій, переходящему въ идолопоклонство. Мы видѣли выше, что евхаристія служила предметомъ довольно грубаго поклоненія, но это былъ все-таки культъ сравнительно идеальный, недопуская по своей формѣ значительныхъ злоупотребленій, въ немъ проглядывало благоговѣніе, граничащее съ боязнью.

Изъ святыхъ самымъ большимъ уваженіемъ пользовались оба Іоанна и Николай. Іоанновъ особенно любили монахини: одна, напр., такъ благоговѣла предъ Предтечею, что не только покупала для него обѣдню, но и всѣхъ знакомыхъ убѣждала называть своихъ дѣтей Іоанномъ, Захаріей или Елизаветой. Зато при смерти она удостоилась посѣщенія угодника (VIII, 80).

Выше приведена ссора монахинь изъ-за Іоанновъ, которые должны были лизиться во спѣ своимъ обожательницамъ и превозносить другъ друга (VIII, 6). Іоанны, какъ и всѣ угодники того времени, были очень чувствительны къ своей

обидѣ. Визитатора, не преклонившагося предъ алтаремъ Іоанна Крестителя, этотъ святой ударилъ ногой такъ сильно, что у монаха образовалась водянка.

Николай пользуется не меньшимъ уваженіемъ. Онъ болѣе свѣтскій святой, чѣмъ Іоанны; онъ не только покровительствуетъ разнаго рода мірянамъ, но является защитникомъ даже воровъ. Николай былъ очень популяренъ¹⁾: онъ чаще другихъ изображается: „Св. Николай чаще другихъ папъ изображается въ скульптурѣ и живописи“, говоритъ новицій (VIII, 75). Вотъ какъ его чаще всего изображали. Въ монастырѣ „Racetum“ была икона „pontificis Nycholai“. Ее привезъ блж. Григорій, „сынъ греческаго царя и первый аббатъ и основатель этого монастыря“.

Это была чудотворная икона; между прочимъ она заставила креститься одного язычника. „Лицо этого изображенія длинное и худощавое, очень важное и почтенное. На лбу лысыя, волоса на головѣ и бородѣ сѣдые“ (VIII, 76). Не трудно узнать по этому описанію византійскій стиль. Николай является у Цезарія въ мягкомъ привлекательномъ видѣ. Онъ не привилегированный монастырскій святой; онъ навѣщаетъ и мальчика-пастуха, дававшаго нищимъ хлѣбъ въ честь его, и предупреждаетъ его о смерти (VIII, 75).

Вора, котораго охраняетъ св. Николай, не могутъ повѣсить (VIII, 73); у постели мальчика Адама стоитъ этотъ святой въ минуту смерти и отстаиваетъ его жизнь (VIII, 74).— Онъ вылѣчилъ больного епископскаго слугу. Нигдѣ Николай, какъ замѣчено выше, не покровительствуетъ исключительно монахамъ: это былъ народный святой.

Всѣ апостолы пользовались вмѣстѣ и порознь довольно

¹⁾ Одна изъ самыхъ древнихъ мистерій приурочена къ этому святому. „Св. Николай, еврей и воръ“; о чудесахъ Николая существовало множество рассказовъ; самый замѣчательный—о возвращеніи похищеннаго мальчика родителями: сюжетъ этотъ воспринимается и нашими календарями.

распространеннымъ культomъ; въ свою очередь они охраняютъ своихъ поклонниковъ и поклонницъ; допустивъ огонь въ собственную церковь, сохраняютъ домъ бражницы (braxatrix), ревностной ихъ поклонницы (VIII, 62). Выше было упомянуть обычай, распространенный между женщинами, выбирать по жребію апостола-повровителя (напр., VIII, 56 и проч.). За презрѣніе мстятъ апостолы; Иуда, котораго не очень почитали, разбиваетъ женщину параличемъ (VIII, 61).

Іаковъ, Андрей, Ѳома привлекаютъ вниманіе вѣрныхъ; шкура медвѣдя, купленная для св. Андрея въ Норвегіи, укрощаетъ бурю (VIII, 57). Повѣшеннаго юношу (отца обвинили въ кражѣ, а сынъ согласился потерпѣть наказаніе за него) поддерживаетъ на висѣлицѣ св. Іоаннъ, снисходя къ молитвамъ старика-отца (VIII, 58). Къ Ѳомѣ пилигримствуютъ въ Индію (VIII, 83, съ этой главой мы встрѣтимся ниже). Марія Магдалина излѣчиваетъ прикосновеніемъ рукъ больного желудкомъ монаха (VIII, 81). Монахъ при постриженіи монахинь видитъ при вдовахъ Марію Магдалину, при дѣвахъ — Маргариту (VIII, 80). Святыне, какъ мы видѣли выше, очень чутки къ малѣйшему проявленію неуваженія къ нимъ; деревянное изображеніе св. Катерины, поставленное лицомъ къ стѣнѣ, въ присутствіи многихъ поворачивается (VIII, 23).

Иногда являются личности, о которыхъ нельзя сказать положительно, кто онѣ. Къ брату-бѣльцу Генриху пришелъ странникъ благообразной внѣшности „сѣдой, съ широкой бородой въ одеждѣ до пятъ, съ длинными до колѣнъ четками; лицо же его было ангельское“.

Оказалось, что этотъ старикъ дѣйствительно святъ; бѣлецъ, по совѣту пріора, перекрестился и сказалъ „benedicite“, на это старикъ отвѣчалъ ему привѣтствіемъ; онъ обладалъ пророческимъ духомъ и всевѣдніемъ (онъ знаетъ, напр., что говорилось въ конклавѣ). Святой этотъ является на хорахъ въ сіяніи и наконецъ даетъ взамѣнъ подареннаго пріоромъ

пояса свой старый шерстяной, „посредствомъ котораго совершались исцѣленія, онъ помогалъ въ искушеніяхъ плоти“. Святой старикъ говорить о себѣ: „Господь часто посылаетъ насъ въ Іерусалимъ и другія отдаленныя мѣста“. Цезарій не знаетъ, „былъ ли это ангель или человѣкъ“.

Говорить о другихъ святыхъ, вскользь упоминаемыхъ въ Диалогѣ, не стану.

На мощахъ, количество которыхъ возросло до громадныхъ размѣровъ въ эпоху крестовыхъ походовъ, отражается съ особенною силой грубость представленій того времени. Вѣрующіе нерѣдко были предметомъ наглаго обмана и эксплуатаціи наживающихъ на этой торговлѣ деньги купцовъ, монаховъ и поповъ¹⁾, привлекавшихъ тысячи богомольцевъ интересными новинками.

Вотъ исторія похождения руки Іоанна Крестителя, исторія довольно характерная. Купецъ увидѣлъ въ одномъ трактирѣ руку Іоанна Крестителя и, зная, что „нѣтъ такого, чего бы женщины этого рода не могли выманить у мужчинъ“, общается любовницѣ обладателя за упомянутую руку 140 ф. сер. (сумма громадная). Женщина достала. Купецъ, обернувъ въ пурпурную ткань свое сокровище, привезъ во Фризію, построилъ домъ и въ одну изъ колоннъ спряталъ реликвию. Счастье съ этого времени ему не переставало улыбаться: купецъ разбогатѣлъ. Во время одного пожара онъ пробтался, замѣтивъ, что у него есть что-то, хороше охраняющее домъ. Чтобы избѣжать подозрѣній, онъ отдалъ руку на сохраненіе затворницѣ. Она не умѣла или не хотѣла сохранить тайны. Рука была отнята у законнаго владѣльца и перенесена въ церковь, но купецъ только на предсмертной исповѣди сказалъ, какого она святого. Тогда реликвию сдѣлали великолѣпный футляръ. Какой-то священникъ отрѣзалъ кусокъ этой руки,

¹⁾ У Боккаччо есть новеллы, въ которыхъ разсказывается о наглости священниковъ, торгующихъ реликвіями; одна изъ характерныхъ: Братъ Чиролла.

пользуясь удобнымъ случаемъ. Граждане боялись, чтобы кто-нибудь не похитилъ сокровище; за алтаремъ было сдѣлано небольшое помѣщеніе для священника, обязаннаго дежурить; но въ первую ночь оно разлетѣлось въ дребезги, на вторую случилось то же, причемъ священникъ упалъ на полъ. Когда рука была принесена больному, одному „изъ знатныхъ“, пурпуръ оказался въ крови. Священнику, отрѣзавшему кусокъ этой реликвіи, казалось, что онъ держитъ въ рукахъ раскаленный уголь.

Большинство относилось къ реликвіямъ съ довѣріемъ.

✓ Изъ Константинополя привозили особенно много такихъ сокровищъ. Въ Гейстербахъ былъ зубъ Іоанна Крестителя, взятый Генрихомъ Ульскимъ изъ Софійскаго собора. Владѣлецъ очень дорожилъ зубомъ и только благодаря молитвамъ монаховъ, освободившимъ его, по мнѣнію Цезарія, изъ плѣна, и убѣжденіямъ публичной родственницы, зубъ достался Гейстербаху; имъ былъ излѣченъ министріалъ одного графа (VIII, 54).

✓ Надъ реликвіями производили разнаго рода операціи; напр., хотѣли расколоть зубъ св. Вароламея, но онъ протестовалъ противъ насилственнаго дѣленія: изъ зуба показалась кровь (VIII, 60). Священники, пользуясь довѣріемъ публики къ реликвіямъ, нагло обманывали ее. Одному рыцарю священникъ продаетъ очень дорого простую уздечку (зная объ этомъ), утверждая, что эта уздечка Θомы (Cantuariensis). Но Богъ вознаграждаетъ вѣрующаго воина: чудеса совершались, и уздечка въ послѣдствіи поконлась между драгоценными реликвіями (VIII, 70) ¹⁾.

Но, кромѣ реликвій знатныхъ святыхъ, существовало

¹⁾ Какія простыя случайности принимались за чудеса, видно изъ слѣдующаго. Священникъ возилъ зубъ св. Николая на показъ за деньги въ хрустальномъ сосудѣ. Однажды, когда провозителе неспрочно вели себя, сосудъ лопнулъ; что было сочтено чудомъ (VIII).

безчисленное множество мощей и костей второстепенныхъ. 11000 дѣвъ доставляли особенно много такихъ сокровищъ. Существовали специалисты по части открытій и выкапыванія ихъ: одинъ монахъ 10 *летъ* работалъ надъ разыскываніемъ останковъ 11000 дѣвъ и, только благодаря любезности одной монахини, получилъ ихъ столько, сколько хотѣлъ (VIII, 85). Иногда спокойствіе св. костей нарушалось присутствіемъ лошадиныхъ; во время сушки реликвій въ церкви была невыносимая вонь. Экзорцисты-священники заставляли вылетѣть лошадиную кость изъ груди св. костей и занять на дворѣ болѣе приличное ей пчитожеству положеніе (VIII, 89). Иной разъ святые довольно безцеремонно были лишены своихъ украшеній. Объ этомъ есть очень характерный рассказъ, — привожу его въ изложеніи.

Набожный аббатъ видѣлъ слѣдующій сонъ: ему казалось, что онъ былъ въ церкви 11000 дѣвъ въ Кельнѣ, и узналъ, что вѣнъ общей ихъ могилы, у стѣны лежатъ еще двѣ дѣвы, о которыхъ никто до него не слышалъ. На слѣдующій день аббатъ ѣдетъ въ Кельнь отправляется къ аббатиссѣ, въ вѣдѣніи которой находилась означенная церковь, и требуетъ немедленной раскопки въ указанномъ имъ мѣстѣ. Былъ отраженъ нѣкто Ульрихъ, специалистъ по части выкапыванія реликвій. Кости были найдены, но, кромѣ нихъ, Ульрихъ нашелъ гребень и поспѣшилъ его спрятать за пазуху. Такъ какъ гребень мѣшалъ при работѣ, Ульрихъ положилъ его на амбразуру. Одна изъ монахинь, замѣтивъ это, подкралась, тихонько взяла гребень и ушла. Аббатъ сложилъ въ ящикъ кости, не подозрѣвая кражи. Ночью явилась ему дѣва и рассказала о продѣлкахъ Ульриха и монахини. Гребень былъ возвращенъ, и дѣвы перевезены въ церковь довольнаго находкой аббата. Во время борьбы Филиппа съ Оттономъ всѣ реликвіи были на время запрятаны, дѣвы были куда-то запропены: о нихъ забыли. Онѣ заглянули къ одному монаху,

заявили свое неудовольствие и желание покинуть неблагодарный монастырь, но когда это не подѣйствовало, пришли въ одно прекрасное утро въ церковь, преклонились предъ алтаремъ, поклонились аббату и братьямъ и ушли. *Оказалось, что ось видѣли это.* Догадались, что это св. дѣвы, побѣжали къ ящичку и не нашли костей. Аббат поѣхалъ въ Кельнъ, просилъ возвращенія дѣвъ, но аббатисса не отпускала своихъ „госпожъ“, и аббатъ, получивъ въ утѣшеніе какую-то голову, вернулся во свояси (VIII, 85).

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ разнообразными культурами, съ наивной вѣрой и наглѣмъ обманомъ. Въ эпоху всеобщаго гнета религіи, доведенной до злоупотребленія, въ эпоху грубаго материализма недовольные должны были дѣйствовать въ сферѣ общаго настроенія, рѣдко отрицая въ принцидѣ, воевали противъ частныхъ, воевали подчасъ такими же грубыми средствами, какъ и ихъ противники. Проявленія пытливой мысли того времени были — ереси. Ересеи къ тому времени расплодилось множество: „увы, сколько нынѣ ересей въ церкви!“ восклицаетъ Цезарій (V, 20); въ другомъ мѣстѣ заявляетъ, что не хочетъ говорить объ ересяхъ много: „боюсь, что нѣкоторые будутъ этимъ смущены“ (IX, 52).

Нелѣпыя извѣстія, передаваемые духовными писателями объ ересяхъ, могутъ заключать долю исторической истины: какъ только извѣстное ученіе дѣлается достоинствомъ массы, самыя грубыя злоупотребленія дѣлаются явленіемъ обыкновеннымъ. У Цезарія нужно различать двухъ сортовъ лжеученія: одни строго обдуманныя, приведенныя въ систему, какъ ересь парижскихъ теологовъ и отчасти Альбигойцевъ; другія — безсознательныя, почти рефлексивныя движенія, направленные противъ частныхъ и обрядовой стороны. Первые гораздо опаснѣе; это сознаетъ Цезарій: „Ученые, когда начнутъ заблуждаться по дьявольскому наводенію, заблуждаются хуже

неученыхъ“ (ч. I, стр. 303). Вторыя нѣрѣдко странны, дѣйствуютъ всплѣсками, но все-таки довольно характерны. Нѣкоторые еретики *воровали только тѣло Христоваго*, не касаясь церковныхъ вещей (IX, 52). Нелѣпыя слухи объ еретикахъ, уммышленно распространяемые клиромъ (ср. приведенную у Шерра буллу Григорія IX, стр. 174), нашли отголосокъ у Цезарія. Вотъ что онъ рассказываетъ про еретиковъ въ Веронѣ.

Одинъ знатный и развратный каноникъ замѣтилъ, что его хозяйинъ съ дочерью ходитъ куда-то по ночамъ. Каноникъ полюбопытствовалъ узнать куда, и хозяйинъ пригласилъ его съ собой. Они пришли въ подземелье и здѣсь нашли многочисленное общество мужчинъ и женщинъ. Ересіархи производили богохульственные рѣчи. Затѣмъ свѣчи были потушены, и мужчины выбрали себѣ женщинъ по вкусу, не разбирая возраста и родства. Каноникъ, конечно, не отсталъ отъ другихъ; потомъ онъ очень усердно посѣщалъ понравившіяся ему собранія, но когда его хотѣли сдѣлать наставникомъ другихъ за рвеніе, прекратилъ визиты. Предъ епископомъ онъ оправдывался тѣмъ, что ходилъ изъ-за дѣвухеи, а не изъ-за ученія. Оправданіе его было найдено вполне основательнымъ (V, 24).

Такіе слухи существовали и существуютъ о всякихъ тайныхъ обществахъ. Все неизвѣстное возбуждаетъ подозрѣніе, а отъ подозрѣнія шагъ къ обвиненію.

Оставляю въ сторонѣ такія, по терминологіи Цезарія, ереси, какъ явленіе вохвовъ, ходящихъ по водѣ, которыхъ лишаетъ бѣсовской силы причастіе, брошенное въ воду (IX, 12), или чародѣевъ, пришедшихъ въ Безансонъ и увлекшихъ до того своими продѣлками народъ, что онъ готовъ былъ побить камнями епископа (епископъ былъ спасенъ клирикомъ, которому старшій его пріятель дьяволъ указалъ на скрытія въ подошвахъ колдуновъ харти — источникъ ихъ могущества)

(V, 18); подобныя явления необходимы въ годину бѣдствій, а Германія въ XII—XIII в. далеко не блаженствовала.

Обращаюсь къ упоминаемымъ у Цезарія ересямъ, извѣстнѣйшимъ исторіи; таковы: Вальденская, Альбигойская, богослововъ парижскихъ. Первая называется по имени своего основателя Петра Вальдуса. Секта эта не имѣла опредѣленной, строго выработанной системы; въ общемъ она была реакціей по направленію къ чистому евангельскому ученію. Вальденсы были бѣдны; такъ они „назывались“ бѣдняками изъ Ліона (Arme von Lyon), *sabotati*, *Humiliati*.

Вотъ что рассказываетъ Цезарій объ этой ереси. Такъ какъ разсказъ довольно характеренъ и коротокъ, позволю себѣ привести въ переводѣ.

„Немного дѣтъ спустя (послѣ сожженія 2 еретиковъ въ Кельнѣ), во время правленія епископа Бертрамма, очень ученаго человѣка, появилась ересь Вальденская (*Valdatiana*) въ городѣ Мецѣ (*Metensis*) слѣдующимъ образомъ. Когда епископъ въ какой-то праздникъ проповѣдывалъ народу въ церкви, онъ увидѣлъ въ толпѣ 2 людей, слугъ дьявола. „Я вижу между вами дьявольскихъ вѣстниковъ, сказалъ *Antistes*, указывая на нихъ пальцемъ; это тѣ, которые на горѣ *Montpelier* (*Pessulano*) были осуждены въ моемъ присутствіи за ереси и изгнаны“. Еретиковъ очень грубо отвѣчали епископу, имѣя въ своей средѣ школьника, который ругалъ его по собачьи (*more canino contra eum latrabat*), раздражая обидами. Вышедши-же изъ церкви, собрали много людей вокругъ себя; они имъ проповѣдывали свои заблужденія. Когда какой-то клирикъ сказалъ имъ: „Господа, развѣ апостолъ не говоритъ: какъ они будутъ проповѣдывать, не бывъ посланы“¹⁾), — мы желаемъ знать, кто послалъ васъ“. Они отвѣчали: „Духъ“.

¹⁾ *Quomodo praedicabunt, nisi mittantur.*

Епископъ же не могъ прибѣгнуть къ насилію по причинѣ нѣкоторыхъ могущественныхъ людей въ городѣ, которые ласкали еретиковъ изъ-за ненависти къ епископу: онъ выбросилъ какого-то ростовщика, ихъ родственника, изъ церковныхъ сѣней. Поистинѣ они (т.-е. еретики) были посланы духомъ лжи, и ихъ устами Вальденская ересь, названная такъ по имени одного изъ нихъ, была посятана въ томъ же городѣ (Мецѣ) и не была уничтожена впоследствии“ (V, 20).

Объ Альбигойцахъ Цезарій говоритъ довольно много и приписываетъ большую силу и распространеніе. „До того усилилась ересь Альбигойцевъ, что въ короткій промежутокъ времени заняла около тысячи государствъ и если бы не была вытѣснена мечами вѣрныхъ — думаю совратила бы всю Европу“. Вотъ какъ приблизительно формулируетъ Цезарій вѣроученіе Альбигойцевъ.

Ихъ „*haeresiarchae*“ взяли часть своего ученія изъ ереси Манихейской, часть изъ заблужденій, которыя, какъ говорятъ, написаны Оригеномъ („*Pariarchon*“), часть изобрѣли сами. вмѣстѣ съ манихеями они вѣрують въ существованіе добраго и злого начала, отрицають воскресеніе мертвыхъ, не вѣрятъ въ общеніе святыхъ, ходятъ въ церкви и молятся за умершихъ считаютъ пустяками, насмѣхаются надъ таинствомъ причастія, наконецъ вѣрятъ въ перенесеніе душъ (*метампсихозъ*)¹⁾.

¹⁾ Цезарій приводитъ слѣдующій разсказъ. Монахъ увидѣлъ рыцаря, разговаривавшаго съ ратаемъ, сталъ съ нимъ бесѣдовать и спросилъ между прочимъ, на что онъ употребляетъ свои доходы. Рыцарь отвѣчалъ, что часть проживаетъ, часть отдаетъ бѣднымъ. Что хорошаго надѣется получить онъ за эту милостыню, выпытываетъ монахъ. Рыцарь говоритъ, что душа его найдетъ себѣ послѣ смерти хорошее пощипленіе. М. Куда отправится?—Р. Сообразно моимъ заслугамъ. Если хорошо проживетъ и заслужитъ у Бога (милость), выйдетъ изъ моего тѣла, войдетъ въ тѣло какого-нибудь будущаго князя, короля или какой-нибудь другой знатной особы, гдѣ будетъ наслаждаться; если дурно проживетъ—войдетъ въ тѣло несчастнаго и бѣднаго, гдѣ и будетъ мучиться (ч. I, стр. 301).

Передаю, возможно кратко, общеизвестный крестовый поход, воздвигнутый папой Иннокентием на двѣтушую въ то время, воспѣваемую трубадурами страну Альбгойцевъ.

Изъ Германіи и Франціи по требованію папы двинулись грозныя полчища ¹⁾.

У Цезарія приведены довольно сальныя подробности осады Безѣ (Biders). Такъ, окруженные 10000-мъ войскомъ еретики, осквернивъ евангеліе, сбрасывали св. книгу со стѣнъ съ криками. „Вотъ нашъ законъ!“ Послѣ взятія города случился возмутительный фактъ (общеизвестный): аббатъ, котораго спрашивали, какъ различать еретиковъ отъ вѣрныхъ, отвѣчалъ „Caedite eos, novit enim Dominus, qui sunt Ejus“. Безчисленное множество народа было перебито. Послѣ взятія Тулузы всѣ жители этого города изъявили желаніе покаяться, кромѣ 450 фанатиковъ; изъ нихъ 400 сожгли, 50 повѣсили. Оказалось, что Тулузцы дѣйствовали не чистосердечно, потому что *perfidus comes sancti Aegidii (de St. Gilles) (Раймундъ Тулузскій)* нашель здѣсь пріютъ и безпокоилъ благочестивыхъ католиковъ.

Вотъ что писали объ Альбгойцахъ.

Объ одномъ вѣзномъ Альбгойцѣ передаютъ, что онъ наругался самымъ грубымъ образомъ надъ св. Писаніемъ. Публичную женщину Альбгойцы, якобы, клали вѣсто распятія, ломали и уродовали изображенія святыхъ и Христа и пр. пр.

Альбгойцы приглашаютъ въ себѣ изъ Африки „*Miralimolimum Regem de Marroch*“, но послѣдній былъ разбитъ въ Испаніи 1212 г. 17 августа. Вотъ почти все, что есть объ этой ереси у Цезарія.

¹⁾ Вотъ имена главныхъ дѣйствующихъ лицъ: *Ludolphus, Dux Austriae, Engilbertus, tunc praepositus, Archiepiscopus Coloniensis et frater ejus Adolphus, comes de Monte, Wilhelmus Juliacensis, et alii multi diversae conditionis atque dignitatis (D. M. V. 21).*

Самой чистой, осмысленной ересью является у Цезарія ересь парижскихъ богослововъ. Всѣ они люди ученые; магистры, священники; упоминается между ними одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ (*aurifaber*), бывшій пророкомъ (*propheta eorum*) ¹⁾. Вотъ главныя положенія ученія парижскихъ богослововъ, ученія въ высшей степени рационалистическаго.

Хлѣбъ на алтарѣ не хуже и не лучше всякаго другого. Богъ былъ какъ въ Овидіѣ, такъ и въ Августинѣ. Воскресенія мертвыхъ не существуетъ; нѣтъ ни рая, ни ада; благочестивая душа—рай, смертный грѣхъ—адъ; кто его имѣетъ, „имѣетъ какъ бы гнилой зубъ во рту“. Поклоненіе алтарямъ, иконамъ называлось у нихъ идолопоклонствомъ, лобызаніе костей мучениковъ возбуждало смѣхъ. О Духѣ св. они дѣлало остроумныя тонкія замѣчанія: „Если кто нибудь находится въ св. Духѣ, говорили они, и уворуетъ или запатнаетъ себя какимъ-либо другимъ грѣхомъ, нѣтъ ему грѣха, такъ какъ этотъ Духъ, Богъ, совершенно отдѣленный отъ плоти, не можетъ грѣшить, пока этотъ Духъ, какъ Богъ, въ немъ. Онъ совершаетъ все во всемъ“ ²⁾ (V, 22).

Вотъ какъ формулируетъ свое ученіе „*propheta eorum*“ *Wilhelmus (aurifaber)*. Богъ отецъ почитался въ Ветхомъ Заветѣ подъ известными формами; Сынъ почитается подъ другими; настаетъ царство Духа: старыя формы отжили. Духъ особенно проявится особенно въ 7 мужахъ, изъ которыхъ одинъ Вильгельмъ. Скоро земля постигнутъ бѣдствія: 1) голодъ, губящій народъ, 2) мечъ, отъ котораго погибнуть сильныя мира сего, 3) земля поглотитъ горожанъ, 4) огонь уничтожитъ прелатовъ церкви, сыновъ антихриста. Папа антихристъ; Римъ—Вавилонъ. Королю Франціи должна принадлежать высшая власть (это онъ говоритъ, по мнѣнію Цезарія,

¹⁾ Золотыхъ дѣлъ мастерство, какъ известно, было почетнымъ въ то время занятіемъ и относилось скорѣе къ искусству, чѣмъ къ ремеслу.

²⁾ Привожу какъ примѣръ діалектики.

для приобретения расположения Филиппа). Священник Рудольф, которому это все передавал Вильгельм, и другой клирик притворились, с разрешения начальства, вводящими, и узнали состав и вожаков ереси. Еретики были преданы суду, не хотѣли отказаться отъ своего учения и были сожжены (кроме 4) ¹⁾. Такъ какъ была подавлена эта ересь, вышедшая изъ среды передовыхъ людей своего времени. Она не имѣла твердаго основанія, ей недоставало поддержки массы, но зато она отличалась высокодуховнымъ характеромъ. Они пошли дальше мечты о чистомъ христіанствѣ: проповѣдывали наступленіе новаго царства. Ученіе дѣйствовало словомъ, — погбло отъ огня.

У парижскихъ теологовъ замѣчается уваженіе къ классикамъ: Августинъ и Овидій пользуются одинаковымъ уваженіемъ.

Покончивъ съ грустной исторіей этого спиритуалистическаго учения, укажу на замѣчательную стойкость, обнаруживаемую ерестиками въ мученіяхъ.

Десять еретиковъ были захвачены въ Страсбургѣ. Одинъ изъ нихъ отказался среди пытокъ отъ своихъ заблужденій, и раны мгновенно зажили. Возвращается онъ домой и рассказываетъ о случившемся женѣ. „Несчастный, что ты сдѣлалъ, восклицаетъ въ ужасѣ женщина, какъ ты поступилъ! Изъ-за минутной боли отступилъ отъ своей ядровой и святой вѣры? Слѣдовало лучше сто разъ подвергнуть тѣло огню, чѣмъ разъ отступить отъ столь испытаннаго учения. Но кого-же не смутитъ змѣившій гласъ?!“ Несчастный мужъ, сопровождаемый своей героической супругой, отправился на мученія. Руки ихъ были прожжены до костей желѣзомъ; они убѣжали въ сосѣдную рошу, „воя по волчьи“; ихъ схватили и сожгли (III, 17). Въ мученіяхъ еретиковъ и испытаніи ихъ желѣзомъ упоминаетъ 16 гл. III кн.

¹⁾ V, 22.

Вотъ еще примѣръ безчеловѣчія съ одной стороны, геройства съ другой, виновницей котораго является опять женщина.

Въ Кельнѣ (вѣроятно, въ началѣ XIII в.) были еретики. Когда главу ихъ Арнольда вели къ костру, онъ просилъ хлѣба и воды. Ему отказали, боясь, чтобы онъ не сдѣлалъ изъ этого себѣ причастія (viaticum). Существовали, передаютъ для оправданія этого поступка Цезарій, еретики, у которыхъ каждый крестьянинъ могъ творить причастіе. Арнольдъ на кострѣ полуобнаженными руками благословилъ присутствующихъ товарищей. Одна прекрасная дѣвушка, спасенная кѣмъ-то отъ казни за красоту, когда всѣ еретики погибли уже на кострѣ, спросила: „скажите мнѣ, гдѣ этотъ соблазнитель?“ (т.-е. Арнольдъ). Ей указали горѣвшаго еще Арнольда, и она, закрывъ лицо, бросилась къ тѣлу учителя и вмѣстѣ съ нимъ погибла (V, 19).

Эти трагическія сцены, не уступающія въ богатствѣ и густотѣ красокъ разыгрывавшимся на площадяхъ стараго Рима христіанами, безъ сомнѣнія были не рѣдки. Ужасный объективизмъ Цезарія, не прибавляющаго ни одного слова отъ себя, рассказывающаго, сохраняя весь колоритъ благочестивыхъ злодѣйній, говорить о глубокомъ религіозномъ фанатизмѣ общества того времени. Но бросимъ завѣсу на эти печальныя событія, не требующія, кажется, комментаріевъ, и перейдемъ къ самымъ интереснымъ, на мой взглядъ, фактамъ Диалога.

IV.

„Всѣ писатели, которые говорятъ о вѣрѣ въ діавола въ среднихъ вѣкахъ, единогласно утверждаютъ, что представленіе черта и страхъ предъ его могуществомъ въ XIII в. достигаютъ зенита и господствуютъ надъ сердцами. Физическія бѣдствія, нравственное зло, убытки въ имуществѣ, таинственныя исцѣленія, измѣненія погоды, волшебная сила любви и

т. п. — выводились оть чорта“, говоритъ Ропшофъ въ своей замѣчательной книгѣ¹⁾. Все дурное, гибельное для людей, иногда только чудесное (даже приносящее людямъ пользу) сводилось, „какъ радiусы къ общему центру, который былъ законченнымъ культомъ дiавола“ (Soldan)²⁾. Трудъ Цезарiя какъ нельзя лучше оправдываетъ слова Ропшофа и Сольдана. Чортъ былъ вездѣ и во всемъ во время Цезарiя; онъ былъ источникомъ всякаго зла; нерѣдко, впрочемъ, бывалъ и благодѣтелемъ.

Посмотримъ, въ какомъ видѣ является у Цезарiя бѣсъ, какъ злобное существо. При этомъ необходимо замѣтить, что демонъ у Цезарiя, какъ и теперь, является иногда простымъ переживаниемъ слова, лишенаго своего спеціальнаго значенiя: я говорю о распространенной привычкѣ сваливанiя всякой вины на чорта, которая удержалась въ нѣкоторыхъ сферахъ и въ наше время. Оставляя подобныя проявленiя дiавола и его власти въ сторонѣ, разсмотрю главныя формы, въ которыхъ проявляется злой духъ у Цезарiя.

Инкубы — существа неземныя, въ родѣ сатировъ. Какъ послѣднiе они необикновенно сладострастны, настойчиво преслѣдуютъ свою жертву и, воспользовавшись ея слабостью, злобно насмѣхаются. Сообразно характеру похожденiй, инкубы бываютъ молоды, красивы и вступаютъ въ связь съ мужчиной или женщиной невидимо для другихъ (напр., съ женой въ присутствii мужа).

Такъ въ 6-й гл. III кв. инкубъ преслѣдуетъ дѣвушку, посвятившую себя служенiю Христа, бесѣдуетъ съ мирянами и духовными, „Отче нашъ“ провозноситъ коверкая, а ангельскаго привѣтствiя не можетъ и начать³⁾. Въ гл. 7, III кв.

¹⁾ „Geschichte des Teufels Lpzg., 1869 т. I, стр. 317.

²⁾ Geschichte der Hexenproc. стр. 99.

³⁾ Инкубъ, произнося Credo, говоритъ: „Credo Deum“; монахъ его направляетъ „in Deum“, но инкубъ не хочетъ говорить „in Deum“. Вотъ

женщина находится 6 лѣтъ въ связи съ инкубомъ, который являлся въ видѣ весьма красиваго воина. Св. Бернардъ, къ которому обратилась женщина, допустилъ ее къ исповѣди, но демонъ изъ любовника сдѣлался гонителемъ, и только анаема Бернарда заставила его оставить свою жертву. Такая же продолжительная связь существовала между демономъ и женщиной, сказавшей объ этомъ священнику на предсмертной исповѣди (III, 9). Выше былъ приведенъ рассказъ про инкуба, соблазвившаго дочь священника и убившаго отца. У инкуба, красиваго молодого человѣка (или женщины¹⁾) нѣтъ спины. („Licet, говоритъ одинъ изъ нихъ, cornuа humana nobis assumamus dorsa tamen non habemus“; стр. 118, ч. I). Отъ инкубовъ родились Гунны; отецъ Мерлина былъ также инкубъ. Вотъ какъ, по рассказу Цезарiя, произошли подданнiе Аттилы.

Готы прогнали всѣхъ безобразныхъ женщинъ, боясь, чтобы отъ нихъ не родились уродливыя дѣти. Когда женщины находились въ роцѣ (черта, указывающая на сходство инкубовъ съ сатирами), къ нимъ явились инкубы, и отъ нихъ-то произошли первые Гунны. Рассказъ о происхожденiи Мерлина общезвѣстенъ. Короли англiйскiе, „говорятъ, произошли отъ фантастической матери“. Вотъ какъ инкубы принимаютъ человѣческiй видъ: „Crementum humanum, quod contra naturam funditur, daemones colligunt et ex eo sibi cornuа, in quibus tangi, viderique ab hominibus possint“. Рожденнiе отъ инкубовъ имѣютъ права обыкновенныхъ смертныхъ и даже воскресаютъ на страшномъ Судѣ. Инкубы, являющiеся смущать людей, не боятся даже священной воды:

какъ объяснить Цезарiю различiе между „Credo Deum“ и „in Deum“; „Credere in Deum est per dilectionem ire in Deum. Daemonum credit, Deum esse, credit verba Ejus vera esse, sed non credit in Eum, quia non diligit Eum“.

¹⁾ Въ такомъ видѣ они называются суккубами; Цезарiю этого названiя не знаетъ.

такъ инкуба, смущающаго монахиню, бывшую любовницу священника, не можетъ прогнать и „aqua benedicta“; только ангельское прѣвѣтствіе заставляетъ его бѣжать (III, 16). Кромѣ инкубовъ-мужчинъ, какъ замѣчено выше, бывали инкубы-женщины. Одинъ изъ нихъ по ночамъ ходилъ къ священнику; однажды утромъ между ними завязался слѣдующій разговоръ: Инк. „Какъ ты думаешь, съ кѣмъ ты лежалъ ночью?“—Свящ. „Съ женщиной“. Инк. „Неправда, съ дьяволомъ“. На это каноникъ отвѣчалъ ему такъ, что Цезарій не рѣшается повторить (III, 10).

Инкубъ въ видѣ женщины хотѣлъ заставить одного горожанина нарушить супружескую вѣрность; горожанинъ не сдавался; инкубъ схватилъ его на руки, поднялъ на воздухъ и положилъ на полянѣ, за монастыремъ св. Патрокла. Послѣ этого проществія горожанинъ сошелъ съ ума.

Другой видъ, въ которомъ является у Цезарія демонъ, видъ, если можно такъ выразиться, христіанскій. Здѣсь чортъ всегда является злобнымъ, но справедливымъ цензоромъ, разоблачая людей, святыхъ по внѣшности. Такое понятіе о чортѣ является, повидимому, совершенно послѣдовательнымъ выводомъ изъ представленія о злобномъ существѣ, врагѣ Всевышняго, радующемся проступкамъ чловѣка и находящемъ удовольствіе въ его униженіи. Противъ такого демона лучшее орудіе—исповѣдь; самъ онъ говоритъ: „Нѣтъ въ церкви ничего, болѣе вреднаго для насъ, болѣе ослабляющаго насъ, какъ частая исповѣдь (XI, 38). Дѣйствительно, послѣ чистой-сердечной исповѣди дьяволъ не хочетъ знать о проступкахъ тѣхъ людей, которыхъ онъ уничалъ. Клирикъ, благодаря исповѣди, спасся отъ мести ревниваго мужа (III, 2); то же спасло раба въ 3 гл. (III кн.), въ 5-й клирика, въ 6-й дѣвushку и рыцаря и пр.; такихъ примѣровъ довольно много.

Такой христіанскій чертъ принимаетъ иногда видъ ангела и смущаетъ набожныхъ монаховъ и монахинь. Разказы

о появленіи чорта въ такомъ видѣ довольно хорошо характеризуютъ монашество. Они интересны по способу остроумной аргументаціи, употребляемой лукавымъ бѣсомъ. Къ благочестивому священнику явился дьяволъ въ видѣ ангела и предвѣщаетъ скорую кончину. Священникъ готовится къ смерти и „подъ тайною исповѣди“ говоритъ объ этомъ исповѣднику. Исповѣдникъ рассказываетъ всѣмъ прихожанамъ. Въ назначенный день ожидали смерти угодника, но священникъ, несмотря на свое желаніе, не умеръ. Дьяволъ является ему вторично въ видѣ ангела и говоритъ, что присланъ беречь его и охранять, а относительно перваго обмана говорить, что Богъ рѣшилъ оставить такого благочестиваго мужа въ живыхъ для примѣра другимъ. Священникъ съ удовольствіемъ повѣрилъ: спусти немного онъ постригся; хранитель убѣждалъ его постоянно вмѣсто трудной работы брать легкую и немного молиться: „ты можешь еще долго жить, ты долженъ щадить себя, чтобы быть въ состояніи долго служить Богу“. Чтобы пользоваться бесѣдами своего хранителя, монахъ, по совѣту послѣдняго, попросилъ позволенія у пріора не работать; пріоръ, узнавъ мотивы просьбы, съ радостью согласился. Съ тѣхъ поръ монахъ постоянно бесѣдовалъ съ лежангеломъ и слушалъ его совѣтовъ. Однажды, ночью дьяволъ будитъ своего питомца и говоритъ: „Встань, Господь хочетъ наградить тебя за великіе труды; ступай въ частную комнату (ad cameram privatum) и на перекладинѣ повѣсься на поясѣ, чтобы Онъ (Богъ) могъ принять тебя, какъ мученика“. Это предложеніе не понравилось монаху; онъ плюнулъ и прогналъ своего защитника (III, 87).

Ангеломъ-хранителемъ и наставникомъ чортъ является въ V кн., въ главахъ 47, 16; VII, 26; IV, 81 и др. Появленіе чорта въ видѣ чернаго монаха принадлежитъ христіанству. Въ такомъ видѣ онъ является, напр., въ IV кн. 90 гл.; въ видѣ монахини, обнимающей монаха (это ведетъ за со-

бою его смерть) одинъ разъ (V, 33); въ видѣ клирика съ прекраснымъ голосомъ, который послѣ молитвъ экзорциста падаетъ безъ жизни на землю.

Къ чисто христіанскимъ представленіямъ относится слѣдующее иносказательное описаніе цѣпи Люцифера. Люциферъ въ аду связанъ „per Ipsum, т. е. per Patrem, cum Ipso (cum Filio) и in Ipso (in Spiritu Sancto). Несомнѣнно духовенствомъ пущень въ ходъ разсказъ о чортѣ, являющемся къ исповѣди. Изумленный количествомъ и качествомъ злодѣяній и узнавъ, кто его духовный пациентъ, священникъ велитъ ему поклониться Богу. Эта эпитимія, конечно, не по силамъ дьяволу, онъ отказывается отъ нея и уходитъ (III, 26). Сюда же (т. е. къ христіанскимъ представленіямъ) можно отнести разсказъ про чорта, который говоритъ, что для него пріятнѣе отправиться съ душой въ адъ, чѣмъ съ пустыми руками на небо (V, 9), и про раскаяваго бѣса, который устами одержимой такъ говорилъ въ присутствіи Цезарія: „Если бы была распаленная желѣзная колонна отъ земли до неба съ самыми острыми зубцами и пилами (вооруженная etc.), и я имѣлъ бы тѣло, способное страдать, — я бы лазилъ по ней вверхъ и внизъ до тѣхъ поръ, пока не могъ бы вернуться къ славі, въ которой былъ“ (V, 10). Цезарій характеризуетъ слѣдующимъ сравненіемъ отношеніе злого духа къ человѣку. Человѣкъ—собака, чортъ—волкъ; между человѣкомъ и чортомъ, какъ между этими животными, никогда не можетъ быть дружбы. Но это отношеніе не всегда существовало. Цезарій здѣсь высказываетъ взглядъ червы на то, какъ должны относиться другъ къ другу дьяволъ и человѣкъ. На самомъ же дѣлѣ, какъ мы видѣли выше, говоря объ инкубахъ, и, какъ увидимъ ниже, между людьми и чертями существовала часто тѣсная, дружественная связь. Оставляю въ сторонѣ многочисленные анекдоты, въ которыхъ чортъ является искусителемъ монаховъ и монахинь (нѣкто-

рые были приведены въ 1-й гл.), и рассмотрю тѣ формы, въ которыхъ онъ является людямъ, при чемъ буду имѣть злобнаго демона.

Чаще всего является чортъ въ видѣ собаки (33, 6, 44, 50 главы V кн., 59 XI), въ видѣ змѣи (6, 32, V), дракона (5, V) свиней (36, IV), въ видѣ черныхъ людей — „in Aethiopia effigie“, homines teterrimi (V, 5); XI, 43; VII, 17; XI, 15), въ видѣ голой женщины (VIII, 16) (сходство съ Виємъ), въ видѣ жабы (V, 6 и др.), медвѣдя, пастуха, обезьянъ, приземистаго мужика (V, 5), вороновъ (XI, 16, 55; V, 35 и пр.), коршуновъ (XI, 15), дѣтей съ огненнымъ лицомъ (V, 5), женщины въ черномъ плащѣ и съ такого же цѣфта покрываломъ, коровьяго хвоста (V, 5), черной лошади, рыцарей и прекрасныхъ дѣвушекъ (V, 3). Около умирающаго стоитъ чортъ съ лицомъ обезьяны и козлиными рогами (XII, 5). Въ своемъ естественномъ видѣ чортъ является въ видѣ огромной фигуры, выше лѣсу стоячаго, „онъ былъ громаднаго роста, одѣтый въ черное платье и такъ безобразенъ, что воинъ едва могъ смотрѣть на него“. По требованію монаховъ явиться въ своемъ настоящемъ видѣ, чортъ, бывший въ женщинѣ, начинаетъ раздуваться и доходить до величины башни, глаза его сверкали и дымились, какъ очагъ“ (V, 29). Иногда чортъ является въ видѣ крошечныхъ, подвижныхъ существъ, „маленькіе, какъ черви, черные какъ эѳіопы, смѣющіеся, хлопающіе въ ладоши и прыгающіе, какъ рыбы въ сѣти“. Все это они продѣлывали, какъ указано выше (II гл.), на шлейфѣ знатной дамы. Несомнѣнно, что всѣ эти виды или по крайней мѣрѣ большинство, принадлежатъ къ остаткамъ язычества. Многія изъ приведенныхъ животныхъ были жертвенными, поэтому-то ихъ и избирали черти своимъ мѣстопребываніемъ. На это есть указаніе и у Цезарія (V, 2):

Демонъ требуетъ у воина жертвы, между прочимъ про-

силь барана, потомъ пѣтуха. Баранъ и козель, какъ мы увидимъ ниже, не переставали пользоваться особымъ культомъ.

Въ какой обстановкѣ является дьяволъ? Здѣсь Цезарій различаетъ 2 случая: 1) когда демонъ принимаетъ видъ какого-нибудь животнаго или человѣка, 2) когда онъ является въ своемъ настоящемъ видѣ. Въ послѣднемъ случаѣ его прибитіе сопровождается воемъ вѣтра, шумомъ, трескомъ и пр. Воинъ, желавшій видѣть дьявола, до его появленія „видитъ“ стремящіяся на него волны, потомъ слышитъ хрюканье свиней, свистъ вѣтровъ и много другихъ тому подобныхъ явленій“. Буря, вѣтеръ, мятежъ связываются въ народномъ представленіи съ присутствіемъ бѣсовъ—отголосокъ этого нашелся и у Цезарія. Рыцарь во время грома говоритъ: „Esse ubi iterum diabolus ascendit“; послѣдовавшій въ это время ударъ лишаетъ его сына. Цезарій, понятнo, считаетъ себя обязаннымъ прочесть наставленіе. Связь съ демонами у людей того времени была довольно крѣпка. Нигромантия составляла особую науку¹⁾, дававшую возможность вызывать чорта и давать ему порученія.

✓ Стрась проникать за предѣлы жизни характеризуетъ всѣ времена и ступени развитія.

Цезарій, повидимому, различаетъ 2 рода нигромантиковъ; одинъ, такъ сказать, ученыхъ специалистовъ; другой, по-проще, вѣроятно, распространеннѣе перваго и считающій въ своихъ рядахъ и женщинъ-колдуній²⁾ (Цезарій называетъ ихъ „*magae*“).

✓ Вотъ типичный способъ заклинаній. Вокругъ желавшаго видѣть демона описывался мечемъ кругъ, произносились извѣстныя заклинанія, „*carmina*“; сидѣвшій въ кругѣ нигромантикъ внушалъ не переходить черты, не давать и не брать

¹⁾ Ей учились въ Толедо.

²⁾ О колдовствѣ см. сочиненіе Н. О. Сумцова: „Очеркъ исторіи колдовства въ Зап. Европѣ“. Харьковъ, 1878 г.

ничего. Вотъ и все, что нужно было для того, чтобы видѣть чорта. Колдуньи дѣйствовали гораздо проще; напр., для того, чтобы предаться чорту, одна „*мага*“ прыгала изъ таза на землю, говоря: „Вотъ я прыгаю изъ власти Господа во власть дьявола“. О такой колдуньѣ упоминается въ 60 гл. XI вѣ. Чортъ тотчасъ схватилъ и повесилъ ее. Многіе въ городѣ и внѣ города видѣли, какъ онъ летѣлъ съ своей жертвой, которая съ тѣхъ поръ больше не появлялась.

Нигромантия не представляла ничего предвзвѣдительнаго; такъ, когда явились еретики, ходившіе по водѣ и творившіе чудеса, а владыка не могъ успокоить взволнованнаго народа, онъ обратился къ клирику, занимавшемуся нигромантией, и общалъ ему индальгенцію за разсказаніе причины чудотворной силы еретиковъ (V, 18), Цезарій, рѣзко высказывающійся противъ всего, что считалось у духовенства грѣхомъ, о нигромантии нигдѣ не говоритъ съ порицаніемъ.

Достоинo вниманія огромное количество бѣсноватыхъ—въ большинствѣ случаевъ женщинъ. Вѣроятно, въ одержимыхъ слѣдуетъ видѣть сумасшедшихъ, для которыхъ не было правильныхъ помѣщеній и которые служили предметомъ страха и нерѣдко уваженія. Взглядъ такой характеризуетъ извѣстную ступень развитія народа.

Бѣсноватые, особенно женщины, обладали нерѣдко, благодаря своему жильду, пророческимъ духомъ и всезнаніемъ.

Женщина, одержимая бѣсомъ, разсказываетъ одному монаху, какаѣ судьба постигла за гробомъ интересующихъ его лицъ. Она сказала, что тотъ же монахъ получилъ 12 денаріевъ безъ вѣдома аббата и спряталъ за пазуху. Далѣе обвинила его въ воровствѣ (онъ во время голода раздавалъ монастырскія деньги бѣднымъ) и въ богохульствѣ.

Чортъ мучитъ иной разъ совершенно невинныхъ людей, даже дѣтей; поводомъ къ этому служить иногда неосторожное проклятiе. Такъ дьяволъ вселился въ 5-ти лѣтнюю дѣ-

вочку, такъ какъ отецъ ея разсердился въ то время, когда она пила молоко, и вскричалъ: „Съѣшь дьявола“. Дѣвочка была мучима бѣсомъ до лѣтъ зрѣлости. Путешествіе къ св. Петру и Павлу излѣчило ее (V, 26). Къ женщинѣ, мужъ которой съ сердцемъ вскричалъ: „убирайся къ чорту“, чортъ влѣзъ черезъ ухо (V, XI). То же случилось съ однимъ мальчикомъ благодаря проклятію отца¹⁾ (V, XII).

Бѣсноватые исповѣдываются, молятся, причащаются; объ этомъ говоритъ Цезарій въ 26 гл. V кн. Часто дьяволъ дѣлаетъ своимъ мѣстопребываніемъ человѣка за грѣхи, особенно за кощунство. Такъ онъ поселяется въ женщинѣ, употреблявшей евхаристію для хозяйственныхъ надобностей (IX, 16 приведено выше).

Чѣмъ объяснить такое явленіе, какъ почти исключительное преобладаніе между бѣсноватыми женщинъ?

Немоща на то, что Цезарій чиститъ чорта духомъ злости, живымъ и проч., онъ, повидимому, въ послѣднемъ себѣ противорѣчитъ. Чортъ, правда, иногда вретъ (V, 10), но стоитъ только обратиться къ нему во имя Всевышняго, и онъ отвѣчаетъ чистосердечно. Справедливость, независимо даже отъ желанія повредить человѣку, составляетъ одно изъ главныхъ качествъ дьявола, проходящее чрезъ всѣ анекдоты, гдѣ онъ является въ первой роли. Вотъ примѣры.

Одинъ богачъ зарѣзалъ корову и устроилъ пиръ для бѣдныхъ. Всѣ ѣли съ аппетитомъ, только одержимый не могъ проглотить куска. На вопросъ, почему онъ не ѣстъ, дьяволъ поспѣшилъ сказать: „я не хочу, чтобы онъ грѣ-

¹⁾ Подобный этимъ рассказъ мы находимъ въ новѣсти изъ житія Иларіона Суздальскаго нач. 186. Чортъ, творившій безчинства въ пищенгатеельницѣ близъ Ивановскаго монастыря, въ Москвѣ, рекомендуется автористу-Иларіону такъ: „Ими мѣъ Игнатій, княжескаго рода; я глѣсень: живу во плоти; мамка посааа меня къ демону, и тотчасъ же взяла меня демоны“. Чортъ этого рассказа въ сущности одержимый извѣстнаго отгѣнка (Бѣс. Ѡ. И. Буслаева. Петерб. 1881).

шилъ: это милостыня изъ заграбленнаго“. Присутствовавшіе протестовали, увѣряя, что хозяинъ честнѣйшій человѣкъ. Тогда демонъ объяснилъ, что теленокъ, котораго они гужаютъ, праправнукъ коровы, прибрѣтенной грабежемъ (V, 38). Въ этой же главѣ Цезарій рассказываетъ, что демонъ устами одержимой въ присутствіи многихъ громогласно обратился къ одному бурграфу. „Этого теленка, котораго ты отнял у такой-то женщины, превративъ въ жидкость адскимъ огнемъ, по каплямъ впустилъ въ твои глаза и по всему тѣлу разольешь его жиръ“. Чортъ является блюстителемъ справедливости даже тогда, когда это, повидимому, противорѣчитъ его интересамъ. Одинъ рыцарь не исполняетъ даннаго обѣта, и чортъ таскаетъ его по мостовой такъ, что товарищъ рыцаря чуть могъ его полуживаго вырвать изъ рукъ мстителя. Рыцарь поспѣшаетъ исполнить данный обѣтъ (V, 42).

Черта справедливости, сдерживанія даннаго слова не представляетъ рѣднаго явленія въ демонологіи; справедливымъ чертъ часто является въ народныхъ сказкахъ. Но у Цезарія замѣчательно присутствіе добрыхъ демоновъ, которые не представляютъ собою единичныхъ случаевъ; вѣра въ нихъ, повидимому, была сильно распространена. Но какъ связать, какъ согласить злобнаго христіанскаго демона съ такимъ симпатичнымъ существомъ? Въ добрыхъ демонахъ никакъ нельзя видѣть принадлежности христіанства: это, можетъ быть, неиспорченный и неизвращенный остатокъ язычества. Выше было приведено мнѣніе Гримма относительно замѣны злыхъ и даже добрыхъ божествъ демонами. Кауфманъ¹⁾ называетъ добрыхъ демоновъ Цезарія свѣтовыми эльфами (Lichtelfe), но самъ же замѣчаетъ нѣкоторое противорѣчіе, такъ какъ Lichtelfen боится колокольнаго звона, а у Цеза-

¹⁾ „Caesarius von Heisterbach, ein Beitrag zur Culturgeschichte des 12 und 13 Jahrhunderts“. стр. 136.

рія одинъ изъ нихъ жертвуетъ деньги на церковный колоколь (V, 36).

Съ нѣкоторою вѣроятностью можно сказать, что подгонять всѣ проявленія добрыхъ демоновъ подъ одинъ знаменатель эльфовъ нѣтъ никакой надобности; можно видѣть въ нихъ переживаніе добрыхъ божествъ, нѣсколькихъ даже, но которыхъ узнать въ томъ видѣ, въ какомъ они являются у Цезаря, очень трудно. Вотъ примѣры преданности и благодушія добрыхъ демоновъ.

Демонъ въ видѣ прекраснаго юноши является къ рыцарю и предлагаетъ ему свои услуги. Рыцарь съ удовольствіемъ его нанимаетъ. Демонъ служилъ „такъ ревностно и почтительно, такъ вѣрно и пріятно“, что рыцарь былъ имъ очень доволенъ. Однажды онъ (рыцарь), преслѣдуемый врагами, очутился предъ широкой рѣкой. Уже слышно было приближеніе враговъ, а о переправѣ нечего было и думать. Въ отчаяніи рыцарь обращается къ слугѣ; тотъ поѣхалъ впередъ, рыцарь за нимъ, и они благополучно очутились на другомъ берегу; вѣхавшіе же по слѣдамъ рыцаря враги не могли ступить шагу. Вскорѣ послѣ этого происшествія у рыцаря заболѣла жена. Доктора рекомендовали львиное молоко. Рыцарь былъ въ очень понятномъ затрудненіи, но вѣрный рабъ здѣсь выручаетъ, бѣжить въ аравійскія пустыни и приноситъ молоко. Изумленный рыцарь спрашиваетъ своего слугу и узнаетъ, что онъ демонъ, „одинъ изъ павшихъ съ Люциферомъ“; „для меня большое удовольствіе, прибавляетъ онъ, быть съ сынами человѣческими“. Если рыцарь будетъ держать его у себя, жалѣть ему не придется: „никогда отъ меня или ради меня не приключится съ тобой бѣда“. Но хозяинъ отправляетъ своего вѣрнаго слугу и предлагаетъ ему деньги; дьяволъ проситъ 5 солидовъ; получивъ, возвращается и проситъ вылить колоколь и повѣсить въ бѣдной церкви (V, 36).

Въ другомъ разсказѣ демонъ „въ видѣ человѣка“ является

къ больному рыцарю, предлагаетъ ему свои услуги, переносить въ Римъ, въ Иерусалимъ; на дорогѣ оттуда спасаетъ отъ разбойниковъ купца и проч. При этомъ тѣло рыцаря находится на мѣстѣ безкровное и бездыханное. Послѣ возвращенія изъ путешествія рыцарь скоро приходитъ въ себя. Достойно вниманія, что все, что ни видѣлъ рыцарь въ этомъ путешествіи, передавалъ съ мельчайшими подробностями, хотя никогда прежде не бывалъ тамъ; а спасенный купецъ, прибывъ изъ Ломбардіи, рассказывалъ о своемъ почти чудесномъ избавленіи отъ разбойниковъ (V, 37). Вотъ еще примѣры благодушія демона.

Рыцарь, почитавшій Оому апостола, не отказывалъ въ пріютѣ тѣмъ, которые къ нему обращались во имя этого святого. Однажды принятый гостепріимно странникъ угралъ хорошей плащъ. Разсерженную жену рыцарь увѣрялъ, что Оома отдастъ потерянное. Послѣ этого происшествія рыцарь отправился въ Индію и просилъ жену не выходить замужъ въ продолженіе 5 лѣтъ, при чемъ разломалъ кольцо; одну часть далъ женѣ, другую удержалъ у себя. Послѣ продолжительнаго путешествія рыцарь прибылъ къ граду Оомы, гдѣ былъ очень гостепріимно принятъ жителями. Пять лѣтъ были на исходѣ. Однажды, когда онъ молился въ церкви св. Оомы, вспомнилъ, что въ этотъ день исполнилось ровно 5 лѣтъ со дня его отъѣзда, и что жена, вѣроятно, немедленно по истеченіи срока воспользуется предоставленнымъ правомъ. Раздумывая о своемъ горѣ, рыцарь выходитъ изъ церкви и видитъ человѣка въ хорошо знакомомъ плащѣ. Незнакомецъ рекомендуется рыцарю, говоритъ, что онъ дьяволъ, и что ему поручено сейчасъ доставить своего собесѣдника въ Тевтонію, гдѣ жена его сидитъ за брачнымъ пиромъ. До солнечнаго еще заката рыцарь является домой; никѣмъ неузнанный, приглашенъ на пиръ, гдѣ подаетъ женѣ кубокъ съ виномъ, на днѣ котораго лежитъ часть кольца. Жена вынула данный ей ку-

сохъ, узнала мужа, и дѣло получило сказочный исходъ ¹⁾. (VIII, 59).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ разказѣ замѣтно вліаніе, какъ народныхъ сказокъ, такъ и классическихъ преданій (Одиссея), пользовавшихся въ то время популярностью. Но теперь обращаю вниманіе на роль благодѣтеля, правда не самостоятельную, которую играетъ здѣсь чортъ; уже то обстоятельство, что для оказанія услуги своему поклоннику Гома выбралъ не ангела, а дьявола, говорить въ пользу послѣдняго.

Въ одномъ разказѣ о демонѣ онъ играетъ двойную роль. Какъ злобный духъ, онъ мучитъ дѣвочку, но поселившись съ позволенія рыцаря въ складяхъ его одежды, оказываетъ всевозможныя услуги, помогаетъ на турнирахъ, обогащаетъ его. Единственный его недостатокъ—страсть болтать, дѣлать свои замѣчанія и выражать опасенія быть обожженнымъ св. водой. Рыцарь, которому наскучилъ дьяволъ, велѣлъ ему убраться (дьяволъ могъ быть при рыцарѣ только съ его позволенія). Огорченный демонъ говоритъ: „Что тебѣ не понравилось во мнѣ? Ни разу я не повредилъ тебѣ, но обогатилъ. Мвою ты очень прославился (per me factus es nimis gloriosus). Однако я безъ твоего согласія не могу остаться, такъ какъ я обѣщаль это“. Рыцаря мольбы не тронули, а дьяволъ, хотя неохотно, удалился.

Есть демоны, внушающіе особенное довѣріе людямъ и своимъ товарищамъ. Въ приведенномъ уже разказѣ (V, 4) о магистрѣ—нигромантиѣ и о похищенномъ изъ круга неосторожномъ ученикѣ демоны обращаются за разрѣшеніемъ спора къ какому-то Оливеру, который рѣшаетъ дѣло въ пользу магистра, т.-е. приказываетъ возвратитъ похищеннаго мальчика. Тотъ же Оливеръ представляется и въ другомъ разказѣ личностью, заслуживающею особеннаго довѣрія. Нѣкто въ

¹⁾ Въ похищеніи плаща Кауфманъ видитъ указаніе на Одина (Wuotan).

честь своего города рѣшается прыгнуть съ башни. Когда его спросили, на какого демона онъ надѣется, онъ назвалъ какого-то. „Будь увѣренъ, говорили они ему, что онъ обманетъ тебя. Въдь онъ—негодяй. Вотъ если ты поручишь себя Оливеру, не будешь обманутымъ, такъ какъ онъ заботливъ и вѣренъ“. На свою бѣду шутъ не послѣдовалъ этому совѣту, прыгнулъ и свернулъ шею (V, 35).

Иногда чортомъ называется лѣсной богъ (лѣсовникъ) (Waldleute, Faunus). Такъ одному священнику онъ является въ видѣ чернаго человѣка (homotetergimus), слышенъ трескъ деревьевъ и вой вѣтровъ. Священникъ убѣгаетъ, чортъ преслѣдуетъ его до самой деревни (V, 55). Иногда чортъ является домовымъ; разъ онъ пугаетъ монаха такъ, что тотъ въ продолженіе 8 дней не можетъ ни ѣсть, ни пить, ни спать (V, 28).

Тамъ, гдѣ чортъ обнимаетъ женщинъ или мужчинъ, поднимаетъ и бросаетъ ихъ, такъ что тѣ послѣ болѣютъ (V, 31, 32, 33 и др.), нужно, можетъ быть, видѣть злобныхъ эльфовъ, которыхъ прикосновеніе, даже дыханіе причиняетъ болѣзнь и смерть ¹⁾. Изъ привидѣній упоминается у Цезарія женщина „въ сѣбной одеждѣ, блѣднолицая“, выглянувшая изъ-за забора. Дѣти и служанка, видѣвши ее, замѣтили, что она пошла по направленію въ кладбищу. Послѣ этого собштія ²⁾ 2 семейства, жившія на этомъ дворѣ, вымерли до послѣдняго человѣка (XI, 63).

Одинъ ученикъ видѣлъ въ гробахъ канониковъ привидѣніе, выходившее изъ одного саркофага и спускавшееся въ другой.

Немного спустя 2 каноника умерли и были похоронены въ этихъ саркофагахъ (XI, 64).

У Цезарія сохранилось воспоминаніе и о вѣкоторыхъ народныхъ обрядахъ, несомнѣнно остатковъ язычества. Такъ онъ

¹⁾ О нихъ говоритъ Гриммъ на стр. 429, 430 и др.

²⁾ Видъ этой женщины напоминаетъ славянскую чуму.

упоминает о хоровахъ. Выше былъ приведенъ разсказъ о священникѣ, принимавшемъ участіе въ хоровахъ и получившемъ въ награду вѣнокъ. Цезарій смотритъ на эти игры съ духовной точки зрѣнія, называетъ участвующихъ въ хоровахъ глупыми (*stulti*) и не щадитъ самыхъ неслестныхъ эпитетовъ. Въ 17 гл. фрагмента нашъ авторъ довольно подробно описываетъ народныя игры вокругъ барана. Извѣстно, что дѣволу вполнѣдствіи приносились въ жертву черныя ягнята и козлята ¹⁾. Вотъ какимъ образомъ отправлялись игры вокругъ барана (*aries*). При звукахъ фяловъ, трубъ, кимваловъ, барабановъ проходили танцующіе и преклонялись предъ животнымъ, украшеннымъ цвѣтами, лентами и пр. Тутъ же, конечно, являлось и ярое духовенство и сыпало обильныя проклятія на мало впрочемъ чувствительныхъ къ нимъ слоновъ Ваала.

Изъ талисмановъ упоминается у Цезарія камень мудрости (I, 32). Одному священнику предлагали драгоценный камень, дающій побѣду обладателю. Кауфманъ ²⁾ говоритъ о чудесномъ, по его мнѣнію, снотворномъ камнѣ. Разсказъ объ этомъ приведенъ въ I гл. Рыцарь, бывшій для покаянія въ монастырѣ (въ Гейстербахѣ) спалъ постоянно на одномъ камнѣ во время молитвы, потомъ просилъ монаховъ продать его. Цезарій не приписываетъ камню снотворной силы, а сонливость рыцаря объясняетъ искушеніемъ дѣвола (*illam confusionem fecerat ei diabolus tempore poenitentiae, ut quotiens veniens ad ecclesiam se super eundem lapidem causa orationis reclinaret, mox ei somnium subriperet*). Въ концѣ онъ приписываетъ это меланхоліи, разочарованности (*accidia* собств. кислотность).

У Цезарія есть разсказъ про дикаго охотника. Въ этомъ

¹⁾ Grimm 961.

²⁾ Caesarius von Heisterbach, ein Beitrag zur Culturgeschichte des XII und XIII Jahrhundert.

Kaufmann ¹⁾ видитъ Вугана (одина). Вотъ содержаніе. Умираетъ наложница священника и приказываетъ надѣть при погребеніи новыя башмаки, говоря, что они ей понадобятся. Проѣжающіе ночью около кладбища рыцарь и оруженосецъ услышали отчаянные крики и увидѣли при лунномъ свѣтѣ женщину въ одной рубашкѣ и въ упомянутыхъ башмакахъ. Узнавъ въ ней умершую наложницу священника, рыцарь посадилъ ее на лошадь. Звукъ роговъ и лай собакъ, слышныя сперва невнятно, звучали все внятнѣе и внятнѣе. Испуганный рыцарь соскочилъ съ лошади, схватилъ одной рукой женщину за волосы, въ другой держалъ мечъ, готовясь къ защитѣ. Но женщина стала вратся и кричать „пусти меня“, и, такъ какъ рыцарь не исполнялъ ея требованій, вырвалась и побѣжала, оставивъ клокъ волосъ въ рукѣ защитника. Преслѣдователь схватилъ ее и повесть, перекинувъ черезъ сѣдло. Тѣло женщины въ гробу оказалось безъ приди волосъ (XII, 20).

У Цезарія встрѣчаются разсказы о путешествіяхъ, совершаемыхъ при помощи добрыхъ и злыхъ духовъ. Одного пилигрима перевозить въ одинъ день изъ Иерусалима въ Германию „*persona magnaevetentiae*“, ангель перевозить дѣву Гильдегунду въ Верону, за ростовщикомъ пріѣзжаетъ дѣволъ — „*homo nigerrimus*“ и пр. и пр.

Перехожу къ загробной жизни. Цезарій образуетъ смерть — *mors* отъ *morsus* — укушеніе. Новицій говоритъ, что смерть изображается видѣ мужчины съ серпомъ (XI, 61). Иудей же, передаетъ Цезарій, считаютъ смерть ангеломъ (*ibid*). Представленія о загробной жизни довольно опредѣленны у Цезарія, при чемъ, конечно, гораздо пластичнѣе изображенъ адъ — явленіе, отразившееся съ особенной силой и въ Божественной комедіи, гдѣ адъ по рельефности представляетъ послѣднее слово искусства, а рай расплывается въ діалектикѣ, мелодіи, свѣтѣ.

¹⁾ Ibidem стр. 130.

Люди, говоритъ Цезарій, раздѣляются на 2 категоріи: *predestinati* и *praesciti*. Вотъ какое различіе существовало между этими категоріями.

„Если я *praedestinatus*“, говоритъ окаянный Людовикъ *Lantgravius*, когда священникъ грозитъ ему мученіями, „никакіе грѣхи не могутъ отнять у меня царствія небеснаго; если я *praescitus*—никакія заслуги не могутъ приобрести его“.

Людовикъ, прибавляетъ Цезарій, былъ „человѣкъ ученый, но еще болѣе испорченный“. Цезарій сравниваетъ свѣтскую жизнь съ широкой, торной дорогой, ведущей въ узкую, полную ужасовъ долину; духовную—съ тропинкой, на которой немало препятствій, но которая ведетъ въ просторную, прекрасную долину—рай. Вотъ каковъ рай у Цезарія. Это прекраснѣйшій садъ съ различнаго рода деревьями, со множествомъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Дупу встрѣчаютъ прекрасные юноши, привѣтствуютъ и ведутъ ихъ къ Богородицѣ. Иногда проводникомъ бываетъ Михайлъ. У ногъ Богородицы золотыя кресла, на нихъ садятся вѣрные слуги и утешаютъ въ блаженствѣ созерцанія (XI, 11, 12); Енохъ и Илія держатъ большую книгу, на листахъ которой записаны имена спасенныхъ (*liber praedestinationis*). Когда послѣдняя страница будетъ записана, наступитъ конецъ міра (VII, 38). (Глубинная книга). У ногъ Богородицы потокъ, въ которомъ мелькаютъ драгоценные камни; потокъ—орденъ Цистерціанцевъ, камни—особенно любимыя Маріей монахи (это, конечно, принадлежитъ къ спеціальнымъ выдумкамъ монаховъ). Въ раю превращается зависть, злоба, царитъ миръ. Всѣ страсти улеглись, желанія насыщены, и избранники въ экстазѣ наслаждаются созерцаніемъ Божества (XII, 50).

О чистилищѣ у Цезарія немного. Но изъ отрывочныхъ извѣстій можно приблизительно составить слѣдующее. Лица, умершія въ состояніи благодати, но не вполне очистившіяся отъ грѣховъ, наказываются тѣмъ только, что лишены созер-

цанія Божества (XII, 37) до времени. Однако это наказаніе тяжело: „*spes, quae differtur, affligianimam*“. Являющіеся изъ чистилища бываютъ блѣдны, исхудалы, въ темной одеждѣ (XII, 25, 26, 64 etc).

Уже въ чистилищѣ замѣтна нѣкоторая послѣдовательность въ наказаніяхъ; такъ, у монаха, нехорошо посѣщавшаго монастырскія работы, оговъ жжетъ ноги; онъ чернѣють, тогда какъ все тѣло блестяще и прозрачно (XII, 31).

Приблизительно извѣстно, гдѣ находится чистилище. Пасхазій, по свидѣтельству Григорія, мучился тамъ; какой-то монахъ св. Еухарій, стоя на скалѣ, близъ *Freveris* (*Frier*), подвергался вліанію вѣтровъ и бурь, „но кто сомнѣвается въ существованіи чистилища, пусть идетъ въ Ирландію, войдетъ въ чистилище св. Патрика и не будетъ больше сомнѣваться въ наказаніяхъ чистилища“¹⁾. Это глубокая долина (*fossa humilis*, окруженная стѣнами²⁾). Даже для величайшаго грѣшника достаточно провести тамъ одну ночь. Кто хотѣлъ тамъ побывать, того, послѣ исповѣди, снабдивъ наставленіями, предупредивъ о дьявольскихъ искушеніяхъ, впускали, и, если утромъ не находили на томъ-же мѣстѣ, это значило, что уже не слѣдовало ждать. Одинъ монахъ, въ капюшонѣ на подобіе креста, былъ посаженъ на выступѣ стѣны, такъ какъ онъ изъявилъ желаніе посѣтить это чистилище. Демоны въ зинющей безднѣ требовали, чтобы онъ снялъ капюшонъ; монахъ не соглашался и въ препирательствѣхъ съ ними провелъ всю ночь (XII, 38, 39). Такъ представляется чистилище.

Что-же касается ада, то онъ находится въ сердцѣ земли

¹⁾ Св. Патрикъ, апостолъ Ирландіи, род. 372 въ Шотландіи. Родители его были люди знатные. На 16 г. онъ былъ похищенъ морскими разбойниками и привезенъ въ Ирландію. Послѣ 6-ти-лѣтней трудовой жизни (онъ былъ наставкомъ) сдѣлался проповѣдникомъ христіанства и умеръ 483 г. Георгій III въ 1783 г. учредилъ для Ирландіи орденъ св. Патрика.

²⁾ *Writh. St. Patricks Purgatory London 1844.*

(in corde terrae), „чтобы змея не видѣла свѣта небеснаго“ (XII, 42).

Въ адѣ ведутъ двери (I, 34); въ центрѣ его находится огненный колодезь (I, 34; XII, 2, 5, 6, 40 и др.), онъ иногда прикрытъ огненной крышккой, иногда открытъ; на срубѣ часто сидитъ чортъ. Колодезь извергаетъ сѣрное пламя. Пьютъ грѣшники смолу (XII, 10), питаются гадами и змѣями (XII, 18. Цезарій однимъ стихомъ характеризуетъ муки ада:

„Pix, nix, nox, vermis, flagra, vincula, pus, pudor, horror.“¹⁾ (XII, 1).

Мученія въ аду такъ сильны, что еслибъ всѣ листья деревьевъ превратились въ языки, ихъ тогда нельзя было бы передать (XII, 13). Огонь тамъ такой, что лучше горѣть на костре, сложенномъ изъ всѣхъ деревьевъ міра, чѣмъ въ немъ (XII, 23). Тамъ, гдѣ горитъ душа преступника (Вильгельма, гр. Juliacensis), расплавился бы въ одно мгновеніе желѣзный замокъ съ башнями и стѣнами (XII, 5). Но есть мѣста такіа холодныя, что души, понавшія сюда, предпочитаютъ адскій огонь, есть такой непроницаемый страшный мракъ, что холодъ въ сравненіи съ нимъ является благодатью (XII, 23). Есть еще 6 родовъ мученій, которые перечисляетъ писаніе scriptura (Ibid.). Съ душами дьяволы иногда играютъ, какъ съ мячиками: влирива, сохранявшаго камень мудрости, данный чертомъ, дьяволы бросаютъ и ловятъ, при чемъ ихъ острые ногти, вѣсившаяся, причиняютъ невыразимую боль (I, 32). (ср. вид. Тундала).

Замѣтна нѣкоторая послѣдовательность въ распредѣленіи мученій: ростовщикъ сидитъ на огненномъ стулѣ; преступная монахиня носить огненнаго ребенка (XII, 21); пьяницу угощаютъ смолой и насильно вливаютъ ее въ ротъ (XII, 40, 41); священника, небрежно исполнявшаго свою обязанность,

¹⁾ Смола, сибгъ, ночь, червь, розги, оковы, гной, срамъ, ужасъ.

прихожане забрасываютъ камнями и его самого бросаютъ въ колодезь (XII, 6); отнявшій у вдовы овчину и у сосѣда землю рыцарь долженъ носить одежду, прожигающую тѣло, и громадную глубину земли (12, 14). У священника, взявшаго плащъ у пилигрима и не отправившаго согласно общинію панихиды, въ аду обвиваютъ голову вонючимъ и пылающимъ плащемъ (XII, 42).

Огнедышащія горы считались жерломъ ада. Упоминаются Вулканъ (на Липарскихъ островахъ), mons Gyber (Этна). Изъ перваго по временамъ раздается голосъ, призывающій и привѣтствующій извѣстныхъ злодѣяніями грѣшниковъ, особенно городскихъ начальниковъ (scultetus) и герцоговъ (XII, 7, 8, 9, 10, 13).

Король Артуръ, избравшій себѣ мѣстопробываніемъ по-земель Эгны (mons Gyber), приглашаетъ къ себѣ декана Палерма, который былъ „natione, ut puto Teutonicus“. Въ назначенный день деканъ умираетъ (XII, 12). Такой же случай передаетъ Gervasius v Tilbury въ „Otia Imperialia“ (XIII в.) съ тѣмъ только различіемъ, что въ послѣднемъ слуга епископа Катанскаго видитъ Артура и получаетъ для своего сына подарки и приглашеніе, у Цезарія слугу декана встрѣчаетъ старикъ, называющій себя придворнымъ короля Артура и передаетъ отъ имени своего господина приглашеніе „ad curiam ejus solemnem“ безъ подарковъ.

Наслѣдіе языческой стороны — животный эпосъ — напелъ себѣ отголосокъ и въ трудѣ Цезарія. Между человѣкомъ и нѣкоторыми животными — его любимцами сохранилась еще живая связь. Аистъ, эта священная нѣкогда птица, пользуется особенною симпатіей даже у монаховъ: аисты не улетаютъ безъ благословенія послѣднихъ (X, 58). Семейная жизнь аистовъ была предметомъ наблюденій, а строгость самцовъ къ нарушительницамъ супружеской вѣрности ставится въ примѣръ мужьямъ (X, 48, 49, 50). Ласточкѣ привязываютъ карточку

сь вопросомъ, гдѣ проводить она зиму, и получаютъ отвѣтъ, написанный какимъ-то азіатомъ „въ Азій, въ домѣ св. Петра“. Волею хватаетъ дѣвushку и, когда она вынимаетъ кость изъ горла его товарища, проводитъ ее домой безвредно (X, 56). Волчица-мать всюду преслѣдуетъ мальчика, перебившаго ноги ея щенятамъ, перегрызаетъ ему горло и сама погибаетъ (X, 64). Жаба преслѣдуетъ воина, ударившаго ее, до тѣхъ поръ, пока онъ не удовлетворитъ ея мести, позволивъ укусить руку (X, 67). Змѣя сосетъ рану больного рыцаря, рана засыхаетъ, а оригинальный врачъ всюду ползаетъ за своимъ паціентомъ, не причиняя ему, впрочемъ, вреда. Рыцарь уѣзжаетъ на полгода, но змѣя по возвращеніи не забываетъ своего пріятели и продолжаетъ всюду слѣдовать за нимъ до тѣхъ поръ, пока ея не убиваютъ (X, 70). Женщины и мужчины глотаютъ нерѣдко змѣй и жабъ; чтобы вывести ихъ изъ организма, употребляютъ особыя средства; женщины иной разъ рожаютъ младенца, вокругъ котораго обвита змѣя (X, 71, 72). Кукушка пользуется довѣріемъ монаха, за которое онъ жестоко платится. По счету кукушки ему слѣдовало жить 22 г.; онъ рассчитывалъ 20 л. жить въ свое довольствіе, а 2 посвятить Богу. Кукушка обманула его: черезъ 2 года онъ умеръ (V, 17). Осель превлоняется предъ евхаристіей; быки останавливаются передъ ней, а пчелы строятъ для гостя восковую капеллу (X, 8); мыши не грызутъ святыхъ буквъ на ней (IX, 11); муха, мѣшающая отправлять обѣдню, падаетъ мертвой (IX, 10); птица, умѣвшая говорить: „св. Тома, помоги мнѣ“, освобождается, по повелѣнію Бога, изъ когтей коршуна (X, 56); голуби улетаютъ, получивъ на то у рыцаря позволеніе (X, 57) и пр. и пр.

Чтобы покончить съ этой главой, мнѣ необходимо сказать два-три слова о разнаго рода феноменахъ природы, упоминаемыхъ у Цезарія.

Предъ крестовыми походами являются на небѣ кресты

(X, 37 и др.). Кресты въ различныхъ положеніяхъ являются по другимъ причинамъ (X, 38, 39, 40 и др., напр., 3 креста, посреди распятіе). Въ Саксоніи падаетъ водяное облако и затопляетъ нѣкоторыя провинціи (X, 41). На Кипрѣ случаются сильныя землетрясенія, во время одного погибло 2 города (Brixia-Brestia—XI, 251). Въ Кельнѣ является на небѣ огонь; вода, по свидѣтельству многихъ, превращается мѣстами въ кровь (X, 62) и проч. и проч.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Отъ автора	I—III
I. Литературная дѣятельность Эразма Роттердамскаго.	1
II. „Венеціанскій купецъ“ Шекспира	69
III. Вокваччо въ изслѣдованіи А. Н. Веселовскаго	95
IV. Драматическое творчество Кальдерона. (По поводу 300-лѣтней годовщины его рожденія 1600—1900)	123 ✓
V. Культурная жизнь нѣмецкаго общества XII и XIII в. (По „Диалогу Чудесъ“ Цезаря Гейстербахскаго).	143